Перекрёстки

N 3-4 / 2010

ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Европейский гуманитарный университет
Центр перспективных научных исследований и образования (CASE),
проект «Социальные трансформации в Пограничье: Беларусь, Украина, Молдова»

Перекрестки № 3–4/2010
Журнал исследований восточноевропейского Пограничья
ISSN 1822-5136

Журнал включен в международную базу данных Indexed in the MLA International Bibliography

Журнал выходит с 2001 г.
Периодичность: ежеквартально
Адрес редакции и издателя:
Европейский гуманитарный университет
Tauro str. 12, LT-01108
Vilnius Lithuania
E-mail: perekrestki@ehu.lt

Формат 70х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,65. Тираж 300 экз.
Отпечатано: «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius

На обложке использован фрагмент картины художника
К. Богаевского, Романтический пейзаж. Солнце, 1938.

ЕГУ выражает глубокую признательность за помощь и финансовую поддержку проекта
Корпорации Карнеги, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Андрей Портнов

ПАМЯТЬ И ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ, МОЛДОВЕ И УКРАИНЕ: НЕСКОЛЬКО СРАВНИТЕЛЬНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

Abstract

In all three countries described in this article, the Second World War remains one of the central questions of the politics of memory and forgetfulness. Compared to Belarus and Moldova, Ukraine has a particular trait: its rich regional diversity of models of memory and continuity (beginning in 1991) in the textbook scheme of history. The most radical changes in textbooks have taken place in Belarus. In Moldova, the struggle surrounding the history curriculum in schools (to be more specific, the very name of the subject) has attested to the highest potential of social mobilization. The main common denominator of development in these three countries lies in the fact that one day the sole Soviet myth of the "Great Patriotic War" will give way to nationalization (even if by an emphatically communist or "anti-nationalist" government) and adaptation to local expectations and needs. The trajectories of Belarus, Moldova, and Ukraine (of course, without losing sight of fundamental differences) may be described most generally as movement away from single national schemes, through re-Sovietization of varying intensities, to a search for models of a political nation and civic identity.

«Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков» в конце 1960-х гг. фактически сменила «Великую Октябрьскую социалистическую революцию» как основополагающий миф советского строя. Начиная с 1965 г. 9 мая стало официальным государственным праздником. Тогда же появилась категория «городов-героев», была выпущена юбилейная медаль и начато создание мемориально-музейных комплексов по всему СССР. В частности,

в роли знакового места для Беларуси утвердилась Брестская крепость, в Киеве неподалеку от Киево-Печерской лавры появился огромный монумент «Родина-мать». Многочисленные литературные произведения, кинофильмы (нередко шедевры жанра) создали образцовую картину войны с соответствующими акцентами и фигурами умолчания. Сакрализация жертв (чрезвычайно метко обозначенная в поэзии Булата Окуджавы как «одна на всех Победа», ради которой «мы за ценой не постоим»), неразрывно связанная с чувством гордости за страну, была одновременно легитимизацией режима и правящей партии, без «руководящей роли» которой, конечно же, Победа была бы невозможна.

При этом официальная память о войне не только отодвигала на третий план, но и фактически репрессировала локальные памяти. В частности, в очерченных ее границах не было места для холокоста евреев и ромов (которые принципиально не выделялись из общих «мирных жертв фашизма») и, тем более, для депортаций десятков национальных групп, осуществленных в 1944 г. В тематическом репертуаре этой памяти не могло быть места и для преступлений советских войск в освобожденной в 1944–1945 гг. Европе, и для обсуждения «цены Победы» – отношения советского командования к жизни рядовых солдат, и для многих сторон жизни под оккупацией, и репрессий на бывших оккупированных территориях после восстановления там советской власти.

В то же время роль и влияние Второй мировой войны на развитие постсоветских стран не ограничивается силой советской идеологической схемы. Современная Европа и ее восточная часть в том числе, во многом является геополитическим, культурным, экономическим продуктом Второй мировой войны. В частности, вся территория современных Беларуси, Молдовы и Украины были оккупированы нацистами. Послевоенные изменения границ и «обмены населением» (конечно же, в последнем случае мы имеем дело с эвфемизмом, скрывающим практики, которые уместнее описать как «этнические чистки»), опыт повторного прихода советской власти и осуществленных ею репрессий до сих пор оказывают ощутимое влияние на развитие этих стран.

Распад Советского Союза, который был вызван как стремительными дезинтеграционными процессами в центре, так и эмансипационными движениями в республиках, поставил перед каждым из постсоветских государств серию чрезвычайно непростых вопросов. Одним из них явилась необходимость создания новой государственной идеологии, новой схемы истории, позволяющей легитимизировать постсоветское политическое устройство. Ответы на этот вызов в разных странах варьировались в зависимости от внутренней и геополитической ситуации, процентного соотношения национальных и религиозных групп населения, воли и ответственности конкретных политических сил и деятелей. Одну из сложнейших головоломок в области того, что на переломе XX и XXI веков начали называть «политикой памяти», представлял унаследованный от СССР миф «Великая Отечественная война».

Беларусь

Важнейшая особенность Беларуси состояла в фактическом отсутствии националистического подполья, которое бы противостояло советской системе. Наоборот, достаточно массовое после Сталинградской битвы партизанское движение было в советское время мифологизировано как «всенародное» и отображено в метафоре «Беларуси партизанской». В постсоветское время отсутствие социальных групп со сформированной и отличной от советского нарратива памятью о войне превратилось в слабость предпосылок для плюрализации исторической схемы[1].

Тем не менее, в первых белорусских учебниках истории, изданных в начале 1990-х, предприняты серьезные шаги по реконцептуализации советского образа войны. В частности, в них упоминались советско-германские договоренности 1939 г., появился термин «Вторая мировая война» (который использовался активнее, чем «Великая Отечественная») и совершенно исчез термин «советский народ», шла речь о просчетах и ошибках советского руководства, исчез тезис о «руководящей роли» Компартии в организации сопротивления, «массовая борьба» пришла на смену «всенародной», впервые упоминались случаи грабежа и насилия над мирным населением со стороны советских партизан[2].

Практически сразу после избрания Александра Лукашенко президентом, наряду с восстановлением советской символики как официальных символов Республики Беларусь, было принято решение об изъятии из школ белорусских учебников и замене их советскими. Однако поскольку последних уже физически не было в необходимом количестве, замена учебной литературы была произведена в 1996–1997 гг.

В изданном в 2000 г. учебнике фактически восстановлены советские мифологемы «воссоединения» Беларуси в 1939 г., широко использовался термин «Великая Отечественная война» и «всенародная борьба», оккупационный нацистский режим и все формы сотрудничества с ним изображались однозначно негативно. В то же время, в отличие от советского учебника, «Великая Отечественная война» изображалась как часть «Второй мировой», что само по себе уже сигнализировало адаптацию дискурса к постсоветским реалиям.

Накануне 60-летия Победы, наряду с целым рядом государственных мероприятий (от амнистии до создания новых мест памяти), было принято решение о введении во всех средних и высших учебных заведениях Беларуси факультативного курса «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Президент Лукашенко максимально воспользовался юбилеем для легитимизации своего режима и недвусмысленно поставил «Великую Отечественную войну» в центр государственной идеологии.

Лукашенко обозначил войну как «смысловый пункт нашей истории», в котором «наиболее рельефно проявились величественный дух белорусского

народа, его свободолюбивая сущность и историческая мудрость»[3]. Последовательно подчеркивая огромный вклад белорусов в победу над нацизмом (в этом контексте охотно упоминается 3 миллиона жертв населения республики), Лукашенко назвал белорусов «самым интернациональным народом» и отметил, что в основе «наших сегодняшних успехов» лежит «дух непокоренного народа, который вместе с другими народами Советского Союза внес решающий вклад в спасение человечества от коричневой чумы». Последняя цитата взята из поздравления президента с Днем Независимости, который является одновременно Днем освобождения Минска.

Наиболее заметным и контроверсионным коммеморативным мероприятием к 60-летию «Победы советского народа в Великой Отечественной войне» стало открытие историко-мемориального комплекса «Линия Сталина». Речь идет о цепи оборонительных сооружений, возведенных в 1928–1939 гг. и не сыгравших заметной роли во время Второй мировой войны. Последнее обстоятельство, как и то, что «Линия Сталина» суть неофициальное условное название, которого при желании можно было легко избежать, позволили высказать предположения, что именно фигура «отца народов» является ключевой во всем замысле. Формально инициатором создания комплекса стал благотворительный фонд «Память Афгана», но поддержка проекта со стороны президента Лукашенко не только не отрицалась, но подчеркивалась. «Линия Сталина» была торжественно открыта 30 июня 2005 г. Ее официальный сайт (www.stalin-line.by) в своих немногочисленных текстах содержит основные перлы слегка модернизированной лексики «молодежно-патриотической» периодики 1970-х. В частности, на сайте можно узнать, что комплекс «создавался методом народной стройки», а «основная тяжесть труда по созданию музея легла на плечи подразделений инженерных войск Республики Беларусь». И апофеоз: «Подойдите к доту. Прикоснитесь к нему руками, и вы услышите рокот «максима», запах пороха и звон гильз, падающих на бетонный пол».

«Линия Сталина» позиционируется ее дирекцией как музей, «место семейного отдыха» и место проведения корпоративных вечеринок *одновременно*. В списке предлагаемых посетителю *развлечений* (другое слово здесь было бы проблематично): лодочная прогулка по озеру; «наваристая солдатская каша» в кафе «На привале»; пневматический тир, в котором можно «стать «ворошиловским стрелком»; катание на бронетехнике; возможность «испытать настоящее оружие времен Великой Отечественной войны». Любопытно, что сам такой подход (даже если его авторы этого не осознают) разительно расходится с декларируемой советской стилистикой сакрализацией мест памяти и напоминает о торжестве массовой культуры.

История с сооружением в Минске памятника маршалу Георгию Жукову вышла менее триумфальной. Памятник планировался как 4,5-метровая конная статуя (первый конный монумент в столице Беларуси), которая должна была

быть установлена напротив Дома офицеров неподалеку от давно стоящего танка, первым ворвавшегося в город в 1944 г. На установку конной статуи была собрана соответствующая сумма, когда власти вдруг высказали мнение, что выбранное для памятника место неудачно. Пока искали иное место, инфляция съела значительную часть денежной суммы, и конный вариант отпал сам собой. Вместо него запланировали 7-метровый бюст маршала, который затем превратился в метровый (правда, на высоком, в советском стиле, постаменте высотой 4 метра), который и был торжественно открыт на Железнодорожной улице весной 2007 г.

В 2006 г. в белорусские школы впервые поступил учебник истории на русском языке, написанный тем же Владимиром Сидорцовым, который в 1993 г. издал учебник, описанный выше[4]. На этот раз автор, ориентируясь на новые ожидания властей, представил «воссоединение» 1939 г. в полностью позитивных тонах, вернул в текст «руководящую роль» Компартии и «всенародную борьбу». В то же время учебник 2006 г. впервые упомянул термины «холокост» и «остарбайтеры», и даже предпринял «осторожное обращение к национальному дискурсу при полном преобладании советского подхода»[5]. Принимая данную оценку Алеся Смоленчука, стоит еще раз обратить внимание на сам факт *неизбежного* (пусть и очень фрагментарного) переформулирования советского нарратива в постсоветских условиях.

Логику Лукашенко при обращении и максимальной эксплуатации мифа «Великой Отечественной войны» можно описать как понятное стремление опереться на существующий символический ресурс, тем более учитывая ожидания большинства его избирателей. Гораздо более серьезным вызовом для его режима оказалась необходимость внесения в этот миф осторожных, но существенных корректив. Главным мотором таких корректив стал новый социальный контекст использования советских мифов. В этом ключе чрезвычайно любопытной и малоизученной представляется тема отличий в репрезентации и восприятии войны жителями современных Беларуси и России.

Как о примере таких корректив упомяну осторожный переход от концепта «Победы советского народа» (из указов Президента к 60-летию «Великой Отечественной войны») к Победе белорусского народа, «который вместе с другими народами Советского Союза внес решающий вклад…». Это изменение очень тонкое, но тем более важное в контексте усилий по формированию «белорусской политической нации» (полностью отдаю себе отчет в условности и обманчивости этого определения).

Молдова

Главной особенностью политик памяти в постсоветской Молдове остается конфликт «румынской» и «молдавской» интерпретаций идентичности населения республики[6]. Другими словами, вопрос о том, составляют ли молдаване

отдельную нацию (как убеждала советская пропаганда) или являются частью румынской нации? после распада СССР неминуемо приобрел жесткие политические коннотации.

Как и в остальных бывших советских республиках, в начале 1990-х преобладал эмансипационный дискурс, окрашенный в национальные тона. При президенте Мирча Снегуре (1991–1996) был начат постепенный отход от советского символического нарратива в пользу румынского. Важнейшим символом такой трансформации стало восстановление в Кишиневе памятника Стефану Великому и массовый демонтаж монументов Ленина, а также обращение к формуле «два государства – одна нация».

Однако, как и политику Шушкевича в Беларуси или Кравчука в Украине, линию Снегура уместно рассматривать, скорее, в контексте ситуативного реагирования на изменчивый внутренне- и внешнеполитический контекст, нежели как последовательную политику «национализирующего государства» (в терминах Р. Брубейкера). Уже 5 февраля 1994 г., выступая на собрании «Наш дом – Республика Молдова», Снегур вернулся к концепту «молдавской нации», а в новой Конституции страны был зафиксирован принцип «два государства – две нации»[7].

Президент Петру Лучински (1996–2001) продолжил движение в направлении «молдовенизма» и предпринял шаги к выведению генеалогии постсоветской Молдавии из державы Стефана Великого. После победы в 2001 г. на парламентских выборах Коммунистической партии в Молдове начинается массовая реставрация памятников «советских воинов-освободителей», «День Независимости» превращается в «День Республики», выдвигается тезис о «многонациональном молдавском народе» и параллельно маргинализируется символика, ассоциируемая с румынской идентичностью. В декабре 2001 г. правительство приняло решение заменить школьный курс «Истории румын» «историей Молдавии», реакцией на которое стал трехмесячный митинг протеста в Кишиневе.

В 2001 г. в Молдове впервые на наивысшем уровне праздновали День Победы, причем в преимущественно советский ритуал была включена статуя Стефана Великого, дабы подчеркнуть «историческую преемственность» молдавской государственности[8]. Иными словами, и в этом случае советский нарратив «солнечной Молдавии» приспосабливается под новые условия путем добавления одних сюжетов и переакцентации других. На уровне локальных сообществ и местной памяти «одомашивание» советских памятников нередко происходит путем их идеологического переформулирования – в частности, в селах люди часто заменяют красные звезды христианскими символами[9], тем самым создавая близкий им образ войны.

Обоснованным представляется вывод Владимира Солонари, что в социально-культурных условиях постсоветской Молдовы ни коммунистический, ни националистический нарратив не в состоянии предложить содержательную и

неантагонистическую визию молдовской истории и идентичности, которая бы способствовала формированию современной идентичности[10]. В то же время нельзя не обратить внимание на то, что коммунистический нарратив активно использует традиционалистские и националистические категории для самолегитимизации (ярчайший пример – постулирование преемственности средневековой молдавской державы, Бессарабии в составе Российской империи, Молдавской автономной ССР в составе Советской Украины и Молдавской ССР, созданной в 1940 г.). Однако при этом его основополагающим Другим является румынский национальный проект.

Украина

В украинском национальном нарративе, который, начиная с 1990-х гг., был наиболее последовательно внедрен в школьные учебники, коммунизм, как и Российская империя – это, прежде всего, *внешние* силы, насильно включившие Украину в свою орбиту. В такой перспективе Украина, действительно пострадавшая от тоталитаризма, отрицает свое участие в его создании, и желает видеть себя жертвой внешней агрессии[11]. Отражением этого механизма является болезненность (даже в академических кругах) вопроса о украинизационном потенциале советской власти, о роли СССР в создании границ УССР и этнизации политического пространства республики. Для постсоветской Украины особо важна преемственность (пусть и достаточно иллюзорная) с досоветскими формами украинской государственности. Именно поэтому Леонид Кравчук в 1993 г. принял президентские регалии от главы Украинской Народной Республики в изгнании (ведущей преемственность от Украинской Народной Республики 1917–1921 гг., уничтоженной в Украине большевиками) Мыколы Плавюка.

Однако полное вынесение советского за рамки легитимного образа прошлого было невозможно, учитывая и настроения значительной части населения (в сознании которого «советское» фигурировало как время благополучия, социальных гарантий и стабильности), и внешнеполитическое давление России. Исторический сюжет, требовавший пусть и избирательной, но интеграции в официальный нарратив – «Великая Отечественная война». Основной стратегией интеграции войны в новую официальную схему стала ее гуманизация, переключение внимания на частную историю, подвиг и страдания «обычных людей», при одновременном акцентировании ошибок и жестокости советского руководства и военачальников. Показательно, что даже в Западной Украине, наряду с массовым возникновением мемориалов националистическому подполью, памятники советским солдатам не демонтировались и не подвергались вандализму. Их десоветизация и адаптация к новым условиям нередко происходила путем достройки скульптуры Божьей Матери, оплакивающей павших (как, например, было сделано в прикарпатском Славском).

В отличие от Беларуси, в Галиции и на Волыни до начала 1950-х гг. действовало очень сильное националистическое подполье. Проблема включения в новую версию войны деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА) решалась акцентированием ее противостояния с немцами, «демократической» эволюции националистического движения после 1943 г. и замалчиванием антипольской акции на Волыни и участия в нацистской политике уничтожения евреев. Причем в представлении истории УПА гораздо слабее, чем в истории советских войск, присутствовало противопоставление героизма рядовых членов движения и самой природы исповедуемой его руководителями идеологии. Целью простых украинцев, воевавших по разные стороны фронта, провозглашалась процветающая и свободная Украина, что после 1991 г. должно было создавать предпосылки для примирения ветеранов. При этом все попытки официального признания участников националистического подполья ветеранами войны и реабилитации УПА на государственном уровне закончились неудачей, из-за чего эта проблема перешла в разряд «вечных» тем постсоветской Украины.

С начала 1990-х гг. Галицию и Волынь (которые нередко отождествляются со всей «Западной Украиной»[12]) накрыла волна памятникотворчества. Излюбленным героем стал Степан Бандера – лидер радикального крыла Организации украинских националистов. 25-летний Бандера был одним из организаторов убийства министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого (1934). Польский суд присудил его к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. Начало Второй мировой войны и распад Польши подарили Бандере свободу. 30 июня 1941 г. возглавляемая Бандерой ОУН провозгласила во Львове «возрождение украинской государственности», после чего все лидеры организации были арестованы немцами. Таким образом, войну Бандера пережил в лагере Заксенхаузен, откуда был освобожден войсками союзников. После завершения войны Бандера жил в Австрии и Германии, по-прежнему возглавляя радикальное крыло ОУН. В 1959 году он был убит советским агентом. Собственно прославился именно деперсонифицированный Бандера-символ, ставший именем нарицательным украинских националистов («бандеровцы», «бандеры»). Постсоветская канонизация Бандеры, наиболее заметная в Восточной Галиции, выступает одним из ярчайших примеров внешнего разрыва с советским идеологическим каноном (в котором Бандера был, пожалуй, антигероем № 1).

В 1990-е г. памятники Бандере поставили во многих галицийских городах, однако во Львове его долгое время не было. Возможно, одной из причин было то, что более насущной задачей для Львова стало установление памятника Тарасу Шевченко. Львов был едва ли не единственным большим городом Украины, где в советское время так и не поставили монумента «Кобзарю», как известно, интегрированному в канон «извечной дружбы с Россией». Бронзовый Шевченко появился во Львове на проспекте Свободы в 1992 г. приблизительно на том же

месте, где раньше стоял памятник польскому королю Яну Собескому (в 1950-м он был вывезен в Гданьск, где стоит до сих пор), а затем Ленину.

О памятнике Бандере во Львове заговорили с начала 1990-х и тогда же определили для него место – площадь Кропивницкого, неподалеку от железнодорожного вокзала и неоготического костела св. Елизаветы начала XX века. В 2002 г. по результатам конкурса был утвержден проект архитектурной композиции с фигурой Бандеры в центре и триумфальной аркой, символизирующей «четыре этапа борьбы украинцев за государственность»: Киевская Русь – казачество – Украинская и Западноукраинская Народные Республики 1918–1921 годов – ОУН и УПА.

Сам памятник должны были открыть еще в 2004 г., но тогда не хватило денег. Глава Львовского облсовета даже обратился к главам сельсоветов с просьбой собрать по 100 гривен с села. В конце концов большую часть средств (2 млн гривен) выделили из областного бюджета. Семиметровую бронзовую статую Бандеры открыли 13 октября 2007 года. Эта дата приурочена к 65-летию УПА (которая была создана решением ОУН 14 октября 1942 года, в праздник Покрова Богородицы, что в свою очередь отсылает к казаческим традициям считать Богоматерь покровительницей и заступницей). В открытии памятника приняли участие высокие львовские чиновники. У подножья статуи замуровали капсулы с землей из родного села Бандеры и его могилы в Мюнхене. Выступая на открытии памятника, глава Львовского облсовета Мирослав Сеник заявил, что это «народный памятник народному герою».

Львовский памятник выдержан в той же стилистике, что и другие постсоветские памятники Бандере. Постамент – высок, герой – сосредоточен и непоколебим, его слава – несомненна. Остальные постсоветские памятники Бандере выдержаны в тех же тонах, хорошо знакомых по советским монументам революционных деятелей. Иными словами, стилистика «аидеологических» памятников (а их перечень только в том же Харькове включает памятники влюбленным, скрипачу на крыше, футбольному мячу и т.д.), как правило, менее советская, чем идеологические монументы радикально антисоветского смысла в Галиции.

Из школьных учебников понятие «Великая Отечественная война» исчезло полностью и только в 1995 г., после вмешательства парламента, было туда возвращено. Однако несмотря на это, все изложение событий в учебниках не претерпело никаких изменений. Но, безусловно, достаточно однозначный учебник попал в плюралистическое пространство, где основной альтернативой национальной схеме были отдельные элементы советской мифологии, популизм и ностальгия, которые очень условно, следом за Джоном-Полом Химкой, можно назвать «постсоветской» идентичностью – невыразительно артикулированным набором представлений, доминантой которых является слабый интерес к национальному вопросу, но, при этом, принципиальная оппозиционность к эксклюзивному этническому национализму[13].

Говоря о первых годах независимости Украины, не стоит преувеличивать и сознательность сопротивления официальной линии, и сознательность самой официальной линии. Ключом к пониманию государственной политики того времени представляется осознание ее глубинной ситуативности, разнонаправленности. Поиск стратегий, позволивших легитимизировать Украину и ее постсоветскую элиту, но в то же время не вызвать национального, языкового, религиозного конфликта, с постоянной оглядкой на Россию, происходил буквально на ощупь.

Такой подход был доведен до совершенства президентом Леонидом Кучмой, очень любившим рассуждать о «многовекторности». Президент не только последовательно поздравлял украинцев со всеми советскими праздниками, но возобновил в 2000 г. на государственном уровне 23 февраля как «День защитника Отечества» и превратил 7 ноября в «День социальной гармонии». По мнению Виктории Середы, легитимизация советских праздничных дат в украинском календаре преследовала целью «снять конфликт между советской исторической идентичностью и новой украинской лояльностью»[14]. Вопрос о том, насколько это делалось осознанно, достаточно сложен, но, в любом случае, важны ретематизация советского, его «одомашнивание» и частичная деидеологизация, помноженные на расчет власти на позитивное восприятие ее решений постсоветским обществом.

Настоящим ноу-хау Кучмы стала регионализация символических исторических мероприятий. Юбилеи Западноукраинской народной республики и Даниила Галицкого были проведены во Львове; юбилей Владимира Щербицкого праздновали в Днепропетровске, а станцию метро «Комсомольская» переименовали в «Маршала Жукова» в Харькове. Очень важно подчеркнуть, что при Кучме вертикаль власти стала намного жестче, чем при Кравчуке, поэтому во всех перечисленных примерах инициатива и идея празднования исходила из центра и лишь реализовывалась в регионах. Причем иногда юбилеи, по идее обреченные на идеологический конфликт, праздновались параллельно, но в разных местах и были адресованы разной аудитории. Например, одновременно с 85-летием последнего первого секретаря ЦК КПУ Щербицкого, на время правления которого приходятся репрессии против диссидентов и Чернобыльская авария, в соответствии с указом Кучмы отмечался юбилей Вячеслава Черновола – диссидента, сидевшего при Щербицком в лагерях, а затем главы Народного Руха Украины и главного оппонента Кравчука на первых президентских выборах.

Столкнувшись с неразрешенным за первые три года независимости вопросом реабилитации воинов УПА и, шире, о оценке Второй мировой войны, Кучма и тут пустил в ход излюбленную амбивалентность. Ее апофеозом стало издание двух вариантов официальной, санкционированной президентским указом «Книги памяти Украины» с именами павших на фронтах. В одной части тиража в редакционную статью к последнему тому были включены слова о не-

оспоримой доказанности, что «ОУН и ее вооруженные формирования содержались и вели войну как наемники фашистской Германии против стран антигитлеровской коалиции и заклеймили себя как коллаборанты фашизма», в другой же части тиража эта вставка отсутствовала[15]. Разные адресаты получили разную историю!

Когда адресата обращений президента было сложно разграничить, на первый план выходило замалчивание проблемы. В своих юбилейных речах к 9 Мая Кучма старался избегать темы УПА и тем самым гораздо более широкой темы внутриукраинского конфликта (в его риторике украинцы были и остаются едины). Одновременно власти пытались использовать тему реабилитации УПА в сиюминутной политической борьбе. Еще 28 мая 1997 г. была создана правительственная комиссия по изучению истории ОУН и УПА. Рабочую группу историков при ней возглавил специалист по новейшей истории Украины и СССР Станислав Кульчицкий. Результат работы группы Кульчицкого является одним из немногих примеров диалога власти и профессиональной историографии по вопросу большой общественной значимости.

Предварительные выводы рабочей группы были опубликованы в 2000 г.[16], окончательные – уже в Украине без Кучмы в 2005 г.[17] По мнению Вильфрида Ильге, выводы содержат ряд «инновационных и самокритичных интерпретаций» (прежде всего, признание радикально националистической природы идеологии Организации украинских националистов) и свидетельствуют об отказе от «однозначной героизации ОУН и УПА». В то же время они вписывают украинское националистическое подполье в «умеренный» украиноцентричный нарратив, категорически отрицают сотрудничество повстанцев с Германией после 1943 г. и поддерживают идею «восстановления исторической справедливости» и официальное признание воинов УПА ветеранами Второй мировой войны[18]. В июле 2004 г. премьер-министр Анатолий Кинах предложил парламенту признать статус ветеранов воинов УПА. Это предложение не прошло, что, в частности, свидетельствует о недостаточной заинтересованности в нем Кучмы.

С приближением выборов 2004 г. в символической политике происходит резкий поворот в сторону России, свидетельством чему стал проведенный 28 октября 2004 в брежневском стиле парад в честь 60-летия освобождения Украины, с участием президента России Владимира Путина. Правда, как показали последующие события, вошедшие в историю как «оранжевая революция», это мероприятие имело, скорее, обратный эффект.

Президент Виктор Ющенко, по крайней мере, на вербальном уровне, проводил более последовательную, чем его предшественник, символическую политику. Риторическую стратегию его выступлений на темы, связанные со Второй мировой войной, определила доминанта примирения и единства нации[19]. Как и его предшественникам, стратегию примирения и единства Ющенко следовало применить к теме Второй мировой войны. Победу над фашизмом Ющенко свя-

зывает с государственностью («Наша Победа – это праздник украинской государственности»). Единство нации в войне постулируется если не в средствах борьбы, то в ее целях: «Олесь Гончар, Олена Телига, Олекса Берест[20] и много других – каждый из этих и миллионов других украинцев любили свое государство, свою Украину… Вся украинская нация в едином порыве боролась за свое государство». В этой цитате очень важны два момента. Во-первых, президент не конкретизирует, как он понимает слово «украинец», но перечисляет исключительно этнических украинцев. Во-вторых, в один ряд поставлены советский солдат, а позднее советский писатель Олесь Гончар и поэтесса, член Организации украинских националистов, расстрелянная немцами в Бабьем Яру, Олена Телига.

Декларируя единство нации в войне, Ющенко одновременно фактически признает, что такого единства не было: в обращении по случаю 63-ой годовщины УПА он подчеркнул: «Пришло время примирения и взаимного прощения в нашем обществе. Наши ветераны внесли свой вклад в уникальную победу во Второй мировой войне, в Великой Отечественной войне». Практика совмещений, интеграции казалось бы антагонистических символов – типична для речей Ющенко. В обращении к воинам УПА он использует советский идеологический конструкт «Великая Отечественная война», в обращении к советским ветеранам 9 Мая 2005 г. в перечне тех, кто, по мнению президента, мечтал о украинской государственности, наряду с Богданом Хмельницким, Владимиром Великим и Ярославом Мудрым, упомянут Иван Мазепа – архетипичный антигерой имперской и советской версий украинского прошлого. Верхом же интегративности является упоминание в одном перечне, в связи с тем же тезисом о единстве украинского народа в войне, генерала Николая Ватутина, убитого партизанами УПА, и главнокомандующего УПА Романа Шухевича.

Новацией речей Ющенко, по сравнению с выступлениями Кучмы, стало упоминание о холокосте (без вопроса об участии в нем украинцев) и советских репрессиях против крымских татар: «Убежден, что в этот день нуждаются в словах солидарности наши соотечественники – крымские татары, которых с особенных цинизмом коснулась и война, и послевоенные репрессии».

Ответом на призывы Ющенко к примирению ветеранов, воевавших во Второй мировой по разные стороны фронта, стало решение контролируемого Партией регионов Харьковского областного совета о демонтаже всех памятных знаков, связанных с ОУН и УПА, принятое в октябре 2006 г. Материализовали волю облсовета неизвестные, демонтировавшие 20 декабря того же года небольшой памятный знак УПА, установленный еще в 1992 г. в харьковском Молодежном парке. На следующий день местные газеты получили анонимное электронное письмо, на основании которого памятный знак был обнаружен в яме неподалеку от места демонтажа и восстановлен.

Более острый ответ на президентские инициативы предложил городской совет Симферополя, поддержав 21 июня 2007 г. инициативу Компартии и про-

российской организации «Родина» о установлении на центральной – Советской – площади памятника «жертвам советского народа, павшим от рук пособников фашистов» ОУН-УПА «Выстрел в спину». Инициаторы нового памятника объяснили свои мотивы так: «Данный памятник станет достойным ответом крымчан всем тем мракобесам, которые сегодня желают переписать, оклеветать историю советского народа, переврать летопись Великой Отечественной войны, предать забвению ее героев, внести смуту, призвать к примирению с пособниками фашистов вояками ОУН-УПА». 14 сентябре 2007 г. монумент был открыт при участии главы Компартии Петра Симоненко.

5 июля 2007 г. Харьковский облсовет поддержал симферопольских коллег и призвал «прекратить героизацию воинов УПА». Накануне депутаты облсовета от Прогрессивной социалистической партии Наталии Витренко высадили в харьковском сквере Победы десять саженцев голубой ели, заложив «аллею памяти жертвам украинского народа, погибшим от рук ОУН, УПА и иных пособников гитлеровского фашизма».

В украинских реалиях, когда социально-экономические программы основных политических сил фактически идентичны и тяготеют к максимальному плюрализму, исторические вопросы оказываются в роли идеальных маркеров политических разногласий. Именно поэтому проблематика памятников из года в год актуализируется с приближением предвыборных кампаний и идет на спад по их окончании. Степень цинизма, демонстрируемая в этой борьбе, возможно, парадоксальным образом объясняется тем, что история в постсоветской Украине остается пока что относительно безопасной сферой, т.е. тем пространством, где трудно представить превращение вербальной и символической неприязни в открытые насильственные действия.

И, тем не менее, предпринятые Ющенко попытки реструктуризации символического канона (более последовательные, чем инициативы Кравчука или Кучмы) не избавились полностью от привычной для украинской политики амбивалентности. Примером могут служить подписанные президентом Украины в один день – 26 марта 2009 г. – указы о создании нового государственного ордена «Креста Ивана Мазепы» и о награждении всех ветеранов юбилейной медалью «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Иными словами, достаточно очевидной особенностью постсоветской трансформации Украины представляется ее гетерогенность (по-прежнему до конца не продискутированная и не концептуализированная). В большинстве символических мероприятий, инициированных разными уровнями власти, достаточно легко прочитывается ситуативная политическая мотивация. Ритуализированные в неосоветском духе официальные мероприятия демонстрируют отсутствие перспективной стратегии и осмысленной идеологии. Тактика же состоит в постепенно все более глубоком осознании безуспешности широкой, надрегиональной общественной поддержки слишком однозначных формул. В то

же время спасительная многозначительность и симбиоз национального и советского нарративов не позволяют содержательно обсуждать и реализовывать на государственном уровне ни «украинскую национальную идею», ни принципы «политической нации». Эти концепты остаются прежде всего риторическими фигурами.

Разные лики войны (Послесловие)

Во всех трех странах, достаточно схематично описанных в данной статье, тема Второй мировой войны является одной из центральных для политик памяти и забвения. Главное отличие Украины от Беларуси и Молдовы состоит в региональном многообразии моделей памяти и последовательности (начиная с 1991 г.) схемы учебников истории. Главный же общий знаменатель трех стран в том, что некогда единый советский миф «Великая Отечественная война» национализируется (пусть даже подчеркнуто коммунистической или «антинациональной» властью) и адаптируется в соответствии с локальными ожиданиями и стремлениями. Именно эти вариации и модификации, как кажется, несут в себе чрезвычайно любопытную информацию про общества и власть трех соседних стран. Очень обобщенно траекторию развития всех трех стран (конечно, не забывая о принципиальных отличиях) можно описать как движение от более однозначных национальных схем через ресоветизацию к различным моделям политической нации и гражданской идентичности.

Примечания

1 Подр. о памяти белорусского общества о войне и ее различных формах см.: Смалянчук, А. Другая сусветная вайна ў памяці насельніцтва заходняга і ўсходняга памежжа Беларусі // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / Pod red. E. Smułkowej, A. Engelking. Warszawa, 2007. S. 121–156; Шаталава, В. Цені вайны: паліцэйскія і партызаны ў памяці насельніцтва беларускай вёскі // Homo historicus. Вільня, 2008. № 1. С. 384–389 и др.

2 Подр. см.: Смалянчук, А. Школьны падручнік па гісторыі Беларусі як «месца памяці/месца забыцця» пра Другую сусветную вайну // Homo historicus. Вільня, 2008. № 1. С. 370–377. Ср.: Тихоміров А. Україна та українці на сторінках білоруських підручників з історії для середніх шкіл // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. 2004. Т. 10. С. 348–357; Portnov A. Presenting the Past. Comments on History Textbooks in Belarus, Russia and Ukraine // Ukraine`s Reintegration into Europe: A Historical, Historiographical and Politically Urgent Issue / Ed. by G. Brogi Bercoff, G. Lami. Alessandria, 2005. P. 325–335.

3 Все цитаты А. Лукашенко приведены по официальному веб-сайту Президента Республики Беларусь http://president.gov.by

4 Смалянчук А. Школьны падручнік. С. 378–391.

5 Там же. С. 381.

[6] См.: Терешкович П. Конструируя прошлое: исторические ресурсы современных национально-государственных идеологий (Украина и Молдова) // Перекрестки. 2005. № 1–2. С. 5–20; Кожокари Л. Проблема памяти и идентичности в посттоталитарных государствах. Пример Республики Молдова // Там же. № 3–4. С. 28–34.

[7] Cojocari L. Political Liturgies and Concurrent Memories in the Context of Nation-Building Process in Post-Soviet Moldova: The Case of Victory Day // Interstitio. East European Review of Historical Anthropology. 2007. Vol. 1. No. 2. P. 91.

[8] Cojocari L. Political Liturgies. P. 101.

[9] Cojocari L. Political Liturgies. P. 109–110.

[10] Solonari V. Narrative, Identity, State: History Teaching in Moldova // East European Politics and Societies. 2002. Vol. 16. No. 2. P. 415–446.

[11] Подр. см.: Портнов А. Упражнения с историей по-украински (Заметки об исторических сюжетах общественно-политических дебатов в постсоветской Украине) // Ab Imperio. 2007. № 3. С. 94–110.

[12] Об искусственности и упрощенном использовании понятий «Западная Украина», «Восточная Украина», а также о серьезных отличиях в середине этих внешне гомогенных территорий см.: Rodgers P. Division, Difference and Diversity: Regionalism in Ukraine // Україна Модерна. 2007. Спеціяльний випуск. Львів – Донецьк: Соціяльні ідентичності в сучасній Україні. Київ – Львів. 2007. С. 210–236; Журженко Т. Миф о двух Украинах // Перекрестки. 2005. № 3–4. С. 108–117; Михеева О. Не все так просто з тими українцями... // Отечественные записки. 2007. № 1. С. 97–106 и др.

[13] Himka J-P. The Basic Historical Identity Formations in Ukraine: A Typology // Harvard Ukrainian Studies (в печати). Цитируется с разрешения автора.

[14] Середа В. Особливості репрезентації національно-історичних ідентичностей в офіційному дискурсі президентів України і Росії // Соціологія: теорія, історія, маркетинг. 2006. № 3. С. 194.

[15] См.: Сербин Р. Боротьба за історичну пам’ять українського народу. К., 1995.

[16] Проміжний звіт робочої групи для підготовки історичного висновку про діяльність ОУН-УПА (попередній варіант). К., 2000.

[17] ОУН і УПА. Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. К., 2005.

[18] Jilge W. The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991–2004/2005) // Osteuropa. 2006. № 1. S. 73–74.

[19] Последнее слово особо весомо – Ющенко еще во время предвыборной кампании решительно отдал предпочтение термину «нация». Янукович, в ответ, говорил о «многонациональном народе Украины». В обоих случаях политики не рационализировали свое словоупотребление, ориентируясь на интуивное восприятие самих слов. Если для части украинцев слово «нация» было мило слуху как элемент национальной риторики, другими оно воспринималось как проявление «национализма» в отличии от имеющего советскую санкцию слова «народ».

[20] Лейтенант Олекса Берест был третьим (кроме Егорова и Кантарии) участником водружения Красного знамени над рейхстагом, не попавшим в советский канон. Когда он слишком бурно потребовал признания своей роли, то был осужден к 5 годам лишения свободы за хулиганство. 6 июня 2005 г. президент Ющенко присвоил Бересту звание «Герой Украины» (посмертно).

Александр Осипян

ОБРАЗ ИМПЕРИИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ГРАНД-НАРРАТИВАХ И ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ УКРАИНЫ: ПРОШЛОЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Abstract

The article deals with negative aspects of Russia's representations in Ukrainian public discourse after 1991. The main aim of the article is interpretation of the mechanisms of production, reproduction and use of certain ideas and images since early 19th century till now. The article is focused not only on the historical roots of Ukrainian images of Russia but also on their ambivalence and functions they play in the logic of Ukrainian national identity, internal and foreign politics. The article attempts to theorize certain aspects of the production and function of Ukrainian anti-colonial discourse within the dominant imperial, Soviet and post-imperial framework. A particular reference is made to the center-periphery paradigm and the psychological notion of the inferiority complex. Special attention is given to the issues of self-colonization, self-victimization and internal orientalism. Author suggests that post-colonial anti-imperial discourse prevents construction of the modern Ukrainian national identity by reinforcing regionalism. Methodologically, functions of the image of Empire in Ukrainian post-colonial discourse are interpreted in the framework of the works of Anthony Smith, Edward Said and Benedict Anderson.

Keywords: Ukrainian-Russian relations; empire and colony; post-imperial, post-colonial and anti-colonial discourses; national identity; national mythology; self-colonization; victimization of the national past; internal orientalism.

Импульсом для написания данной статьи послужило исследование Томаша Зарицкого о роли образа России в формировании современного дискурса польской национальной идентичности[1]. Влияние польских моделей на украинское

национальное движение, историописание и конструирование национальной идентичности несомненно[2]. Еще более очевидным это влияние стало после 1991 г. в ходе государственного и национального строительства[3]. Тесная кооперация администраций президентов Л. Качиньского и В. Ющенко, их частые взаимные визиты для участия в совместных акциях коммеморации, делают необходимой постановку вопроса о копировании польских образцов в политике памяти современной Украины. Поэтому нам представляется целесообразным использовать предложенную Т. Зарицким схему для анализа образа империи в национальном строительстве современной Украины, а именно исторических нарративах и дидактике, официальной риторике (речи и интервью президента В. Ющенко) и политике памяти. Наконец, мы планируем рассмотреть использование образа империи во внутриполитической борьбе в Украине и в ее внешней политике, главным образом в украинско-российских и украинско-польских отношениях.

Зарицкий выделяет пять основных функций негативного образа России:

– преуменьшение недостатков Польши на фоне негативного сравнения с еще большими недостатками России (что способствует частичному ретушированию отставания Польши от Запада);

– усиление европейской идентичности Польши;

– объединяющая угроза (необходимость консолидации нации перед лицом традиционной угрозы);

– Россия играет роль угнетателя, решающую в формировании польской идентичности, основанной на виктимизации прошлого;

– Россия является сферой исключительной экспертизы поляков (отсюда претензии Польши на формирование восточной политики Евросоюза, поскольку только поляки лучше всего ориентируются в том, что происходит на постсоветском пространстве)[4].

На наш взгляд, первые четыре функции, с определенными оговорками, характерны и для Украины. В отличие от поляков украинцы пока не могут претендовать на роль ведущих экспертов в делах России, поскольку сами не являются частью Запада и воспринимаются как часть российского/евразийского цивилизационного пространства (Western Eurasia). Что касается первой функции – преуменьшение собственных недостатков на фоне негативного сравнения с Россией, то в украинском случае она имеет ту особенность, что помимо негативного сравнения работает и позитивное – гиперболизация собственных неудач и недостатков на фоне достижений России. Таким образом, Россия выступает и как фактор отрицания, и как фактор подражания.

По нашему мнению, в случае с Украиной можно добавить еще компенсационную функцию («экспорт вины») – оправдание современных неудач и недостатков «тяжелым колониальным наследием», «рукой Москвы» и наличием «пятой колонны».

Наконец, обнаруживается двойственность ситуации Украины, в отличие от Польши. Часть украинского общества и политических сил использует преимущественно негативный образ России, другая часть общества и политиков, наоборот, предпочитает позитивный образ России. В нашем исследовании мы обозначаем эти две составные части электората и политикума как носителей, соответственно, постколониального и постимперского дискурсов.

Методологической основой нашего исследования являются, с одной стороны, работы Энтони Смита[5] и Бенедикта Андерсона[6], с другой – Эдварда Саида[7] и некоторых его последователей, пытающихся пояснить ситуацию в Польше и России с помощью концептуального инструментария «Ориентализма»[8]. Исследования Э. Смита сфокусированы преимущественно на примерах формирования наций на этнической основе (этнонационализм и мифо-символический комплекс), в то время как Б. Андерсон рассматривал формирование наций как «воображенных сообществ» в колониальной и постколониальной ситуации Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Работы Э. Саида и его последователей важны для понимания значения «образа другого» в формировании собственной идентичности.

Уже во второй половине 1990-х гг. некоторые украинские историки стали предпринимать попытки осмысления процессов историописания и нациестроительства в Украине, опираясь на теоретические разработки западных исследований национализма.[9] С каждым годом число публикаций на эту тему растет, что свидетельствует об осознании ее важности в профессиональной среде.

Весьма полезной для нашего исследования оказалась серия статей известных польских историков о формировании современного исторического мифа в польском историописании[10]. Наконец, в концептуальном плане весьма плодотворным было использование наработок зарубежных исследователей в области политики памяти и использования истории в формировании национальной идентичности[11].

Посредством сравнительного анализа и контент-анализа избранных фрагментов исторических гранд-нарративов[12], а также политической риторики президента В. Ющенко[13] попытаемся дать ответ на следующие вопросы:

– что понимают под «империей», «колонией» и «колониальной политикой» современные украинские историки и политики;

– как сформировалось представление о колониальном статусе Украины в составе империй;

– как аргументируется колониальный статус Украины в исторических нарративах и политической риторике;

– каковы основные функции «образа империи» и «образа Другого» в историописании и политической риторике современной Украины;

– каково отношение к «империи» и «колонии» у различных электоральных групп и политических сил;

– как используется «имперское» и «колониальное» прошлое в политической борьбе.

Механизмы «колонизации» прошлого

В обобщающих трудах по истории Украины, созданных после 1991 г., авторы стараются подчеркнуть *разрыв* с предшествующим советским историописанием, которое характеризуется ими как фальсификация прошлого. Делается акцент на том, что только с обретением независимости в 1991 г. стало возможным *возвращение* правдивой истории и памяти. Так, например, в коллективном труде под редакцией В.М. Литвина в теме 1 «Введение в курс «Истории Украины» (автор В.Ф. Колесник) прямо заявлено: «поскольку обман является обязательным условием сохранения власти бюрократии, то фальсификация истории в тоталитарном обществе становится неизбежной. … Найценнейшее сокровище, полученное украинским народом вместе с его государственной независимостью, – это возможность возвращения своей истории, национальной памяти, которые веками искажались, фальсифицировались в угоду господствовавшей в тот или иной период власти…»[14]. Еще более радикален во «Введении» к своей «Истории Украины» харьковский историк В.Я. Билоцеркивский: «В последнем десятилетии XX в. успешно осуществил свою *извечную мечту*[15] о государственности и многострадальный украинский народ, путь которого к независимости устлан миллионами жизней его лучших сыновей и дочерей. Многочисленные национально-освободительные движения и восстания, национальные революции в Украине заканчивались преимущественно поражениями и огромными потерями отважных их участников и триумфом соседних *колониальных держав – извечных врагов* национальной свободы украинцев. Это характерная черта истории украинского народа, и она, эта история, фальсифицировалась и замалчивалась *колонизаторами*»[16]. Как видим, автор придерживается примордиалистской концепции нации как монолитной, древней и неизменной данности, имеющей «извечную мечту» и «извечных врагов» – «колониальные державы». Здесь прямо указано, кто именно фальсифицировал историю – «колонизаторы». Таким образом, вся история Украины до 1991 г. представлена как история колонии, борющейся с колонизаторами за свою независимость.

Исторические гранд-нарративы и историческая дидактика, созданные в Украине после 1991 г., изобилуют понятиями «империя», «колониальная политика», «колониальный гнет» и т.п. Тем самым, как это не парадоксально, они демонстрируют определенную преемственность с советскими нарративами истории УССР. Именно так характеризовалось пребывание западноукраинских земель в составе Австрийской империи: «На западноукраинских землях под властью Австрийской империи открыто проводилась *колониальная политика*, направленная на превращение этого района в аграрно-сырьевую окраину»[17].

По отношению к Российской империи украинские советские историки не осмеливались применять подобных дефиниций, заменяя их иными, но передавая по сути ту же идею: «Враждебный трудящимся механизм феодально-крепостнического строя Российской империи Шевченко заклеймил в сатирической поэме «Сон» (1844) – политическом памфлете на царское самодержавие, жестокого угнетателя русского, украинского и других народов»[18]. Отличие нарративов, созданных после 1991 г., разве что в том, что теперь «колониальная политика» приписывается прежде всего Российской империи, а Австро-Венгрия характеризуется как государство с более либеральным режимом и условиями, более благоприятными для развития украинского национального движения. В советских нарративах, несомненно, наиболее часто употребляемыми понятиями были «феодальный/феодально-крепостнический гнет/угнетение» и, соответственно, «антифеодальная и антикрепостническая борьба». В большинстве исторических гранд-нарративов независимой Украины «гнет/угнетение» и «борьба» также занимают лидирующие позиции, правда, сопровождаются иными прилагательными – теперь это «национальный гнет» и «национально-освободительная борьба».

Подобный парадокс – декларирование разрыва с советским историописанием с одновременным сохранением его методологических основ и стилистических штампов – удивителен только на первый взгляд. После 1991 г. на исторических факультетах вузов кафедры истории Украины были созданы на базе кафедр истории СССР. В вузах, не имевших исторических факультетов, – на базе кафедр истории КПСС или научного коммунизма. Профессиональное формирование большинства авторов новых учебных пособий происходило еще в СССР, что и объясняет методологическую преемственность их сочинений с тем, что было издано до 1991 г. Произошло механическое переписывание истории УССР в историю Украины без серьезного концептуального переосмысления – в основе ее остались, как и прежде, «угнетение» и «борьба». Перед новыми историческими нарративами ставилась одна главная задача – обосновать закономерность создания независимой Украины в 1991 г., которая, будем откровенны, стала неожиданностью как для большинства тех, кто голосовал за нее на референдуме 1 декабря 1991 г., так и для тех, кто возглавил ее тогда же, а незадолго до этого боролся с проявлениями «украинского буржуазного национализма». На эту особенность украинского историописания еще в 1997 г. указал киевский историк Виктор Пироженко: «Главная ошибочная посылка в том, что … наиважнейшее событие современной украинской истории – достижение независимости, представляется как закономерное и логическое завершение всей предшествовавшей истории Украины. Это исходное положение чем дальше, тем больше влечет за собой целый ряд ошибочных выводов и совсем безграмотных в методологическом отношении действий, что приводит в конце концов к абсурдным выводам, явно расходящимся с действительностью»[19].

Стремительное крушение казавшихся незыблемыми основ и необходимость создания новой версии истории для потребностей нового государства в начале 1990-х застали украинских постсоветских историков врасплох. Началось массовое переиздание запрещенных в эпоху СССР трудов украинских дореволюционных и эмигрантских/диаспорных историков.[20] Следует учитывать, однако, что свои нарративы они создавали как часть украинского национального проекта, как инструмент в борьбе за достижение политических целей текущего момента, что, несомненно, наложило отпечаток субъективности, в особенности на характеристику статуса Украины в составе иных государств. Растерянностью постсоветских историков, до середины 1990-х занятых изучением ранее запрещенной литературы и архивных фондов, воспользовались писатели и журналисты[21] (зачастую активные политики национал-демократического крыла), в своих публицистических произведениях и выступлениях объявившие о колониальном статусе Украины в составе Российской империи и СССР[22]. В менее радикальной форме эта идея получила признание в большинстве исторических гранд-нарративов, пособий и учебников, характерной чертой которых стала жестко детерминированная линейность исторического развития Украины: «Подобного результата можно достичь, если замалчивать отдельные неудобные факты, выпячивать факты иного рода, нарушать правила логического вывода при выведении из посылок. Такой ценой, конечно, можно создать видимость логического, прогрессивного и неуклонного разворачивания истории Украины в одном только направлении, а именно – в направлении достижения независимости»[23].

На закономерность подобного развития историописания у наций, стремящихся приобрести или недавно приобретших собственную государственность, указывает и Э. Смит: «Культурную основу стремления к подобным целям составляет наличие и (или) открытие самобытной «этноистории». Там, где такая история неполная, ее следует иногда реконструировать и даже «выдумать». В обоих случаях использование этноистории всегда выборочно: важно не только помнить определенные вещи, но и забыть о других. … Использование этноистории по самой своей сути социально-политическое. Националистов интересует не исследование «своего» прошлого ради него самого, а присвоение мифологии территориализованного прошлого «своего народа». Основной процесс везде состоит в народно-культурной мобилизации пассивной этнической группы и политизации ее культурного наследия посредством культивирования ее поэтического пространства и напоминания о золотом веке»[24].

Образ нации – жертвы могущественных империй, опоэтизированный многими украинскими поэтами и писателями (главным образом на материалах польского и австрийского «владычества»), теперь был применен по отношению к эпохе пребывания украинцев в составе Российской империи и СССР. С утраченным золотым веком также проблем не возникало, поскольку еще малороссийская историография эпохи Романтизма создала образ казачества и гетман-

щины как идеального воплощения народного духа, ликвидированных во второй половине XVIII века императрицей Екатериной II. Затем эти образы с небольшими изменениями воспроизводились как в народнической и диаспорной, так и в советской историографии. В последней, правда, главным вектором истории Украины стало извечное стремление ее народа к воссоединению с братским русским народом в составе единого государства.

Новая/старая правящая элита независимой Украины легитимизировала обретение государственности в 1991 г. как освобождение от колониальной зависимости. В новом государстве возникла необходимость с одной стороны консолидировать бывших советских граждан в новых политических границах посредством формирования у них общей идентичности, с другой – способствовать максимальному выделению из прежней, советской общности, как посредством акцентирования культурных (прежде всего этнографических) отличий украинцев и русских, так и путем противопоставления «колония» – «империя», «жертва» – «угнетатель». Исторические гранд-нарративы и историческое образование должны были стать (и стали) инструментами этой политики. Произошла почти тотальная переоценка исторических событий и деятелей (в особенности того, что произошло за последние четыреста-пятьсот лет). То, что в советской идеологии и историографии оценивалось позитивно, теперь получило негативную оценку, и наоборот: «герои» стали «злодеями» и «угнетателями», а «злодеи» и «предатели» – «героями». Чем большей критике и поношениям подвергался тот или иной деятель в советской пропаганде, тем более почетное место было уготовано ему в новом национальном пантеоне, без серьезных попыток переосмысления его роли, деяний и их последствий в истории Украины.

Влияние романтической, народнической и советской историографии, теснейшим образом связанных с пропагандой определенных политических идей, также как и художественной литературы на историческую тематику, начиная от «Тараса Бульбы» Н. Гоголя и «Черной рады» П. Кулиша, до сих пор проявляет себя в гранд-нарративах, созданных уже в последние годы. Например, харьковский историк В.А. Греченко в «Послесловии» к своей «Истории Украины» (2009) так пишет о роли истории: «И это твоя история, история твоих отцов, дедов, прадедов, далеких предков и она всегда с нами, ибо сегодня мы живем так потому, что у нас было такое вчера, то есть такая история с ее достижениями, просчетами, неудачами и удачами, *героями* и *антигероями*»[25]. Таким образом, подчеркивается генеалогическая преемственность: украинцы рассматриваются как «нация крови», базирующаяся на кровно-родственной общности с общими предками, а не «гражданская нация». Автор использует такие откровенно эмоционально-оценочные категории, как «герои» и «антигерои», характерные для художественной литературы, но не для исторического труда, претендующего на объективность.

В целом следует отметить, что авторы украинских исторических гранд-нарративов используют понятия «колония», «колониализм», «колонизация», «колониальная политика» зачастую именно как риторический прием для усиления драматизма повествования, а не как аналитическую категорию. Насколько нам известно, в украинской историографии не было серьезной дискуссии о «колониальном статусе» Украины, поэтому каждый автор применяет эту терминологию на свое усмотрение, наполняет ее самыми разными смыслами, что приводит к неразберихе, а иногда и к откровенным ляпам.

«Колонизаторской политикой» считается деление украинских земель на губернии: «Свою *колонизаторскую политику* относительно украинского народа российская власть осуществляла административными методами»[26]. К «колонизаторской политике» отнесены миграционные и демографические процессы, проявившиеся в ходе урбанизации и заселения Северного Причерноморья и Приазовья: «Миграционная политика царизма стала одним из важнейших рычагов интеграции Украины в состав империи, ее поглощения и русификации. Российский царизм также всяческими льготами поощрял заселение украинских земель представителями иных национальностей, прежде всего сербами, немцами, греками, болгарами и т.д. Более же всего поощрялись русские, которым прививали осознание принадлежности к господствующей государственной нации и чувство якобы исторически правомерного их господства над людьми иных национальностей – фактически узниками царской «тюрьмы народов», как называли тогда Российскую империю те, кто боролся за ее свержение. О *колонизаторской политике* царизма свидетельствует структура городского населения Украины. В конце XIX в. украинцы составляли тут не более трети. … В конце XIX в. в результате переселенческих движений в Украину и из Украины доля украинцев на их родной земле уменьшилась с 90 до 80%. Значительно увеличилось количество русских – в это время их доля среди населения Украины составляла почти 12%».[27] Таким образом, не только русские чиновники и военные, но и переселенцы-колонисты, беглые крестьяне, ремесленники, купцы, рабочие, переселявшиеся преимущественно на юг современной Украины (тогдашняя «Новороссия») в поисках лучшей жизни, и своей деятельностью внесшие немалый вклад в развитие региона, оказываются инструментом колониальной политики царизма. Это автоматически делает заложниками ситуации современных русских и представителей иных меньшинств, составляющих около 20% населения Украины. По мнению Натальи Яковенко: «[это] потенциально навязывает людям неукраинской крови амбивалентную, а в худшем случае протестную идентичность»[28].

Экономическое развитие украинских земель в составе Российской империи в XIX – начале XX вв. также характеризуется как проявление колониальной политики: «*Колониальная политика* царизма закрепляла за Украиной статус сырьевой базы, тогда как машиностроительные предприятия располагались в

России. Украинская машиностроительная отрасль составляла всего 4,5% всероссийской»[29]. Здесь возникает вопрос, а что, собственно, можно считать метрополией Российской империи? Ведь промышленность развивалась в Царстве Польском, Петербурге, губерниях вокруг Москвы и на Урале, в то время как абсолютное большинство губерний, населенных этническими русскими, практически не имели промышленности и являлись аграрно-сырьевыми придатками (вот только чего?). Из проанализированных нами пособий только Я. Грыцак ставит подобный вопрос и дает возможность вкратце ознакомиться читателю с позицией «украинской несоветской историографии» (иными словами, диаспорно-патриотической) и «космополитической школы» (т.е. американские и канадские украинисты, осуществляющие исследования в соответствии с западными научными стандартами): «В целом украинские губернии поставляли продовольствие и сырьевые материалы для промышленных районов империи, потребляя, в свою очередь, готовые промышленные товары с севера и запада. Эта схема была типичной для *отношений между колониями и метрополиями*. Встает, однако, вопрос: сознательно ли российское правительство проводило относительно украинских губерний *колониальную политику*? Украинская несоветская историография преимущественно утвердительно отвечает на этот вопрос»[30].

Если Я. Грыцак позволяет себе усомниться в правомерности определения «колониальная политика», то большинство авторов однозначно постулируют его как само собой разумеющееся. Даже авторы учебного пособия, изданного преподавателями Донецкого университета в 1999 г., отметив многочисленные преимущества от включения земель Северного Причерноморья и Приазовья в состав Российской империи после русско-турецких войн последней четверти XVIII в., не забывают добавить в конце: «Речь идет, безусловно, о сдвигах в рамках *тяжелого колониального статуса* Украины»[31]. Вероятно, они сочли необходимым подстраховаться таким образом, дабы избегнуть обвинений в проимперских симпатиях.

Если большинство авторов исторических гранд-нарративов сходится на том, что о «колониальном статусе» Украины и «колониальной политике» по отношению к ней можно говорить, главным образом, в рамках периода с конца XVIII до начала XX вв., то некоторые абсолютно свободно, не вдаваясь в аргументацию своей позиции, ретранслируют «колониальный статус» как в более отдаленное прошлое, так и в советский период истории. Так, киевский историк О.Д. Бойко целую главу (7.2) озаглавил как «Колониальная политика Российской империи относительно Украины в XVIII в.»[32] (при том, что большая часть украинских земель не входила тогда в состав этой империи). В коллективном труде львовских историков в разделе об индустриализации (автор О. Зайцев) советские республики названы полуколониями, хотя в ходе советской индустриализации в УССР было построено множество машиностроительных заводов, отсут-

ствие которых якобы являлось признаком колониальной политики царизма по отношению к Украине до 1917 г. Индустриализация также связывается с колониальной политикой, а самому понятию «колония» приписано еще одно измерение: «Встал вопрос: где взять средства на индустриализацию? На Западе первичное накопление капитала происходило за счет разорения части крестьянства и ограбления колоний. И хотя партийные теоретики на словах отбрасывали такой путь для СССР, фактически он был воплощен в жизнь в наиболее грубой форме. «*Внутренней колонией*» для советской промышленности стало крестьянство, прежде всего, украинское»[33]. В данном случае в роли метрополии оказывается уже не дворянство/чиновничество/буржуазия господствующей нации, а «советская промышленность». Следует ли тогда считать английское крестьянство XVII в. «внутренней колонией» британской текстильной промышленности?

Еще дальше пошел харьковский историк В.Я. Билоцеркивский, характеризуя положение украинского населения в Речи Посполитой в первой половине XVII в.: «Католики и униаты при поддержке правительства вели бешенное наступление, чтобы денационализировать и окатоличить украинский народ, без чего невозможно было его покорить. Однако *колонизировать* и окатоличить удалось только украинскую магнатерию и часть шляхты, а крестьянство, казачество, мещанство, мелкая шляхта и большинство духовенства (религиозная интеллигенция) твердо выступали на защиту своих социальных и национальных прав, противопоставляя католической экспансии отечественную систему духовных ценностей, культуру и религию»[34]. В данном случае «колониальная политика» распространяется и на религиозную сферу, а «окатоличивание» приравнивается к «колонизации». Самое парадоксальное, что объектом колониальной экспансии у автора выступают не обездоленные низы и трудящиеся, а верхушка общества – магнатерия и часть шляхты. Данные примеры, на наш взгляд, свидетельствуют, что авторы гранд-нарративов применяют термины «колония/полуколония/внутренняя колония», «колониальная политика», «колонизация» в любой ситуации, в самые разные периоды, и по отношению к разным социальным группам и слоям. Определяющим критерием для использования «колониальной» терминологии является пребывание украинских земель в составе иноэтничного государства. В этой ситуации всякая политика «центра»/«метрополии» по отношению к украинцам может рассматриваться как «колониальная», а сам колониальный период истории Украины растягивается от монгольского нашествия до провозглашения независимости в 1991 г.

В свою очередь, концепции, терминология и стилистика гранд-нарративов ретранслируется и воспроизводится в школьных учебниках по истории Украины зачастую в еще более гипертрофированном виде. Львовский историк Марьян Мудрый, в результате мониторинга современных учебников для 7–11 классов, пришел к выводу, что их авторы пишут о непрерывной «колониальной политике» Польши/Речи Посполитой, Австрийской и Российской империй и СССР,

а распад последнего и «возникновение независимого украинского государства описаны как финал колониального бытия – разрыв колонии с империей»[35]. Авторами учебников дается «целиком негативная оценка политики правительств Австрийской и Российской империй как целенаправленно антиукраинской, при этом с таким эмоциональным нажимом, как будто два правительства ничем другим не занимались, только угнетали украинцев»[36]. Фактически «национальный гнет» и «колониальный статус» задают всю структуру учебников: «для украинских авторов наиболее комфортным остается присущее советскому учебнику освещение истории посредством дихотомных оппозиций по типу «империя – колония», «захватчик – завоеванный», «угнетатель – угнетенный»… вместо критического постколониального дискурса, предусматривающего сохранение дистанции между историком и содержанием написанного им текста, авторы немотивированно используют эмоциональный антиколониальный дискурс, то есть выступают как будто соучастниками описываемых событий»[37]. При этом открытым остается вопрос, а что собственно ученики должны понимать под терминами «колония», «колониальная политика» и т.п.? Так, например, такой официальный документ, как «Программа истории Украины для общеобразовательных учебных заведений» на 2009–2010 учебный год, разработанный и утвержденный Министерством образования и науки Украины, в описании стандарта изложения каждой темы содержит указание на то, какие понятия и термины обязаны знать ученики[38]. Терминов, связанных с «колониальной» тематикой, там нет. Таким образом, свое видение образа колониализма ученики будут выводить из курса «Всеобщей истории», где речь идет о заморском колониализме в Азии, Африке и Южной Америке. Ни в одном учебнике нет объяснения разницы между западноевропейским и восточноевропейским колониализмами[39].

Изучая прошлое Украины по подобным учебникам, ученики вряд ли получат целостное представление об истории своей родины, поскольку «Украина как объект изучения постоянно ускользает из поля зрения авторов. История Украины подменена историей политики имперских правительств по отношению к ней»[40]. Использование авторами учебников антиколониального дискурса для описания положения Украины в составе Речи Посполитой, Российской империи, Габсбургской монархии и, даже, в Советском Союзе, «с одной стороны, актуализирует национальные чувства, но с другой – может потенциально формировать у школьников комплекс неполноценности … трактовка исторического пути Украины-Руси с XIII до конца XX века как истории колонии закладывает в ментальность современного украинца неверие в возможность построения в Украине успешного, демократического европейского общества, и таким образом – ведет к цивилизационной и социальной маргинализации, архаизации украинства»[41].

Как это ни парадоксально, но современные украинские гранд-нарративы и историческая дидактика выполняют те же функции, которые, согласно Эд-

варду Саиду, характерны для имперского ориентализма по отношению к народам колоний. Саид проанализировал процесс разрушения идентичности покоренных народов интеллектуалами народов-победителей. Двумя его основными компонентами является конструирование образа данного народа и его интернализация (усвоение) представителями угнетенного этноса. Этот образ подчеркивает слабость, пассивность, нехватку творческих сил побежденного народа. Как видим, с этой колонизаторской задачей успешно справляются современные украинские конструкторы национальной идентичности в уже независимой Украине.

Внутренний ориентализм

На наш взгляд, причины этого парадокса следует искать в XIX веке, когда зарождалось украинское национальное движение и формировались основные постулаты украинского проекта. *Кто* и *как* начинал конструирование украинской нации?

Энтони Смит в своем исследовании процессов формирования национальной идентичности (Глава 6: Сепаратизм и мультинационализм) подчеркивает «отличие между двумя моделями нации – гражданско-территориальной и этнически-генеалогической – и двумя путями формирования нации – бюрократической инкорпорацией и народно-культурной мобилизацией. Нации, созданные из латеральной общности аристократическими элитами с помощью сильного государства для инкорпорации низших классов и периферийных регионов, неизменно демонстрируют пламенный территориальный национализм – как по отношению к меньшинствам в пределах политически маркированной территории, так и по отношению к зарубежным врагам. И наоборот, нации, созданные маргинализованными интеллигентами и частью среднего класса «снизу» из вертикальной общности, используют культурные ресурсы (этноисторию, язык, этническую религию, обычаи и т.п.) для мобилизации иных общественных слоев в активную политизированную «нацию» и также неизбежно вызывают мощный этнический национализм, направленный как внутрь, дабы гальванизировать и очистить «настоящую» нацию и ее членов, так и вовне против чужих угнетателей и конкурентов в борьбе за политическую власть»[42].

На начальном этапе украинского национального движения в эпоху Романтизма в Малороссии и на Слобожанщине ведущую роль играло малороссийское дворянство (потомки казацкой старшины). Его представителями были созданы первые гранд-нарративы истории Малороссии (Д. Бантыш-Каменский, А. Маркевич, А. Скальковский), созданы ее опоэтизированные образы (Н.В. Гоголь), начато собирание и изучение фольклора (М. Максимович, И. Срезневский). Однако к середине XIX в. малороссийское дворянство окончательно инкорпорировалось в состав господствующего сословия империи и его место в национальном дви-

жении заняла интеллигенция, сформированная преимущественно выходцами из непривилегированных слоев и маргинализированной части дворянства/шляхты (Н. Костомаров, П. Кулиш, Т. Шевченко, В. Антонович). С этого момента (отсчет можно начинать от Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве, 1845–1847) украинский проект базировался на этнически-генеалогической модели нации, предполагавшей народно-культурную мобилизацию низов, то есть крестьянства, ибо в городах украинцы составляли незначительное и экономически слабое меньшинство населения. Поскольку с точки зрения «будителей» новой волны элита и незначительный средний класс «русифицировались», то в первозданной чистоте «народный дух» сохранило только крестьянство. Его надо было «разбудить» и повести за собой, используя при этом его же ресурсы – фольклор, народные диалекты, народные обычаи и традиции, которые предстояло подтянуть до уровня высокой культуры государственных наций.[43] Весь этот процесс мыслился в категориях национального «возрождения/пробуждения», то есть *реконструкции* того, что некогда было утрачено.

В разделе «Этнический сепаратизм по отношению к старым империям» Энтони Смит так формулирует основные черты народно-мобилизационных движений (этнонационализм): «1. Создание литературной «высокой» культуры для общности, не имевшей такой культуры. 2. Формирование культурно однородной «органической» нации. 3. Создание признанной «родины», а еще лучше – независимого государства. 4. Превращение до того пассивного этноса в активную этнополитическую общность, «субъекта истории»[44]. Далее он ставит вопрос: «Кому служат эти открытия и реконструкции? Прежде всего лишенной корней интеллигенции, желающей войти в «живую старину» своих возрождаемых этнических групп, чтобы мобилизовать их членов на поиски социального статуса и политической власти. Не менее важно и то, что выигрыш от такого возвращения к реконструированной этноистории получают и члены мобилизованной этнической группы в целом. Ведь процесс народно-культурной мобилизации коренным образом меняет их статус: не только потому, что растет их активность и далее они уже не пассивные объекты внешнего господства, но и потому, что историки-интеллектуалы присваивают именно *их* народную культуру и подымают ее до уровня литературной «высокой» культуры. Массы впервые становятся субъектом истории под лозунгом народного суверенитета. Одновременно именно в *их* культуре следует искать индивидуальность, уникальность, а отсюда и raison d'être общности, превратившейся в нацию. …Создается новая выразительная национальная идентичность, распространяющая реконструированную этническую народную культуру на все классы общности… Массово-мобилизационный национализм создает политическую нацию по образцу ее предполагаемых исторических корней»[45].

Нации, сформированной на этнической основе (то есть эксклюзивной), предстояло дать цель в будущем, легитимизированную прошлым, для чего сле-

довало написать ее историю (фактически этноисторию) с утраченным золотым веком – моделью будущего устройства. Затем в лоно нации (к «народной культуре», к «корням/истокам») следовало по возможности «вернуть» представителей элиты и среднего класса. Работа с «народными» ресурсами давала ответ на вопрос *какое* именно прошлое следовало использовать при создании модели национального будущего. Таким утраченным золотым веком в фольклоре выступала эпоха «вольнолюбивого казачества», «Украина без пана, ляха и жида». На образ идеальной модели будущего нации также влияли социалистические и славянофильские идеи, распространявшиеся среди интеллигенции. Главной отличительной чертой украинцев в сравнении с поляками и русскими – основными конкурентами по национальному строительству – был объявлен извечный демократизм украинцев, их склонность к «воле» и народоправству. Таким образом, в идеале нация виделась «будителям» этнически монолитной и эгалитарной, созданной на базе традиционной «народной» культуры, а средством мобилизации – постоянное напоминание о ее угнетенном состоянии под властью чужеземных правителей и необходимость от него избавиться: «И царствует деспот над тремя славянскими народами, *правит ими посредством немцев*, заражает, калечит, *уничтожает добрую природу славянскую*, но ничего он не сделает. Ибо голос Украины не умолкнул. Встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ея, и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа ни в Велик[ой] России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни у хорутан, ни у сербов, ни у болгар»[46].

«Будители» должны были «разбудить» и повести за собой темную и пассивную народную массу. Для этого «будители», получившие европейское образование и оторванные от традиционной народной культуры, должны были ее изучить/«описать», а ее носителей – «просветить», то есть подтянуть до уровня европейской модели. В этом отношении украинские «будители» XIX в. удивительным образом напоминают «ориенталистов» Эдварда Саида. Саид называл «ориенталистами» тех западноевропейских ученых, которые (зачастую сами субъективно веря в свою объективность) мерили общей шкалой увиденное ими в колониях и трансформировали собственные интерпретации угнетенных в исторические факты. Так возникал образ примитивного туземца, который должен учиться у своих покорителей, как стать цивилизованным человеком. Таким образом «Запад» становится тем образцом, на который надлежит равняться. Вслед за Мишелем Фуко, Саид видел в описании акт установления господства описывающего субъекта над описываемым объектом. Историко-культурная конструкция («Восток»/ Orient), созданная в европейском сознании к концу XVIII века, превратилась, в итоге, в гигантский механизм создания смыслов, их обсуждения и интерпретации, в механизм превращения этих смыслов в идеологемы

и политические решения, которые воплощались сотнями тысяч солдат, дипломатов, предпринимателей и колониальных чиновников.

Иной ситуация наблюдается в Восточной Европе, где не было заморских колоний, расовых, а зачастую и религиозных, отличий, а значит не было и четкой географической границы между метрополией и провинциями. В восточноевропейских империях сложно было определить, где собственно начинается/кончается метрополия и есть ли она вообще, поскольку господствующий класс в них был полиэтничным и состоял из более или менее инкорпорированных традиционных местных элит. Значит, не было и социально зримой границы между представителями разных этносов. Так, господствующее сословие Российской империи составляли великорусские, малороссийские, грузинские, остзейские дворяне, а в первой трети XIX в. и польская шляхта, наконец, и принявшие российское подданство служилые иноземцы. С другой стороны, не существовало каких-либо серьезных социально-правовых отличий между, например, литовскими, русскими, украинскими и чувашскими (и т.д.) крестьянами. Таким образом, с одной стороны европейски образованное дворянство/чиновничество/интеллигенция, а с другой – объект управления – «народ» (преимущественно крестьянство), соответствующий всем основным характеристикам, приписываемым традиционному обществу – «Востоку».

По мнению российского исследователя Константина Кобрина: «Начиная с XIX века русский правящий класс конструирует свой «Восток», свой Orient внутри собственной страны. Роль загадочных чалмоносных турок и мумифицированных фараонов играет собственный так называемый «народ», точнее – тот сконструированный объект дискурса (и, естественно, господства!), который получил название «народа». Этому объекту атрибутируют самые разнообразные черты, которые можно совокупно характеризовать как «крайний экзотизм». «Русский мужик» выступает главным носителем экзотизма в современной автору русской жизни – мало того, что его решительно невозможно понять, он, обряженный в зипун и лапти, и внешне совсем непохож на автора в его сюртуке или вицмундире. Это – Другой. «Русскому народу» приписывали основное качество, которым ориенталисты наделяли Восток – неподвижность и неизменность»[47].

К этой, несомненно, интересной догадке хотелось бы добавить, что К. Кобрин, как и большинство российских исследователей, не замечает (без злого умысла, конечно), что в России XIX века жили не только русские. Поэтому нам кажется вполне возможным применить определение «внутренний ориентализм» и к частной украинской ситуации.

Особую роль в «ориентализации» «русского народа» (то есть «мужика») Кобрин отводит даже не чиновничеству, а интеллигенции: «Ориентализм отказал Востоку в способности меняться и, соответственно, отказал в истории вообще, поместив его в вечное пространство мифа – так утверждал Саид. Российская

власть поместила «народ» в то же самое пространство для того, чтобы реализовать патерналистский проект в новых условиях XIX века. И вот здесь главную работу для власти выполнили даже не официозные идеологи и писатели – от графа Уварова до драматурга Кукольника, а интеллигенция, чаще всего оппозиционная, чьими усилиями и был создан объект ориенталистского описания и патерналистского господства. … Заметьте, люди, говорящие все эти вещи в XIX и начале XX века, *исключали себя* из этого царства неподвижности, занимая, так сказать, позицию внешнего наблюдателя, наделенного совсем иными качествами… «Народ» следовало поставить под полное свое господство (политическое – в случае российской власти, идейное – в случае интеллигенции, но, заметьте, идейное господство с видами на политическое), включить его в «историю» (государственную, модернизационную, революционную) и, конечно же, «понять народ», «объяснить» его для того, чтобы реализовать пункты один и два. И те и другие старались использовать постулированную ими «неизменность» «народа» в своих целях: власть основывала на ней собственную «народность» и незыблемость «органического православия», интеллигенты, наоборот, видели здесь залог будущей социальной и духовной просперии. И те и другие говорили не иначе, как об «исключительности русского народа», наделив его смешным именем «богоносец»[48].

В случае украинского национального проекта украинская интеллигенция сконструировала образ «народа», который она наделила приверженностью традиции, неизменностью и прирожденной склонностью к социальному равенству, которое понималось как возвращение к уже пережитому опыту «казачества» – эгалитарного состояния общества: «*Не любила Украина ни царя, ни пана, и составила у себя казацтво, т. е. братство*, куда каждый, вступая, был братом других – был ли он прежде господином или рабом, лишь бы он был христианин; *и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собрании* и должны были служить всем по слову христову, ибо принимали должности по принуждению, как повинность, и не было никакого господского великолепия и титула между казаками»[49]. «Народу» также приписывалась особая «духовность» и «мессианизм»: «И день со дня росло и умножалось казацтво, *и скоро все люди в Украине стали бы казаками, т.е. вольными и равными*, и не было бы над Украиною ни царя, ни пана, кроме бога единого, *и, смотря на Украину, также бы сделалось и в Польше, а потом и в других славянских землях*»[50].

Под пером романтиков и «будителей» возник образ трогательного в своей наивной простоте и иррационального (с точки зрения европейца) «народа». Здесь достаточно вспомнить «Тараса Бульбу» и «Миргородские рассказы» Гоголя с их идеализированным описанием природы и сельской жизни и негативным образом города (не только Варшавы и Петербурга, но даже отчасти и Киева) – источника угнетения крестьянина. Из города приезжают господа и чиновники, город потребляет значительную часть произведенного трудом крестьян. Город

иноэтничен и враждебен, там крестьянина непременно обманут и обидят. Город, таким образом, выступает в качестве метрополии, колонией которой является село. Идеализированный образ села и крестьянства стал каноном, воспроизводившимся и воспроизводящимся до сих пор как в художественной литературе и публицистике, так и в политической риторике носителей этнонационального дискурса. Село объявлено «колыбелью украинской нации», селяне – «хранителями национальной культуры и духовности». Всякие проявления капиталистической, социалистической и постсоциалистической модернизации (и урбанизации) Украины неизменно описываются с алармистско-апокалиптическим трагизмом: «гибнет село!», «нация в опасности!» и т.п.

При этом сами «будители», носители европейской образованности, всегда вычленяли себя из «народа», дабы проявлять о нем патерналистскую заботу.

Создатели первых «ориенталистских» описаний украинского народа априори наблюдали его извне. В последней четверти XVIII в., когда казацкая старшина была занята получением равных прав с великорусским дворянством и закреплением за собой своих имений и крестьян, одними из первых интерес к истории Украины-Малороссии проявили иностранцы. Немец по происхождению, военный инженер на русской службе Александр Ригельман, выйдя в отставку и поселившись в приобретенном имении на Полтавщине, в 1778–1786 гг. создал компилятивный труд «Летописное повествование о Малой России, ее народе и казаках вообще». Жан Бенуа Шерер – атташе французского посольства в Петербурге – в 1788 г. издал «Летопись Малороссии, или историю казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии». Одним из первых сбором и изучением украинского фольклора занялся грузинский князь, уроженец Полтавщины, Николай Цертелев, издавший в 1819 г. в Санкт-Петербурге «Опыт собрания старинных малороссийских песен». Украина привлекала их прежде всего своей экзотичностью. В свою очередь, их сочинения влияли как на носителей традиционной идентичности – малороссийских дворян, подпавших под влияние европейского Романтизма, так и на первых «будителей». Большинство из них жило или получило образование в имперских столицах – Петербурге и Москве. Там же они публиковали свои труды. В Москве родился Дмитрий Бантыш-Каменский – автор «Истории Малой России» (М., 1822)[51]. В Московском университете учился Михаил Максимович, на каникулы приезжавший на Украину и занимавшийся тут собиранием фольклора, изданного затем в виде сборников «Малороссийские песни» (М., 1827) и «Украинские народные песни» (М., 1834). В Петербурге в 1840 г. увидело свет первое издание «Кобзаря» Тараса Шевченко. В Москве опубликовал свою «Историю Малороссии» Николай Маркевич (М., 1842–1843). Профессор Московского университета Осип Бодянский в Москве издал такие источники по украинской истории, как «Летопись Самовидца» и «История Русов» (М., 1846). В Петербурге в 1860 г. издавался украинский журнал «Основа». Выпускником Петербургского университета был

историк Александр Лазаревский – автор исследований «Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783)» (1866), «Села Конотопского уезда» (1868), «Люди старой Малороссии» (1880, 1882), «Из истории сел и селян Левобережной Малороссии» (1891), «Описание старой Малороссии» (1888, 1893, 1902).

Этот перечень можно было бы еще продолжить, но целесообразнее привести высказывание М. Максимовича, характеризующее взгляды его поколения на историю Малороссии: «*Возникшая подобно комете*, Малороссия долго тревожила своих соседей, долго *перепадала с одной стороны на другую* и была только обуреваема бедствиями и беспокойствиями, которые не дали развития духу народному и произвели только внутреннее волнение. *Массу* ее составили не одни племена славянские, но и другие европейцы, а еще более, кажется *азиатцы*. Недовольство и отчасти *угнетение* свели их в одно место, а желание хотя скудной независимости, *мстительная жажда набегов* и какое-то рыцарство сдружили их. Отвага в *набегах*, *буйная забывчивость* в веселье и *беспечная лень* в мире – *это черты диких азиатов*, жителей Кавказа, которых невольно вспомните и теперь, глядя на малороссиянина в *его костюме*, с *его привычками*»[52]. Что это, как не «ориентализм»? Украина иррациональна уже в силу случайности своего возникновения («Возникшая подобно комете, Малороссия»). Она постоянна в своем непостоянстве («долго перепадала с одной стороны на другую») и аморфности («не дали развития духу народному и произвели только внутреннее волнение»). Население ее представляет смесь славян с европейцами и «азиатцами», причем черты последних явно доминируют в народном характере («мстительная жажда набегов», «буйная забывчивость», «беспечная лень»), который описывается Максимовичем именно как азиатский («это черты диких азиатов»). Наконец, внешний облик и образ жизни малороссиянина («его костюм», «его привычки») также должны вызвать у образованного читателя ассоциации с Востоком (конкретно – Кавказом).

Подобным образом описывает запорожское казачество и Н. Гоголь в «Тарасе Бульбе». «Народ» в его «Миргородских рассказах» наделен устойчивым набором неизменных черт (в частности, особо подчеркиваются иррациональные суеверия и мистицизм). Трудно сказать, в какой конкретно исторический период происходит действие в «Сорочинской ярмарке», «Червонной свитке» или «Страшной мести». Время не движется – это вечно длящийся утраченный золотой век «казаччины». Сами просвещенные авторы описывали «народ» со стороны, находясь на конкретном отрезке линейного времени. «Народ» же неисторичен. Все, что у него есть из знаний о прошлом – песни: «*Это надгробные памятники* и вместе живые свидетели отжитой старины. Другие народы в память важных происшествий своих чеканят медали, по которым история часто разгадывает минувшее; события казацкой жизни отливались в звонкие песни, и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии».[53] Даже исследователь прошлого Малороссии назван Максимо-

вичем «бытописателем», а не «историком». Как нам кажется, М. Максимович не случайно называет народные песни «надгробными памятниками», поскольку с его точки зрения и его поколения Малороссия отжила свое и навсегда ушла в небытие и только «народ» сохранил черты ее (ибо он не меняется), которые может наблюдать европеизированный исследователь.

Новое радикальное народно-мобилизационное поколение «будителей», пришедшее с Кирилло-Мефодиевским братством (1845–1847), начало с отрицания позиции предшественников: «Лежит Украина в могиле, но не умерла… Ибо голос Украины не умолкнул. Встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ея, и восстанет Славянщина».[54] От *экзотизма* и *ориентализма* в описании «народа» новое поколение «будителей» перешло к характеристике его угнетенного положения, к антиколониальному и антиимперскому дискурсу: «Украина потеряла силы, и изгнали *поляки* казачество с правой стороны Днепра, и *властвовали паны* над нищими остатками *вольного народа*. А на левой стороне долее держалось казачество, но час от часу подпадало в неключимую *неволю московского царя*, а потом петербургского императора, ибо последний царь московский и первый император петербургский положил сотни тысяч в каналах и на костях их построил себе столицу. А *немка царица* Катерина, распутница всесветная, безбожница, мужеубийца, кончила казацтво и свободу, ибо, отобравши тех, которые были в Украине старшинами, наделила их дворянством и землями и отдала им вольную их братию в ярмо, *одних поделала господами, а других рабами*. И погибла Украина. Но так только кажется»[55]. Так понималось «возрождение» – как «пробуждение» от смертного сна. Откровенно прозвучала тема предательства элиты и чужеземного господства над Украиной: «Не погибла она, ибо она не хотела знать ни царя, ни господина; а хотя и был *царь над нею, но чуждый*, и хотя были *дворяне, но чужие*; а *хотя из украинской крови эти выродки*, однако они не сквернят своими подлыми устами украинского языка и *сами себя не называют украинцами*, а истинный украинец, будет ли он происхождения простого или дворянского, должен не любить ни царя, ни господина, а должен любить и помнить одного бога Иисуса Христа, царя и господина неба и земли. Так было прежде, так и теперь продолжается»[56]. Так, постепенно, в украинском проекте нация была сведена к простонародью, к низам, которые наделены были исключительно идеализированными чертами, характерными для традиционного общества (набожность, гармония в семье, уважение к старшим): «Ибо Украина не хотела итти вслед языков, а держалась закона божия, и каждый чужестранец, заехавши в Украину, удивлялся, ибо ни в одном краю на свете так чистосердечно не молились богу, нигде так муж не любил своей жены, а дети не уважали своих родителей»[57].

В отличие от русского случая К. Кобрина в украинской ситуации конкурентом «будителей»/интеллигентов/«ориенталистов» выступала европеизированная имперская бюрократия, описывавшаяся как чужеземная/иноэтничная

(«немецкая» – у членов Кирилло-Мефодиевского братства) и осуществлявшая имперский проект создания «большой русской нации»[58]. Ситуация усложнялась еще и тем, что на Правобережье («Юго-Западный край») одновременно осуществлялся польский проект возрождения независимой Польши.[59] Польские «будители» не имели своего государства и его поддержки, зато сохранили национально сознательную элиту, составлявшую класс землевладельцев, господствовавших над украинскими крестьянами. Необходимость противопоставления украинцев их бывшим и нынешним угнетателям понуждала украинских «будителей» еще более подчеркивать плебейский/демократический характер своего народа, в то время как полякам приписывалась склонность к аристократизму, а великороссам – к деспотизму. Вместе с тем украинские «будители» много позаимствовали у польского национального движения, в частности культ жертвенного героизма – результат неудачных антиимперских восстаний 1830–1831 и 1863 гг. Все это нашло отражение во второй половине XIX и начале XX вв. в народнической историографии и новом этапе исследования фольклора и этнографии («хлопоманы», «громады», «хождение в народ»). Тезис об украинцах как о «крестьянской нации», находящейся в «колониальном ярме», был воспринят и в Галичине. Так, например, в 1895 г. была опубликована брошюра Юлиана Бачинского под красноречивым названием «Ukraina irredenta» («Уярмленная Украина»). Этот же образ «Подъяремной Руси», по отношению к Галичине и Буковине, использовала российская пропаганда для обоснования своих претензий на эти земли, которые Россия пыталась реализовать в 1914–1916 гг.[60]

Многие наработки как романтической, так и народнической историографии, фольклористики и этнографии продолжили свое существование в XX веке как в диаспоре, так и в Украинской ССР[61]. «Казацкий миф»[62], также как и «безгосударственность» и «крестьянская природа», «традиционность/архаичность» украинцев, удивительным образом устраивали самые противоположные по политическим взглядам стороны, продуцируя образ украинского народа – жертвы чужеземных угнетателей, освободившегося от их ига в 1917 г. с помощью братского русского народа (в советской версии) или все еще ждущего освобождения (в диаспорной версии). Обретение Украиной независимости в 1991 г. парадоксальным образом способствовало еще большему расцвету колониальной/безгосударственной версии видения ее прошлого, ставшей очевидным анахронизмом. Стереотипы «колонии», «гнета», «жертвы», «низов» оказались настолько глубоко укоренены в национальный дискурс, что автоматически воспроизводятся в историописании, дидактике и официальной риторике.

«Империя» и «колония» в сознании украинского общества: комплексы неполноценности и превосходства

Вопрос – была ли Украина когда-либо колонией, в частности России, или нет, мы оставляем за рамками нашего исследования. Нам не известно о какой-либо серьезной научной дискуссии после 1991 г. на эту тему, которая привлекла бы внимание широкой общественности. В данном случае гораздо интереснее то, что одна часть общества и политиков априори рассматривает Украину как колонию нескольких держав или, по крайней мере, России и СССР, другая часть общества и политикума однозначно отвергает саму постановку подобного вопроса по отношению к России и СССР (но не к Польше и Австро-Венгрии). Данная проблема имеет давнюю историю[63]. Западные исследователи в большинстве своем не согласны с мнением о колониальном статусе Украины в составе Российской империи[64]. Нас же, в данном случае, интересует восприятие этой проблемы в современном украинском обществе, причины ее присутствия в общественном сознании и ее использование в политической борьбе.

Современному украинскому обществу действительно присущи многие черты постколониального состояния. По мнению Эвы Томпсон, формальное освобождение от колониальной зависимости еще не означает фактического освобождения. Зависимость сохраняется в экономической и психологической сфере. Постколониальным странам присущи следующие черты: экономическая бедность, постколониальный пессимизм, склонность к созданию мифологии былого собственного величия и, наконец, наследование культурных трендов бывших колониальных держав. Парадокс, однако, в том, что в той или иной степени все эти черты присущи и обществу современной России, которая, казалось бы, должна выступать в качестве бывшей метрополии. После 1991 г. российское общество испытывает экономическую бедность, пессимизм, создает новые мифологии былого величия,[65] а в 2000-х гг. обозначилась четкая тенденция к возвращению многих культурных трендов бывшего СССР, особенно периода «застоя» – 1970-х.[66] Дело в том, что социально-экономическое состояние общества Украины и России как до 1991 г., так и после, мало чем отличается в двух странах. Между уровнем жизни украинцев и россиян, их правовым статусом, никогда не было той пропасти, которая разделяла белых жителей метрополии и туземцев в классических колониальных империях (например, в Британской).

Гораздо продуктивнее нам кажется предположение Т. Зарицкого о том, что специфика нынешних отношений между Польшей и Россией обусловлена в первую очередь тем, что обе эти страны занимают периферийное положение по отношению к «центру», т.е. Западу. Данная им характеристика вполне применима и к ситуации Украина–Россия. Обе страны осознают свою периферийность, отсталость, бедность и отсутствие уважения к ним в «центре» (на Западе). Отличие украинской ситуации от польской в том, что для Украины даже Польша

является частью успешного Запада (ЕС и НАТО). Кроме того, если современная польская идентичность базируется на антикоммунизме и различное отношение к России в политическом дискурсе проходит по линии «правые» и «левые» партии,[67] то в Украине нет единства по отношению к советскому прошлому, так и не сформировалась единая политическая нация (продолжается «ежедневный референдум»), а разные образы России/«империи» и отношение к РФ проходит по линии региональных отличий (между «оранжевым» и «бело-голубым» электоратом), базирующихся на отличных версиях исторической памяти и опыта. В целом, ситуация в Украине намного сложнее, чем в Польше.

Образ России играет центральную роль в формировании современной польской идентичности, поскольку выполняет функцию компенсации психологической травмы осознания собственной слабости и периферийности в сравнении с Западом. Сравнение Польши с Россией позволяет полякам ощутить некое превосходство над еще более отсталым восточным соседом (как и в случае с Беларусью и Украиной). России приписываются ориентальные/азиатские черты, что позволяет сократить дистанцию между Польшей и Западной Европой как в глазах самих поляков, так и, по возможности, в глазах западных соседей, т.е. «старой Европы»[68]. Для достижения этой цели Польша использует такие инструменты, как Европарламент, Совет Европы, ОБСЕ и т.п., обсуждая такие темы, как «война в Чечне», «нарушение прав человека в России», «*Газпром* и энергетическая безопасность Европы», «имперские амбиции Кремля в отношениях с бывшими советскими республиками» и т.д. Постоянно подчеркивается тезис о «возвращении в Европу», а аргументы евроскептиков зачастую парируются ссылками на сохраняющуюся «угрозу с востока».

В свою очередь, российское общество преодолевает травму осознания своей периферийности посредством гиперболизации былого величия Российской империи и СССР (утраченный *золотой век*), и жесткого позиционирования себя по отношению к Западу (антиамериканская пропаганда), исходя еще из советского представления о том, что «если нас боятся – значит уважают». По-прежнему актуальна «теория заговора» (Запада против России) и связанная с ней тема «пятой колонны», к которой отнесены политическая оппозиция, правозащитники, НГО, Борис Березовский и т.д. Наконец, компенсаторную функцию подавления комплекса неполноценности в российском обществе выполняет представление о превосходстве России над странами СНГ – воспроизводится система «центр-периферия», однако в данном случае роль «центра» приписывается России. Данное представление культивируется через поощрение роста ксенофобии в России, демонстративную поддержку Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и сепаратистов в Крыму, наконец, в ходе войны с Грузией в августе 2008 г.

Специфика Украины в том, что различные политические партии используют в своей пропаганде либо польский вариант, либо российский, которые мы обозначаем в нашем исследовании, соответственно, как *постколониальный* и *по-*

стимперский. Для первого характерна виктимизация прошлого и демонизация/ориентализация образа России/СССР, для второго – ностальгия об утраченном величии в рамках двуполярного мира до 1991 г. и надежды на возрождение единства с Россией в виде союза, конфедерации и т.п. Нескрываемая ностальгия носителей постимперского дискурса об «утраченном золотом веке СССР» только обостряет негативный образ России в сознании носителей постимперского дискурса. В свою очередь, виктимизация прошлого и представление Украины как колонии – жертвы империй, в официальном дискурсе (особенно В. Ющенко), исторической дидактике и нарративах, дает козырные карты в руки носителей постимперского дискурса, ибо критика ими несостоятельности Украины как государства получает дополнительный «исторический» аргумент. Все это создает благоприятные возможности для манипуляций в ходе предвыборной агитации, для сохранения контроля над «своим» электоратом. Используют эту тактику политические партии, за фасадом которых конкурирующие финансово-промышленные группы сохраняют выгодную им ситуацию разделенности украинского общества и несформированности единой политической нации и гражданского общества.

Именно позиционирование «себя» по отношению к России/«империи» является ключевым моментом современных постколониальных нарративов, что порождает еще один парадокс: «история Российской империи еще не стала для украинцев предметом самостоятельного академического дискурса. Как следствие, к имперской проблематике обращаются преимущественно в контексте изучения истории Украины, не отягощая себя поисками новой концептуализации их взаимоотношений. Японский ученый Кимитака Мацузато видит в этом одно из проявлений того удивительного самоограничения, которое было присуще периферийным историкам из советских республик»[69]. Значительная часть украинских политиков, публицистов и историков (особенно старшего поколения) в своей риторике по-прежнему борется с империей: «тема колониальной в прошлом зависимости Украины является дополнительным свидетельством идейно-мировоззренческой несвободы современной украинской исторической дидактики, а ее внешняя (бутафорная) антироссийскость – ни чем иным, как все еще неспособностью украинских авторов вырваться из идейно ограниченного российского дискурса. Эта негативная зависимость от России настолько велика, что авторы иногда теряют даже последние нити научного инструментария, стараясь, например, подстроить и Речь Посполитую, и монархию Габсбургов под российские имперские стандарты. Украинская историческая дидактика еще не осознала себя качественно отдельным целым, говоря образно – она упрямо пытается остаться на поле боя и даже одержать убедительную победу тогда, когда воевать уже не с кем и не за что. Своим желанием любым способом доказать колониальный статус Украины авторы школьных учебников незаметно оказываются в тисках российских исторических мифов».[70]

Россия как Азия и как Идея

Известный австрийский исследователь Восточной Европы, историк Андреас Каппелер уже в 1994 г. предупреждал об опасности механической замены советских стереотипов на новые/старые украинские национально-освободительные: «Отход от догмы «дружбы народов» может привести к диаметрально противоположной интерпретации украинско-российских взаимоотношений, к образу истории, определяемому вечным антагонизмом между украинцами и русскими; тогда научный анализ подменяется шаблонами и стереотипами примитивности украинской крестьянской нации, крайнего национализма его элиты, изменнической природы украинских казаков, мазепинцев и бандеровцев с одной стороны, а с другой – азиатского варварства русских, российского колониализма и непрерывности российского тоталитаризма»[71]. С сожалением приходится констатировать, что именно этот вариант в значительной степени реализован и продолжает реализовываться до сих пор.

Как отмечает Томаш Зарицкий, идентичность не может базироваться только на виктимизации прошлого, даже если она дополняется тезисом о моральном превосходстве жертвы над деспотической империей[72]. Важным компенсаторным инструментом выступает «ориентализация» образа России. Следует отметить, что «ориентализация» была и до сих пор остается важным культурно-политическим инструментом не только в отношениях Запада с «другими», но и внутри самой Европы. Для жителей Германии и Австрии характерна «ориентализация» восточных соседей. В свою очередь, поляки и венгры «ориентализуют», соответственно, народы Восточной и Юго-Восточной Европы. С точки зрения хорватов, Балканы начинаются *за* юго-восточной границей их страны. Далее всех на восток расположена Россия. Следуя польскому примеру, украинский национальный дискурс «ориентализирует» россиян (с конца XIX в. и особенно в XX в.).

В целом большинство современных украинских историков и политиков первого эшелона избегают каких-либо проявлений высокомерия по отношению к России, русским и русской культуре. Однако это правило не распространяется на правоконсервативных политиков, журналистов, писателей-нативистов и диаспорных авторов. Именно произведение одного из них, уже трижды переизданное в Украине, является одним из главных источников новой «ориентализации» России. Речь идет о книге «Московство» канадского украинца, выходца с Кубани, Павла Штэпы, впервые изданной в Торонто в 1968 году. Штэпа (а вслед за ним и многие его последователи) отказывает московитам/«москвинам» в праве претендовать на славянское происхождение и наследие Руси, называться «русскими» и «Россией», подчеркивает их азиатские и монголоидные черты, приводит доказательства их расового отличия от индоевропейцев-украинцев, высмеивает фальшивую европеизацию верхов «москвинов»[73]. Достаточно про-

цитировать первое предложение его книги, в котором он излагает свое видение начала «москвинов» как этноса: «Еще в доисторические времена в северо-восточный угол Европы перекочевал из Азии маленький угро-финский народец»[74]. Простой перечень названий глав сочинения Штэпы свидетельствует о приписывании им «москвинам» типичных ориентальных черт: лень и бродяжничество, нищета и преступность, безбожие и распущенность, жестокость, рабство и деспотизм, творческое бессилие[75]. Штэпа не скупится на упреки украинским историкам (дореволюционным, диаспорным и советским), коих он именует «малоукраинцами», скрывающим, по его мнению, величие настоящей истории Украины и преувеличивающим влияние на нее иных культур: «Историки начинают украинскую историю с IX в., отделываясь лишь несколькими намеками на неизмеримо большее, неизмеримо более богатое бытие Праукраины до IX в. … Отравленные чувством национальной ущербности, малоукраинцы болеют рабской болезнью «влияниемании»[76]. Под пером Штэпы и его последователей история Украины становится на несколько тысячелетий древней, располагаясь, таким образом, у истоков европейской цивилизации. Все, на что способны «москвины» – это использовать ресурсы более развитых народов, которые они ухитряются себе подчинить, и водить за нос Запад, который не в состоянии раскусить суть «московства». Обвиняя «москвинов» в коварном присвоении истории, культурных достижений и самого имени Украины-Руси, Штэпа идет тем же путем, украинизируя скифов, сарматов и античных причерноморских греков,[77] и провозглашая великих князей киевских императорами[78]. Высмеивая претензии «москвинов» на именование Москвы третьим Римом, он приписывает этот титул Киеву: «Киев на протяжении не столетий, а тысячелетий был крупнейшей на востоке твердыней европейской культуры и цивилизации. Является таковым и сегодня. Имеем полное право называть Киев Вечным Городом. Он и по возрасту, и по своему значению в мировой истории если не превосходит, то, по меньшей мере, равен другому Вечному Городу – Риму. Наш древний Киев имеет полное право называться III Римом. В его историческом сиянии претензии москвинов (Москва – III Рим) выглядят карикатурно»[79]. Таким образом, мы имеем дело даже не с любительской попыткой осмысления менталитета «москвинов» или выявления белых пятен сфальсифицированной «москвинами» истории Украины, а всего лишь с попыткой поквитаться с врагами-угнетателями, причем поквитаться в рамках мифологем, созданных этими самыми «москвинами», через переприсвоение ведущей роли для своего народа. Декларируя намерение поведать миру о духовной сущности коварных «москвинов», Штэпа, как и его последователи, остаются пленниками ненавистного им «московитского» дискурса.

Подобно тому, как анонимный историко-политический памфлет «История Русов» (обнаружен в 1828 г., опубликован в 1846 г.) оказал огромное влияние на формирование украинского национального движения в середине – второй половине XIX в., также и следы влияния «Московства» П. Штэпы заметны в со-

чинениях и риторике многих деятелей «национал-демократического» и ура-патриотического толка уже в независимой Украине.

«Ориентализация» России получает распространение в публичном дискурсе в начале 1990-х и до сих пор сохраняет сторонников, главным образом, в правоконсервативной среде. Противопоставление «европейская Украины» – «азиатская Россия» выполняет важную компенсаторную функцию на фоне многочисленных неудач государственного строительства. «Ориентализация» России также должна способствовать консолидации украинской нации перед лицом извечной «угрозы с востока» и дистанцировать Украину от России, приближая первую к Европе. Для этого по отношению к России используются термины «Московия», «московиты», «Московское царство», применявшиеся западными европейцами в XVI–XVII вв. по отношению к стране, которую они, скорее, склонны были считать частью «Татарии», нежели Европы. Степень ура-патриотичности тех или иных современных исторических нарративов можно определить по тому, как часто автор использует понятие «Московия», а не «Россия». Многие продолжают писать о «Московии» даже после петровских реформ. Еще меньше церемонятся с терминологией дилетанты от истории – писатели и ультра-патриоты (зачастую одни и те же люди). В своей риторике они всячески подчеркивают не только финно-угорское происхождение «москвинов», но и их тесный симбиоз с татарами: «После упадка Орды татары массово переходили в христианскую веру, и так из этой угро-финно-татарской смеси возник нынешний московский народ. Народ чисто азиатский, что и подтверждает анализ их крови. Азиатские народы имеют группу крови «В», а индоевропейские – «А». Москвины имеют «В», а украинцы – «А». Москвинам присущи начала монголоидной расы, а украинцам – европейской расы»[80]. Московия является не преемницей Византии (как утверждают сами «москвины»), а Золотой Орды: «Когда Золотая Орда распалась, никаких изменений в Московщине не произошло. Все – и татары, и Москвины – остались на своих местах, на старых должностях. Только вместо хана наивысшим властелином стал царь»[81]. «Московия» (Россия/СССР) – это и есть Орда. Даже формально европеизированная верхушка «Московии» не в силах изменить ее азиатскую суть: «Азиатский духовный тип москвина оказался чрезвычайно стойким. С XVIII в. несколько изменились формы, и то лишь в высших слоях, но склад всего бытия Московщины (материального и духовного) остался сквозь века и до сих пор азиатским. В XIX в. московская интеллигенция как-будто скинула с себя татарский «кафтан» и оделась в европейский фрак. Этот карикатурный «истинно русский европеец» преобладает и до сих пор»[82]. Все эти выпады против москвинов являются именно компенсацией тех унижений, которые испытывали украинцы от высокомерных великороссов, презрительно именовавших их отсталыми «хохлами».

Левко Лукьяненко (один из организаторов Украинской Хельсинкской группы (1978), политзаключенный в течение 27 лет, лидер Украинской респу-

бликанской партии (1990), посол Украины в Канаде в начале 1990-х) в своем недавнем памфлете «Цивилизационный выбор Украины»[83] указывает на преемственность между Ордой и современной российской политической элитой: «Она ослеплена Чингисхановым стремлением к захвату чужих земель». Вопрос – Европа или Азия – сформулирован в еще более категорической форме: «изменило ли трехсотлетнее господство московской азиатчины украинский европейский дух на азиатский? … за 300 лет Московия не превратила украинцев в азиатов». Как и многие другие «будители» и «национал-демократы», Лукьяненко использует разработанный поляками миф о пограничье (antemurale) между Европой и Азией (Западом и Востоком): «Тот факт, что Украина была на восточном Порубежье европейской цивилизации, оборачивается позитивной стороной: моральная деградация у нас не зашла так глубоко, как на Западе». Таким образом, с точки зрения консерваторов-нативистов, периферийное положение Украины по отношению к «Западу», угнетающее многих сторонников модернизации и либерализации, на самом деле является позитивом, если оценивать ситуацию не в системе координат потребительской цивилизации, а с точки зрения духовных ценностей. В ответ на постоянно звучавшую в имперской и советской пропаганде мифологему о просветительском влиянии великороссов (русского пролетариата) на малороссов (младшего брата – украинца или, в вульгарном варианте, крестьянина – «хохла»),[84] вырабатывается мифологема о попытках (увы, безуспешных) украинских просветителей европеизировать азиатов-московитов: «наши прокоповичи, яворские, бортнянские за эти же триста лет не превратили московитов в европейцев»[85].

В год провозглашения независимости в Украине вышел в свет роман Романа Иванычука «Орда». Название книги указывает не на Золотую Орду и татарские набеги, а на Россию как колонизатора Украины. В романе автор дискутирует с российским видением истории Украины и непосредственно полемизирует с взглядом Пушкина. Иванычук не скрывает, что на самом деле действие в его произведении происходит не в эпоху Мазепы, а во времена советской империи. «Пересказывая историю написания романа, Иванычук использует свой опыт депутата Верховного Совета в переломный для Украины период – в 1990–1991 гг. Вымышленный мир «Орды» является абсолютной противоположностью той модели украинской истории, которая была навязана империей; это типичный пример анахроничного антиколониального дискурса: автор начал его … после распада империи. Однако невольник – хоть и освобожденный – далее пребывает в плену ненависти, поэтому не в состоянии стать действительно свободным. Объектом ненависти становятся не только вчерашние колонизаторы, но и – а может быть, прежде всего – те, кто сотрудничал с колонизатором»[86].

Историк Наталья Яковенко ставит диагноз этой болезни (поиски скрытой исторической правды, подпитываемые страстью разоблачения предателей): «это дилетантская мания переписывать историю, выискивая в прошлом все, что

угодно, кроме … самого прошлого»[87]. В основе подобных произведений – конструирование образа другого (России) как врага.

Образ России как источника зла, своеобразной антицивилизации,[88] возникает в цикле статей Евгения Гуцало, которые на протяжении 1995 г. регулярно появлялись на страницах «Літературної України», а позже вышли в свет в издательстве «Просвіта»[89]. Автор, писатель, принадлежащий к поколению 1960-х гг., перенял хорошо известную стратегию описания России – она состоит в цитировании русских писателей и интеллектуалов и добавлении собственных комментариев. Новым в книге «Ментальность орды» стало стремление автора изобразить «менталитет» россиян как корень зла. В чувстве цивилизационного превосходства по отношению к могущественному соседу проявляется не только украинский комплекс, но и национальная мегаломания. Гуцало делает акцент на чужеродности и враждебности российской цивилизации по отношению к украинцам. В данном случае речь идет о «травматическом мышлении», о котором ранее писал Анджей Дравич, комментируя стереотипное поведение поляков, а также о попытке создать такой образ другого, который позволил бы максимально увеличить дистанцию от него. Мерилом интенсивности патриотических чувств здесь становится неприязнь к русским[90].

Директор киевского Института украиноведения Петр Кононенко в книге «Свою Украину любите», после основательной лекции о неоязычестве и роли «Велесовой книги» в формировании украинской нации, противопоставляет европейскую Украину азиатской России, и при этом добавляет: «Но «азиатами» могут быть не только те, кто живет в Азии или России. Скорее наоборот: классические азиаты – здесь, и не из чужих этносов, а «свои» – те, что воспитаны как «хахлы» – ужасное пугало»[91]. Приведенная цитата четко демонстрирует, как внешний враг превращается во врага внутреннего. В глазах Кононенко эта группа превращается в «пятую колонну», действующую во вред «настоящим» украинцам[92].

Действительно, стратегии «ориентализма» работают и в рамках одного государства. Так, в Польше для жителей Великопольши и Малопольши, с конца XVIII и до начала XX вв. пребывавших в составе, соответственно, Германской и Австрийской империй, характерно более высокомерное отношение к жителям «Конгрессовой Польши» («Царства Польского»), входившей в состав Российской империи[93]. В украинской ситуации жители западных регионов, в первую очередь Галичины («украинского Пьемонта»), подчеркивают свою высокую национальную сознательность и большую европейскость в сравнении с жителями центральных областей (Приднепровья) и тем более южных и восточных, слишком долго пребывавших под властью азиатской России/СССР.

Однако в отличие от прочих стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в Украине существует также и «контрориентализм». Жители Юго-Востока («Новороссии») именно свой индустриализованный и урбанизи-

рованный регион, долгое время бывший форпостом черноморской и балканской политики Российской империи, считают наиболее развитым, претендующим на ведущую роль в Украине. С их точки зрения, центральные области и в наибольшей степени «Западная Украина» являются воплощением отсталости, аграрного хозяйства и крестьянской этнокультуры. Таким образом, с некоторой долей упрощения, ситуацию в Украине после 1991 г. можно охарактеризовать как противостояние двух внутренних ориентализмов. Если носители постколониального дискурса в своем «ориентализме» используют польские модели, снабдив их изрядной долей нативизма, то носители постимперского дискурса опираются на ресурсы России/СССР. В системе мировоззрения последних «центром» являются Москва и Петербург, к которым гораздо ближе расположен Юго-Восток Украины, а Приднепровью и Галичине отведена роль крайней периферии. Именно из Москвы/Петербурга идут импульсы развития, прогресса, науки и масштабного вселенского проекта построения нового мира. Что всему этому могут противопоставить аграрные регионы Малороссии и Галичины, кроме казакофильства и народных традиций? И наоборот, с точки зрения «национал-демократов» и правоконсервативных сил все эти «стройки века» не более чем «бездушные железки».

Прекрасной иллюстрацией этого противостояния может служить статья в «Литературной газете» за 1946 г., в которой более преданный «генеральной линии КПСС» автор критикует менее сознательных украинских коллег за проявления «буржуазного национализма»: «Видим только тополя, рощи, казацкие могилы непобедимых предков. А где же Днепрострой, тракторы на полях, могучая социалистическая промышленность? … Слишком много этих националистических фетишей, этой узкой национальной ограниченности, этой идеализации давно уже мертвого прошлого»[94]. По сути дела, мы видим ретрансляцию в современность старого противостояния между двумя группами писателей УССР – в большей или меньшей степени преданных КПСС. Поскольку в СССР писателям и поэтам была отведена важная роль в идеологической обработке масс, в эти массы транслировался образ писателей как «духовных поводырей народа». Украинские советские/постсоветские писатели и поэты претендуют на сохранение этого гипертрофированного статуса (привилегированного положения) и после 1991 г. Действительно, на заре становления независимой Украины некоторые из них, став депутатами Верховного Совета, сыграли важную роль формировании нового канона национальной идентичности, сформированного из старых стереотипов. Проблема в том, что это противостояние не ограничивается узким кругом литературной богемы, а посредством масс-медиа выносится на широкое «обсуждение» и совпадает с историко-культурными отличиями регионов, наконец, оно цинично и целенаправленно используется политиками (региональными элитами/финансово промышленными группами) в борьбе за власть. Противоположные группы по-

литиков применяют различные «заветные слова» и «места памяти» для манипулирования электоратом в «своих» регионах.

Если в период правления Л. Кучмы (1994–2004) формировался эклектический канон украинских исторических мифологем, включавший как элементы советского, так и национального канонов, то президент В. Ющенко (2005–2009) совершил резкий поворот в сторону постколониальной версии национального канона. «Роль национальных героев (а также национальных праздников) состоит в консолидировании общности посредством обращения к общим ценностям и конструирования общности символов. Сосуществование образцов несовместимых в сознании больших социальных групп приводит к обострению конфликтов: вместо того, чтобы консолидировать, герои углубляют разделение. Убеждение, что символы и национальные ценности должны быть общими для всего общества, присуще видению государства и общества в национальных категориях»[95].

«Ориентализация» России в украинском постколониальном дискурсе не дает ожидаемых результатов – она не воспринимается большей частью населения Украины, не способствует преодолению комплекса неполноценности, наоборот, препятствует консолидации нации, усиливая противоречия между региональными идентичностями. Более того, всякое противопоставление/сравнение с Россией априори работает против независимой Украины. По мнению Игоря Яковенко, Российская империя/СССР могут быть отнесены к категории традиционных империй, корнями своими уходящих в средневековье. Традиционная империя – это попытка воплощения религиозной вселенской *Идеи*[96].

Украина как национальное государство всегда проигрывает в сравнении с Россией как империей, поскольку *Идея* и земные интересы несопоставимы. Более того, независимость Украины воспринималась и воспринимается русскими как нарушение целостности *Идеи*, то есть разрушение ее совершенства, а значит, осуждается как ересь. В этом смысле понятной становится анафема Русской православной церкви И. Мазепе, не совершавшему каких-либо преступлений против религии. Его выступление против *Империи* равнозначно бунту против *Неба*. Соответственно понятие «мазепинцы», три столетия функционирующее в российском имперском дискурсе, равнозначно определению «еретики».

Империя не имеет равных, она является воплощением небесного замысла. Империя неподотчетна никому кроме, *Неба*. Ей позволено то, что не позволено нации, тем более бывшей провинции. Поэтому для русского менталитета характерно обожествление *Государства*, в то время как в западной цивилизации *Церковь* играла самостоятельную роль в отношениях с империей. Несопоставимы проекты империи и нации. *Империя* безгранична (в идеале она вселенская), *нация* – это всегда отгораживание некой более-менее однородной этнической территории. Случай Украины показывает, что отгораживание определенной

этнической территории не срабатывает, ибо традиционная домодерная этническая территория не совпадает с современными границами государства.

Более того, «традиционное общество существует искони. Оно не распалось на индивиды и не пережило собирание заново, в чем и состоит процесс рождения нации»[97]. В Украине так и не произошло этого распада на индивиды (есть атомизация) и уж точно не было собирания заново. В Украине все еще весьма сильны региональные идентичности и клановые связи, определяющие как политические и экономические процессы, так и жизненные стратегии «простых украинцев».

«Национальное государство, в значительной мере конституированное идеями общественных интересов, по крайней мере, не предполагает конфликта между государством и этнической целостностью, сформировавшей данное государство. Национальное государство для того и создавалось, так и задумывалось, чтобы максимально сгладить, свести на нет любой конфликт между обществом и государством».[98] В случае Украины приходится констатировать, что национальное государство так и не возникло. Ибо государство (политическая элита) неподотчетно обществу и не отражает его интересов, но действует исключительно в своих корпоративных интересах. По сути, это отколовшаяся провинция империи, возглавляемая бывшей локальной имперской бюрократией («креолы» М. Рябчука), которая, на данном этапе, в своей риторике использует этноцентричную модель этатизма. Модель эта не воспринимается как иноэтничными гражданами и носителями постимперской ностальгии, так и сторонниками гражданского общества. Она популярна в основном в наиболее консервативной части традиционного общества – среди жителей сел и небольших городов Западной Украины. В этом же и одна из причин неприятия Украины Л. Кучмы как носителями традиционных этнических ценностей (они чувствовали неискренность его половинчатого «этнонационализма»), так и сторонниками гражданского общества.

Поскольку традиционная *Империя* предполагала включение в себя и растворение в себе украинцев и белорусов, то русские/великороссы не воспринимали их как колонии, а себя как колонизаторов, но как *освободителей* и *предводителей* («старший брат»). Империя предлагала интеграцию и совместное участие в имперском проекте по осуществлению универсальной идеи (византийско-православной или коммунистической), а не изоляцию православных славян не-великороссов (что характерно для модерных колониальных империй с национальным государством в качестве метрополии и заморскими владениями). В иной ситуации находились кавказцы, мусульманские народы Поволжья и, в еще большей степени, жители Средней Азии и народы Сибири.

В классической колониальной ситуации (например, британской) суть отношений между метрополией и колонией можно выразить в следующей фразе: «вы не такие, как мы и никогда не станете такими, поэтому мы вами управляем

для вашего же блага или просто потому, что сами вы не можете собой управлять» (вот что так задело М. Ломоносова в норманнской теории немецких академиков). В случае с Украиной и Беларусью власти Российской империи, а затем и СССР (правда, в более завуалированной форме) декларировали: «вы такие же, как мы, вы часть триединого русского народа, и вам нужно отказаться от оставшихся отличий (в СССР – в рамках новой исторической общности – советского народа)». В ответ от представителей национального движения звучало: «Нет, мы будем культивировать наши отличия».

Рустификация versus русификация

В своей риторике В. Ющенко использует не только присущий постколониальному дискурсу топос «возвращения к корням», но и тему «возвращения в Европу», характерную именно для польского публичного дискурса начала 2000-х – времени дискуссий евроскептиков и еврооптимистов относительно вступления в ЕС. С одной стороны, В. Ющенко связывает «возвращение к корням» (то есть к этнической культуре – домодерности) с «возвращением в Европу» (то есть к глобализации и постмодерности): «Моя политика была образцом того, как *вернуть* нацию к тому, о чем она уже забыла. Усыпленное, знаковое с моим президентством *вернулось. Я веду страну домой*, туда, где мы всегда были, *в Европу*»[99]. С другой стороны, «возвращение в Европу» (то есть фактическая утрата суверенитета в соответствии с Лиссабонским договором) отождествляется с сохранением независимости, которая может быть утрачена (если в результате президентских выборов 2010 г. к власти придут пророссийские силы): «Выборы 2010 года – это не технические выборы. Или страна идет вперед, *возвращается домой в Европу*, или решаемся на эксперимент, который приведет нас к утрате независимости»[100]. Таким образом, два очевидных противоречия – 1) обращение к домодерности и постмодерности и 2) утрата суверенитета ради его сохранения – снимаются очень просто: главное – дистанцироваться как можно дальше от России, воплощающей в себе актуальную угрозу на базе реактуализации прежнего травматического опыта.

С одной стороны, это свидетельствует о преобладании в сознании «национал-демократического» крыла украинского политикума «защитного национализма». С другой, как отмечает Эва Томпсон: «Мысли тех общностей, для которых характерен такой вид национализма, обращены скорее вовнутрь, чем вовне, вследствие чего они оказываются не в состоянии развить успешные отношения с внешним миром».[101] С сожалением приходится констатировать, что постколониальный дискурс порождает проблемы и конфликтные ситуации не только во внешней политике, но еще в большей мере во внутриполитической ситуации.

В политической риторике президента В. Ющенко ключевыми словами являются «вернуться», «вспомнить», «разбудить», «возродить». Речь идет как о возвращении «к корням», возрождении народных традиций, пробуждении нации и восстановлении «исторической правды» после столетий колониального гнета, так и о «возвращении в Европу», «где мы всегда были». Эта позиция вызывает откровенное неприятие у носителей постимперского дискурса. Если Украина 350 лет была колонией России и СССР, как тогда может идти речь о «возвращении» в Европу, «где мы были всегда». Где же мы все-таки были, в Европе или в колониальном иге? – спрашивают они. Таким образом, виктимизация прошлого вступает в явное противоречие с декларируемыми евро-интеграционными планами, ибо Европейский Союз – это клуб успешных стран с высокими стандартами жизни, а не бывшие колонии.

Гипертрофированная виктимизация откровенно диссонирует с попытками конструирования «славного прошлого» (создание мифологии былого величия, по Эве Томпсон). Трипольская культура IV–III тыс. до н.э., которой до 1991 г. интересовались исключительно археологи, постепенно превратилась в одну из важнейших составляющих нового национального мифа. Особого размаха культивирование мифа о «трипольцах» как протоукраинцах достигло в годы президентства В. Ющенко – обладателя коллекции трипольских древностей и популяризатора культуры медного века как в Украине, так и за рубежом. После 1991 г., когда была снята цензура, стала множиться откровенно антинаучная литература, продуцировавшая старые и новые мифы. Их авторы, преимущественно писатели и журналисты, приписывали украинцам все возраставшую роль в развитии человечества вплоть до основания Трои, Рима, Иерусалима, цивилизаций древнего Египта и Месопотамии[102].

Возрождение украинской культуры, понимаемой в категориях домодерной традиционной культуры крестьянства, проявляющееся в патронаже государством многочисленных фольклорных и этнографических фестивалей, народных промыслов и т.п., вместо развития науки, модернизации производства и создания 5 млн новых рабочих мест, обещанных в предвыборной программе В. Ющенко в 2004 г., вызывает нескрываемый сарказм у противников постколониального дискурса. Они обвиняют «национал-демократов» в политической несостоятельности, которую те пытаются прикрыть сознательной архаизацией украинства. «Патриотизм по Сократу, требующий «постоянного критического анализа с намерением сделать эту страну как можно более успешной», для них смерти подобен. В успешной стране эта «элита» обречена на прозябание, соответствующее их умственным, нравственным и духовным способностям. При наличии полного отсутствия всего этого, в чем мы ежедневно убеждаемся. Поэтому их патриотизм – это вышиванки, «боевой гопак», трипольско-арийское прошлое, «виключно українська мова», набор страданий, наковырянный из прошлого, и героизация предателей»[103]. Если вынести за скобки некоторую желч-

ность, присущую подобным инвективам, то следует признать определенную объективность данного диагноза и перестать удивляться неприязни «бело-голубого» и «красного» электората к «национал-демократам» и тем более консерваторам-нативистам.

На этом фоне официальная глорификация «Гетманщины» как идеального украинского государства, погибшего в результате экспансии Российской империи – не просто конструирование «утраченного золотого века», характерное для многих национальных проектов (Энтони Смит: «Массово-мобилизационный этнический национализм создает политическую нацию по образцу ее вероятного исторического истока»). В украинском случае это легитимизация современного общественного устройства. В реальной, а не мифологизированной, Гетманщине существовала постоянно расширявшаяся пропасть между казацкой старшиной и низами, процветали коррупция, кумовство и правовой произвол (черты, легко узнаваемые в современной Украине). «Казацкая демократия» осталась только в народных думах, а выборы свелись к фикции. В итоге казацкая старшина при поддержке имперских властей закрепостила собственный народ, а затем влилась в господствующее сословие империи наравне с русскими дворянами. Целенаправленная глорификация Гетманщины в официальном дискурсе только уводит Украину от демократии. «Какого мы бы хотели Президента Украины? А никакого! Поскольку считаем, что Украине нужен не Президент, а всенародно избранный ГЕТМАН. … Вперед – назад – к Гетманату!»[104]

Следует признать, что речь идет не о *модернизационном* проекте нации, а о *нативистском* (nativity), с характерными для него архаизацией, изоляционизмом и рустификацией. *Нативизм* активизировался на рубеже 1980–1990-х гг. и все еще претендует на ведущую роль в украинском проекте. По мнению польской исследовательницы Оли Гнатюк, народническая традиция, хоть и видоизмененная под влиянием соцреализма, но живая в украинской культуре, требовала искать настоящие ценности в народе – в народной традиции, отождествляемой с национальной. «Село и дальше считали сокровищницей древней, традиционной культуры; ему приписывали сохранение «настоящего духа», «аутентичности» и его противопоставляли советизированному городу, где тщетно было бы искать украинскую традиционную культуру. Повседневный опыт эту интерпретацию, казалось бы, подтверждал: индустриализованные города в Украине, в частности в Восточной и Центральной, жили современной жизнью, далекой от традиционной. В условиях советского государства индустриализация означала не только модернизационные изменения со всеми возможными негативными чертами, такими как угроза окружающей среде и существованию человека. Она означала еще и обязательную русификацию вследствие управляемых, по крайней мере отчасти, демографических процессов. Поэтому модерность (в узком смысле – урбанизацию и индустриализацию советской эпохи) начали отождествлять с русификацией».[105] Нативизм приводит к изоляционизму и антиоксидента-

лизму – критике либерально-демократических ценностей Запада[106]. Может ли *такая* Украина «возвращаться в Европу», «где мы всегда были»? И примет ли ее *такую* Европа? Вопросы риторические. «Возвращение в Европу» и «возвращение в село» – не одно и тоже.

Несостоятельность нативистского проекта нации очевидна и сторонникам модернизации, разочаровавшимся в «национал-демократах». Украинские правые силы не создали новых идей и остались со старыми идеями, сформулированными несколько десятилетий назад и признанными в Европе неактуальными, анахроничными[107]. Эту правую риторику отчасти переняла и администрация Л. Кучмы. «Произошло даже нечто неожиданное – создан альянс: некоторые писатели, связанные с правыми силами, заняли должности советников правительства. ... можно утверждать, что неприязнь к модернизации и популизм вызывают именно желание сохранить привилегированную социальную позицию (пусть и в символической сфере). Ибо глубинная модернизация непременно пошатнула бы позицию сегодняшней элиты, в то время как популизм эту позицию укрепляет (по крайней мере, в кратковременной перспективе)»[108].

Культивируя украинскую культуру как фольклорно-этнографическую крестьянскую традицию, «национал-демократы» и нативисты продолжают проект «ориентализации» собственного народа, начатый «малороссийскими романтиками» и «будителями-народниками» еще в первой половине XIX в. Тем самым они превращают украинский проект в антимодернизационный и неуспешный, что делает его удобной мишенью для критики. Более того, приходится признать, что именно такой «ориентализированный народ», как «внутренняя колония» и нужен нынешним элитам Украины – независимо от их «цвета». Предлагаемый самопровозглашенными «национал-демократами» проект не имеет ничего общего ни с модерной нацией, ни с демократией. Возвращение к традиционному архаичному неменяющемуся состоянию означает отсутствие изменений в настоящем. Культивирование образа колониального прошлого, народа, страдающего под гнетом, трагических и безуспешных попыток изменить жизнь к лучшему, легитимизирует бесправное и полунищенское существование большинства граждан современной Украины. Сохранить Украину в неопределенном состоянии «между» означает для нынешних элит сохранить власть над аморфным и легко манипулируемым обществом.

Если в советской культуре, пропаганде, историографии культивировались идеи прогресса, развития, движения в будущее, то для большинства постсоветских государств характерно ощущение некоего безвременья, наступившего в 1991 г. Ощущение возвращения в статичное домодерное состояние. «В западной советологии/русистике ... *возникает образ неменяющегося инертного общества, живущего в вечно длящемся прошлом*, каким бы оно ни было – краснознаменным или увенчанным двуглавым орлом. Но вернемся в постсоветскую Россию. Аморфный, неопределимый, слабо поддающийся описанию шизофре-

нический ориентализм явочным порядком занял место исчезнувшей с крахом СССР идеологии. Прежде всего это проявилось в *исчезновении исторического сознания*. Иван Грозный, Сталин, Гагарин и Пушкин сейчас существуют в голове россиянина как нечто одновременное, даже, пожалуй, вечное. *История свернулась в круг и превратилась в миф о вечно могучем государстве, бескрайних просторах, великой культуре и коварных врагах*. ... Эта шизофрения создает собственные понятия и, опираясь на них, – культурные, образовательные и политические институции, не снившиеся героям книги Эдварда Саида. *Одно из таких понятий – «духовность», которой наделяет себя современный россиянин*. «Духовность» – столь же неизменный атрибут России, как «нега», «лень» и «жестокость» были обязательными принадлежностями Востока для западного человека Нового времени (и отчасти остаются таковыми). Рационально определить эту «духовность» невозможно, что признают все; тем не менее, в стране создаются многочисленные институты и центры по ее изучению и пропаганде»[109].

Подобная ситуация с навязыванием обществу образа вечно длящегося прошлого характерна и для Украины. Как заявил В. Ющенко в интервью радиостанции «Эхо Москвы»: «История Украины – это история борьбы за независимость Украины. И поэтому *каждое событие 20 лет назад, 500 лет назад*, имевшее отношение к постановке вопроса, к прогрессу относительно национальной независимости – это наша страница истории. Это не история против России или против литовцев или поляков. Это наша собственная история. Пусть неудачная. И поэтому те люди, которые боролись за независимость Украины – это наши герои»[110].

Таким образом, история Украины представляется как линия, идущая от Киевской Руси через столетия безгосударственности к обретению независимости. Круг замыкается в 1991 г. История заканчивается, поскольку достигнута ее цель – независимость. Многовековая эпоха безгосударственности между этими двумя точками представляется чем-то однородным – нет разницы между событиями, имевшими место 20 или 500 лет назад, речь всегда идет о борьбе и о борцах за независимость. Все эпохи – это эпохи колониального угнетения, и все деятели занимались одним и тем же – боролись за государственность (миф о постоянно возрождающемся народе, его вечной борьбе за собственную государственность, великой культуре и коварных врагах). Исчезает разница между князем Свидригайлом Ольгердовичем (1370–1454), Михаилом Глинским, Северином Наливайко (†1597), Богданом Хмельницким (1595–1657), Иваном Мазепой (1640–1709), Михаилом Грушевским (1866–1934), Симоном Петлюрой (1879–1927), Степаном Бандерой (†1957) и Вячеславом Чорновилом (†1999). Все они в равной мере выступают как борцы за независимость. Получается образ вечно длящегося прошлого, историю как череду перемен вытесняет этнология, описывающая статичное состояние общества, понимаемого как монолитная структура, наделенная фольклорно-этнографическими чертами. Эта неменяю-

щаяся вечно эксплуатируемая структура – крестьянство – наиболее удобный объект для описания прошлого в категориях колониального прошлого. Действительно, крестьянство в Речи Посполитой, Российской империи и СССР всегда являлось «внутренней колонией». Казачество превращается в передовой отряд крестьянства – воплощение антиколониальной борьбы. С XIX века место казачества занимают будители-интеллигенция-диссиденты. Под их пером украинская нация отождествляется с «народом», то есть с крестьянами, и превращается в «крестьянскую нацию»[111]. Задачей Украинской Народной Республики (УНР), провозглашенной в 1918 г., объявлена «ликвидация остатков колониального прошлого, возвращение к историческим и этнографическим традициям казачества»[112]. Украинцы в прошлом наделяются неизменными качествами (традициями), носителями которых остаются до сих пор их потомки. М. Мудрый приводит цитату, характерную для многих современных учебников: «До сегодняшнего дня продолжают свое существование среди украинского народа обычаи и традиции Запорожской Сечи»[113].

«Народу» приписываются черты, выделяющие его среди прочих европейских наций. Наоборот, всякое соответствие украинцев норме (в прошлом) игнорируется носителями постколониального дискурса. В прошлом «народ» лишен элиты (шляхты/дворянства), которая неизменно его предает. «Крестьянская нация» лишена среднего класса и городов (М.С. Грушевский в 5-м томе «Истории Украины-Руси» постулировал тезис об оторванности городов от населения «земли» из-за распространения *магдебургского права* в XIV–XVI вв.). Лишен «народ» и европейского образования – иезуитские школы, появившиеся на украинских землях в конце XVI – первой половине XVII вв., описываются как нечто чужеродное и априори негативное, как инструмент колонизации, хотя там учился Богдан Хмельницкий, а их структура и методы обучения были воспроизведены в Киево-Могилянской академии[114]. «Народнический, а затем соцреалистический канон исключал целые слои традиции, чтобы приспособить к нуждам идеологии то, что было признано аутентичной (как антитеза искусственной) традицией, то есть такой, которая уходит корнями в народную культуру; поэтому не только прервались связи с наследием средиземноморской культуры, а и обеднела и ослабела сама культура. В свою очередь, усилились антишляхетские (в частности антипольские) фобии, а также негативное отношение к городу и горожанам. Как следствие, в XX веке возникает антиоксидентализм»[115].

Следует отметить, что правящая элита «Малороссии» с конца XVIII в. и до 1917 г. и новая элита УССР была интегрирована в правящий класс империи и СССР. Оппозиционная часть русской интеллигенции в Российской империи в своей деятельности использовала такие ресурсы, как Разин, Пугачев, русский бунт, сельская община как ячейка социалистического общества, украинские «будители» – казацкий миф, уникальные черты украинского народа (этнокультура) – в первую очередь связь с родной природой, земледелием и эгалитаризм.

Постколониальный дискурс жертвы приходит в противоречие с жизненным опытом многих украинцев. В РСФСР они не воспринимались как «другие» (если говорили на русском языке). В среднеазиатских и кавказских республиках украинцы и белорусы воспринимались как русские (зачастую и сами себя так позиционировали). В армии была та же ситуация. Офицерский корпус состоял преимущественно из русских, украинцев, белорусов и издавна лояльных татар. Особая ситуация характерна только для галичан, не имевших длительного опыта совместного проживания в одном государстве с русскими. В Западную Украину советизация пришла уже в готовом виде в 1939 и 1945 гг., в ходе Второй мировой войны, сопровождалась репрессиями и поэтому воспринималась значительной частью населения как оккупация.

Во Второй Речи Посполитой (1918–1939) Галичина и Западная Волынь оказались на положении полуколонии – «Польша B» (то есть территории второго сорта). Это дало импульс развитию антиколониального национально-освободительного движения. «Колониальные империи эксплуатируют подчиненные территории; здесь содержится элемент самоотрицания, саморазрушения, поэтому их век не слишком долог. Сочетание национального государства, конституированного полноправными индивидами, и бесправных колониальных владений несло в себе противоречие»[116]. Межвоенная Польша рассматривалась поляками как возрожденная Первая Речь Посполитая, но при этом вместо общей для всех Идеи осуществлялась попытка этнокультурной ассимиляции украинцев. Т.е. здесь мы видим элементы и национального государства и колониальной империи, осложненные домодерной традицией и историческими мифами.

Тезис о колониальном прошлом не воспринимается большинством украинцев: «Найдем ли мы даже сегодня много украинцев, которые считали бы себя жителями многовековой колонии? А как быть со стереотипом, что колониализм ограничивается только небелыми неевропейцами? Таким образом, термин «колония» по отношению к Украине сам по себе ничего не объясняет»[117].

Украина – это не заморская территория, с другой расой и религией. Правители России не старались подчеркнуть отличия и тем самым обосновать свое господство, а наоборот, стремились интегрировать малороссов/украинцев в состав титульного народа империи. Та же политика проводилась и в СССР. Всячески пропагандировался культ Богдана Хмельницкого как объединителя и маргинализировался образ Ивана Мазепы как неудачного сепаратиста, не нашедшего поддержки у народа. Именно украинское Приднепровье с Киевом считалось историческим ядром формирования русского этноса и государственности и занимало одно из центральных мест в русском национальном мифе. Украинцам было предложено на равных правах стать частью *богоизбранной русской нации* (*советских людей* – строителей светлого будущего). Их отказ удивлял и до сих пор удивляет великороссов, поэтому объясняется как внешняя интрига – польская, австрийская, немецкая, наконец, американская.

Украина была колонией в смысле невозможности реализации проекта национального государства в рамках империи, но не в экономическом или социальном отношении. Она была колонией в осознании психологического дискомфорта тех, кто этот проект хотел реализовать (но, как правило, оставался в меньшинстве). Это «национально-сознательная интеллигенция»/диссиденты и те, кто с оружием в руках боролся за национальное государство в 1918–1920 и 1942–1950 гг. Это активное меньшинство пыталось навязать свое видение ситуации и ощущение психологического дискомфорта пассивному большинству, в частности и через исторические нарративы, начиная с народников второй половины XIX в. Якобы весь народ (за исключением немногих предателей) всегда боролся с угнетателями за освобождение и создание своего государства. Большинство украинцев, однако, не чувствовало себя юридически ущемленными в сравнении с представителями тех же сословий великорусской народности: равными правами и возможностями обладали малороссийские и великорусские дворяне, малороссийские и великорусские мещане и т.д.

У самих обитателей «прошлого» не было восприятия себя как колонии или чего-то экзотического. Например, канцелярист Семен Дивович в поэме «Разговор Малороссии с Великороссией» (1762) не противопоставляет провинцию/колонию империи/метрополии, но уподобляет/приравнивает обе Руси (в случае со старыми чинами малороссиян и новыми великороссов, заимствованными с запада, в случае с воинской славой тех и других и служением общему монарху и т.п.). Нет колониального самоуничижения и в «Энеиде» Ивана Котляревского (1798). Он одевает казаков в античные одежды (или, точнее, троянцев/римлян в казацкие), а не в их собственные, таким образом вставляя их в рамки ренессансного и барочного мэйнстрима, в стиле уходящих канонов домодерной культуры. И позже, в XIX веке, малороссийские дворяне считали себя созидателями империи, а не ее рабами[118].

В большинстве исторических гранд-нарративов ничего или очень мало сказано о внутреннем устройстве империй, как функционировал бюрократический аппарат, каким было участие украинцев в расширении и управлении империи, развитии ее культуры и идеологии. Политика империи на украинских землях представлена как вмешательство извне вне всякой связи с системой управления, внутренней ситуацией в метрополии и столице, внешнеполитической активностью империи. Исключен антропологический фактор,[119] наоборот, империя представлена как монолит, без борьбы различных течений внутри правящего класса, интриг, частных интересов и т.п. Империя деперсонифицирована. Упоминаются только монархи. Изредка губернаторы, почти никогда полководцы, завоевавшие Новороссию, причем, если упоминаются, то исключительно в негативном свете. Нет характеристики имперских деятелей. Описывая империю именно таким образом, украинские историки невольно превращают ее в *Им-*

перию, в некий *Абсолют*, в *Идею*, тем самым сохраняют трансцендентную зависимость истории Украины от *Империи*.

Борьба с империей (антиколониализм), продолжающаяся после 1991 г. (даже активнее, чем до 1991 г.) на страницах правоконсервативных изданий и произведений писателей-нативистов, свидетельствует о том, что Украина все еще находится в системе координат империи, вместо того, чтобы заняться творческим созиданием национального государства. Этот феномен можно назвать затянувшимся прощанием с империей. Характерен он для многих представителей старшего поколения постсоветской культурной и отчасти политической элиты, занимавших комфортабельную нишу в УССР, а теперь изображающих из себя «валленродов» и в своих речах и сочинениях бичующих «манкуртов» и «янычар», сотрудничавших с «империей зла».

Мифологическое сознание значительной части населения воспринимает и репродуцирует идущие от элит посылы: постколониальные – «все беды от советов/империй» и «нам мешает жить рука Москвы», и постимперские – «в СССР было хорошо» и «нам мешают жить националисты/галицкие сепаратисты». Вот всего лишь два образчика: «Украинцам мешают быть независимыми 350 лет рабства. Эти 350 лет воспитали много манкуртов, янычар, отщепенцев, «не помнящих родства»[120]. «Мы вместе с народом России являемся наследниками всех наших великих побед и достижений. И если галичане веками жили под польским и австрийским гнетом и не смогли добиться без русского брата (по их версии – оккупанта) освобождения, то у нас богатый опыт объяснить непонятливым любителям управлять нами, на чьей стороне правда и как мы хотим жить на своей земле»[121].

Согласно определению Игоря Яковенко: «Нация — этап развития этноса, характеризующийся массовым становлением автономной личности, секуляризацией сознания и культуры (доминированием секулярных форм сознания), формированием гражданского общества и национального государства. Одна из ведущих функций такого государства — быть механизмом реализации национальных интересов»[122]. Таким образом, нация является результатом процесса модернизации.

В Восточной Европе, в том числе и в Украине, заметно определенное сопротивление модернизации на всех этапах. Так, львовский историк Ярослав Грыцак обращает внимание на нежелание украинских крестьян переселяться в города, превращавшиеся в промышленные центры во второй половине XIX – начале XX вв., и предпочитавших эмиграцию в Сибирь и на Дальний Восток, где они продолжали заниматься сельским хозяйством. Поэтому (а не в силу имперских происков) на украинских землях пролетариат формируется преимущественно за счет переселенцев из центральных губерний России[123]. Российский историк Владимир Булдаков склонен рассматривать революцию 1917 г. именно как реакцию традиционного (крестьянского) общества – реакцию отторжения фор-

мировавшегося в результате реформ 1860-х годов буржуазного общества[124]. Пассивное сопротивление модернизации (неуклюжей и непоследовательной) на разных уровнях продолжилось и после 1991 г. Марьян Мудрый отмечает характерные для многих современных учебников по истории Украины «консервативно-романтические иллюзии, своеобразные причитания по поводу негативного влияния промышленного переворота на украинский народ. Я вижу в этом некий анахронический культ традиционализма, взгляд на украинцев как на нацию, которая сама не в состоянии включиться в общеевропейские процессы»[125]. Массовые протестные акции ноября-декабря 2004 г., известные как «Оранжевый майдан», можно также рассматривать и как социально-психологический взрыв, как неприятие жестокой (экспортно-ориентированной) и лицемерной кучмистской модернизации. Проявлениями пережитков домодерного сознания в современной Украине (как и во многих постсоветских государствах) можно считать следующие черты: привычка к патернализму государства; ожидание мессии; неготовность нести индивидуальную ответственность; неумение самостоятельно принимать решения; желание жить сегодняшним днем, вместо проектирования на перспективу. Пережитки эти характерны для значительной части как «оранжевого», так и «бело-голубого» электората.

***

Гипертрофированное внимание к прошлому, его виктимизация и одновременное культивирование архаичных черт этнокультуры на фоне множества нерешенных проблем социально-экономического плана и нарастающее отставание Украины от ЕС, порождает только раздражение большей части украинского общества[126]. Австрийский историк А. Каппелер в 1994 г. обращал внимание коллег на то, что использование истории в конструировании нации должно быть максимально продуманным и равноудаленным от мифологем противопоставления: «Молодое украинское национальное государство стоит перед сложным заданием создать новую интеграционную идеологию. Именно истории принадлежит центральная роль в создании идентичности. Мне кажется, что упрощенный тезис украинско-российского антагонизма тут мало подходит. Решению актуальных политических проблем в большей степени будет способствовать дифференцированная и научная разработка истории украинско-российских отношений, выходящая за пределы тезисов о «дружбе народов» или «вражде народов»[127]. Говоря о новых украинских мифах, Ярослав Грыцак отмечал: «существует риск, что они оттолкнут русскоговорящую половину украинского населения, которая их не разделяет или не верит в них»[128]. По мнению Владимира Кравченко, исторические мифы разделяют украинское общество: «Сегодня в сознании многих людей Б. Хмельницкий, как и раньше, продолжает «бороться» с И. Мазепой, Россия спешит спасать православных украинцев от коварного За-

пада и римского папы ... другая часть общества при этом изо всех сил «возвращается» в Европу и противостоит российской экспансии, мужественно бросая в лицо своим очередным угнетателям длинный список их злодеяний»[129]. Более категоричен Игорь Торбаков: «Одной из главных задач, стоящих сегодня перед украинским историками, является *интеграция советского периода в единую схему украинского исторического процесса*. Успешное решение этой задачи поможет в итоге и формированию некой объединяющей всех граждан Украины национальной идентичности. Сейчас такие исторические проблемы, как Украинская революция 1917–1920 гг., вторая мировая воина, деятельность ОУН-УПА скорее разделяют, чем объединяют, людей»[130]. Однако этой интеграции так и не произошло. Советский период истории Украины рассматривается как самый трагический этап ее прошлого. Связанные с имперским и советским периодами «места памяти», столь важные для идентичности жителей Юго-Востока, игнорируются постколониальным дискурсом на всех уровнях. Проявлением недовольства подобной политикой памяти стало откровенно враждебное восприятие «оранжевой революции» 2004 г. населением Юга и Востока Украины, и за последующие 5 лет не сделано практически ничего для того, чтобы ослабить это противостояние. Как отметил киевский историк Владислав Верстюк на семинаре, посвященном переосмыслению учебников по истории Украины (19–21 октября 2007 г.): «сегодняшнее деление Украины на условные «восток» и «запад» является, в определенной степени, и следствием того, что наш разговор опоздал на 15 потерянных лет»[131].

Примечания

1 Zarycki, Tomasz. Uses of Russia: The Role of Russia in the Modern Polish National Identity // East European Politics and Societies. 2004. Vol.18. No 4. P. 595–627.

2 Попытки гиперболизации и демонизации этого влияния (украинское движение как «польская интрига» в рамках «теории заговора») или же, наоборот, его преуменьшения или отрицания (изоляционизм), по нашему мнению являются дополнительным аргументом в пользу того, что подобное влияние все-таки существовало и зачастую осознавалась всеми сторонами этого процесса.

3 Относительно истоков этого процесса см., например: Snyder, T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 367 p.

4 Zarycki, Tomasz. Uses of Russia. P. 599.

5 Сміт, Ентоні. Національна ідентичність/ Пер. з англійської П. Таращука. К.: Основи, 1994. 224 с.; Smith, Anthony D. History and National Destiny: Responses and Clarifications // Nations and Nationalism. 2004. Vol. 10. № 1–2. P. 195–209.

6 Андерсон, Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма/ Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.

7 *Саїд, Едвард. Орієнталізм*. К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001.

8 Томпсон, Ева. Едвард Саїд і польське питання. Проти культурної неспроможності периферії [http://vpered.wordpress.com/2009/05/31/]; Кобрин, К.Р. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Саида) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. № 3 [http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html].

9 Грыцак, Я. Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен// Ab Imperio: исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2003. № 2 [www.abimperio.net]; Касьянов, Г. Ще не вмерла українська історіографія// Критика. 2002. № 4; Касьянов, Г. Современное состояние украинской историографии: методологические и институциональные аспекты// Ab Imperio. 2003. № 2; Кравченко, В. Переяславський комплекс української історіографії. Український гуманітарний огляд. 2003. № 9. С. 122–148; Кравченко, В.В. Бой с тенью. Советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества// Ab Imperio. 2004. № 2. С. 329–368; Кравченко, В.В. Україна, імперія, Росія… Огляд сучасної української історіографії // Український гуманітарний огляд. 2004. № 10. С. 115–154; Пироженко, Віктор. Легенди та міфи української історії// Історія в школі. 1997. № 10–11 [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/pirozenko-1.htm]; Плохій, С. У пошуках «золотого віку» України // Критика. 2004. № 4. [www.krytyka.kiev.ua]; Русина, О. Дикі танці // Критика. 2005. № 6 [www.krytyka.kiev.ua]; Семенов, А. Дилеммы написания истории империи и нации: украинская перспектива // Ab Imperio. 2003. № 2; Яковенко Н.М. Кілька спостережень над модифікаціями українського національного міфу в історіографії// Дух і Літера. 1998. № 3–4. С. 113–124; Яковенко, Н.М. Одна Кліо, дві історії// Критика. 2002. № 12 [www.krytyka.kiev.ua]; Яковенко, Наталя. Польща та поляки в шкільних підручниках історії, або відлуння давнього й недавнього минулого// Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. К., 2002. С. 366–379; Яковенко, Н.М. Карфаген застарілих догм // Сучасність. 2008. № 5. С. 53–57.

10 Samsonowicz, Henryk. History in Myths// Acta Poloniae Historica. 2005. Vol. 91. P. 5–23; Tazbir, Janusz. The Bulwark Myth// Acta Poloniae Historica. 2005. Vol. 91. P. 73–107; Wapinski, Roman. Old and New Myths in 20th Century Poland// Acta Poloniae Historica. 2005. Vol. 91. P. 109–131; Wierzbicki, Andrzej. From Historiography to Mythography? // Acta Poloniae Historica. 2005. Vol. 91. P. 133–151.

11 Артог Ф. Типы исторического времени: презентизм и формы восприятия пришлого// Отечественные записки. 2004. № 5 [http://magazines.russ.ru/oz/2004/5]; Вельцер Х. История, память и современность прошлого. История как место политической борьбы// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–35; Гнатюк, Оля. Прощання з імперією: Українські дискусії про ідентичність / Авторизований переклад з польської. Київ: Критика, 2005. 528 с.; Джадт Т. Места памяти Пьера Нора: Чьи места? Чья память?// Ab Imperio. 2004. № 1. С. 44–71; Зарецкий Ю. История, память, национальная идентичность// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. № 3 [http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html]; Лангеноль А. Официальные визиты. Интернационализация прошлого. Память как место политической борьбы// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41). С. 209–217; Нора П. Франция – память/ Пер. Д.Хапаевой. СПб., 1999; Нора П. Всемирное торжество памяти// Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3 (40–41) [http://magazines.russ.ru/nz/2005/40-41]; Торбаков, Игорь. Историческая наука как инструмент формирования новых государств //Независимая га-

зета. 1996. 20 окт. [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/torbakov-1.htm]; Яковенко, Игорь. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса)// Полис. 1996. № 6 (36). С. 117–128 [http://www.izbornyk.org.ua/rizne/igyak.htm]; Burke P. Varieties of Cultural History. Cambridge: Polity Press, 1997; Velychenko, Stephen. The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought// Ab Imperio. 2002. № 1. С. 323–366.

12 Греченко В.А. Історія України. Модульний курс Текст: навч. посібник. Харків: Торсінг плюс, 2009. 384 с.; Бойко О.Д. Історія України: Навч. посіб. 3-тє вид., вип., доп. К.: Академвидав, 2007. 688 с.; Білоцерківський В.Я. Історія України: Навчальний посібник. 3-тє вид. К.: Центр учбової літератури, 2007. 536 с.; Історія України: Навчально-методичний посібник для семінарських занять/ В.М. Литвин, А.Г. Слюсаренко, В.Ф. Колесник та ін..; за ред. В.М. Литвина. К.: Знання-Прес, 2006. 460 с.; История Украины. Учебное пособие для студентов учетно-финансового факультета Донецкого госуниверситета. Донецк: «КИТИС», ДонГУ, 1999. 250 с.; Історія України: нове бачення. 2-ге вид. / В.Ф. Верстюк, О.В. Гарань, О.І. Гуржій та ін.; під ред В.А. Смолія. К.: Альтернативи, 2000. 464 с.; Історія України/ Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. Львів: Світ, 1996. 488 с.; История Украинской ССР. Краткий очерк. К.: Наук. думка, 1982. 543 с.

13 Речи и интервью президента В. Ющенко, доступные на его официальном сайте [www.president.gov.ua], мониторинг выпусков новостей на телеканалах «Перший», «Интер» и ICTV в период с ноября 2008 по октябрь 2009 гг., а также предвыборные программы, материалы политической агитации и публицистика различных политических сил.

14 Історія України: Навчально-методичний посібник для семінарських занять/ В.М. Литвин, А.Г. Слюсаренко, В.Ф. Колесник [та ін.]; за ред. В.М. Литвина. К.: Знання-Прес, 2006. С. 10–11.

15 Здесь и далее выделено нами.

16 Білоцерківський, В.Я. Історія України: Навчальний посібник. К.: Центр учбової літератури, 2007. С. 3.

17 История Украинской ССР. Краткий очерк. К.: Наук. думка, 1982. С. 136.

18 Там же. С. 155.

19 Пироженко, Віктор. Легенди та міфи української історії// Історія в школі. 1997. № 10-11 [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/pirozenko-1.htm]

20 Касьянов, Г. Современное состояние украинской историографии: методологические и институциональные аспекты // Ab Imperio. 2003. № 2 [www.abimperio.net]

21 Пироженко, Віктор. Ук. соч. [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/pirozenko-1.htm]

22 Кравченко, В.В. Переяславський комплекс української історіографії// Український гуманітарний огляд. 2003. № 9. С. 129.

23 Пироженко, Віктор. Ук. соч. [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/pirozenko-1.htm]

24 Сміт, Ентоні. Національна ідентичність. С. 133–134.

25 Греченко, В.А. Історія України. Модульний курс: навч. посібник. Харків: Торсінг плюс, 2009. С. 369.

26 Історія України: нове бачення. 2-ге вид. / В.Ф. Верстюк, О.В. Гарань, О.І. Гуржій [та ін.]; під ред. В.А. Смолія. К.: Альтернативи, 2000. С. 152.

27 Там же. С. 154.

28 Запис дискусій Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19–21 жовтня 2007 р.). С. 10.

29 Історія України: нове бачення. С. 176.

30 Історія України/ Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. Львів: Світ, 1996. С. 170.

31 История Украины. Учеб. пособие для студентов учетно-финансового факультета Донецкого госуниверситета. Донецк: «КИТИС», ДонГУ, 1999. С. 70.
32 Бойко, О.Д. Історія України: Навч. посіб. 3-тє вид., вип., доп. К.: Академвидав, 2007. С. 183.
33 Історія України/ Керівник авт. кол. Ю.Зайцев. С. 317.
34 Білоцерківський, В.Я. Історія України. С. 137.
35 Запис дискусій Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19–21 жовтня 2007 р.). С. 27–28.
36 Там же. С. 29.
37 Мудрий, Мар’ян. Тема «колоніального статусу» України у підручниках з історії// Матеріали Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19–21 жовтня 2007 р.). С. 87–88.
38 Программа для загальноосвітніх навчальних закладів. Історія України. 5–12 класи. Рівень стандарту// Історія в школах України. 2009. № 7–8. С. 17–24; № 9. С. 18–21.
39 Мудрий, Мар’ян. Ук. соч. С. 98–99.
40 Там же. С. 94.
41 Там же. С. 98.
42 Сміт, Ентоні. Національна ідентичність. С. 130–131.
43 Gellner, Ernest. Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals. London: Hamish Hamilton, 1994. P. 115–116.
44 Сміт, Ентоні. Національна ідентичність. С. 133.
45 Там же. С. 134.
46 Список «Книги Буття українського народу» М.І. Костомарова, що був вилучений у М.І. Гулака під час обшуку в Олексіївському равеліні 2 квітня 1847 р. [http://www.izbornyk.org.ua/rizne/kmt02.htm]
47 Кобрин, К.Р. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Саида) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. № 3 [http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html]
48 Там же.
49 Список «Книги Буття українського народу» М.І. Костомарова [http://www.izbornyk.org.ua/rizne/kmt02.htm]
50 Там же.
51 Ясь, О.В. «Свій» серед чужих, «чужий» серед своїх. «История Малой России» Д.Бантиш-Каменського у світлі українсько-російського культурного перехрестя// Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 160–194.
52 Цит. по: Короткий, Віктор. Михайло Максимович// Історіографічні дослідження в Україні. К., 2005. Вип.15: Визначні постаті української історіографії XIX–XX ст. С. 53.
53 Там же.
54 Список «Книги Буття українського народу» М.І. Костомарова [http://www.izbornyk.org.ua/rizne/kmt02.htm]
55 Там же.
56 Там же.
57 Там же.
58 Подробнее на эту тему см.: Миллер, Алексей. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: «Алетейя», 2000; Глембоцкий, Хенрык. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения на-

ционально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи// Ab Imperio. 2005. № 2. P. 135–166.

59 Szporluk, Roman. The Making of Modern Ukraine: the Western Dimension// Harvard Ukrainian Studies. 2001. Vol.25. No 1–2. P. 57–90; Шпорлюк, Роман. Творення сучасної України: західний вимір // Дух і Літера. 2004–2005. № 13–14. С. 54–90.

60 Подробнее на эту тему см.: Бахрутина, А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. М.: «АИРО-ХХ», 2000. 264 С.

61 Яковенко, Наталя. «Образ себе» – «образ Іншого» у шкільних підручниках з історії// Матеріали Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19–21 жовтня 2007 р.). С. 113; Яковенко, Н. Карфаген застарілих догм // Сучасність. 2008. № 5–6. С. 53–57.

62 Подробнее на эту тему см.: Плохій, Сергій. У пошуках «золотого віку» України// Критика. 2004. № 4. [www.krytyka.kiev.ua]; Plokhy, Serhii. Cossack Mythology in the Russian-Ukrainian Border Dispute// The Legacy of History in Russia and New States of Eurasia. Armonk, New York, London, 1994. P. 147–170; Wilson, Andrew. Myths on National History in Belarus and Ukraine// Hosking, G. and G.Schopflin. Myths and Nationhood. London, 1997. P. 182–197; Wilson, Andrew. National History and National Identity in Ukraine and Belarus// G.Smith, V.Law, A.Wilson, A.Bohr and E.Allworth. Nation-building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 23–47.

63 Velychenko, Stephen. The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought // Ab Imperio. 2002. № 1. P. 323–366.

64 Кравченко, В.В. Україна, імперія, Росія… Огляд сучасної української історіографії // Український гуманітарний огляд. 2004. № 10. С. 138.

65 Шнирельман, Виктор. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М., 2000 [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/shnirelman-1.htm]; Караваев, А. «Новый исторический миф» и конфликты интерпретаций [http://www.prognosis.ru/news/nacional/2007/6/29/history.html 27-09-07]; Кобрин, К.Р. Ук. соч. [http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html]; Багдасарян, В.Э. Параистория как признак общественной трансформации // Преподавание истории в школе. 2006. № 9. С. 4–11; Шмидт, С.О. «Фоменко» как феномен общественного сознания // Преподавание истории в школе. 2006. № 9. С. 12–21.

66 Nadkarni, Maya and Olga Shevchenko. The Politics of Nostalgia: A Case for Comparative Analysis of Post-Socialist Practices // Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space. 2004. № 2. P. 487–519.

67 Zarycki, Tomasz. Op. cit. P. 597–598.

68 Ibid. P. 603–605.

69 Кравченко, В.В. Україна, імперія, Росія… С. 136.

70 Мудрий, М. Ук. соч. С. 100.

71 Каппелер, Андреас. Українсько-російські стосунки у XIX столітті: гіпотези та відкриті питання // Доповіді на II Міжнародному конгресі україністів. Львів, 1994. Ч.1. С. 208–214 [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kappeler-1.htm]

72 Zarycki, Tomasz. Op. cit. P. 614–616.

73 Штепа, Павло. Московство, його походження, зміст, форми й історична тяглість. 3-є вид. Дрогобич: «Відродження», 2000. 352 с.

[74] Там же. С. 3.
[75] Там же. С. 351.
[76] Там же. С. 308.
[77] Там же. С. 306–307.
[78] Там же. С. 309.
[79] Там же.
[80] Там же. С. 11.
[81] Там же. С. 12.
[82] Там же. С. 13.
[83] Лук'яненко, Левко. Цивілізаційний вибір України [http://sensus.ws/politic/vubir_ukr.htm]
[84] Подробнее об использовании подобной терминологии см.: Каппелер, Андреас. Мазепинці, малороси, хохли: українці в етнічній ієрархії Російської імперії// Київська старовина. 2001. № 5 [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kappeler-2.htm]
[85] Лук'яненко, Левко. Ук.соч.; Штепа, Павло. Ук. соч. С. 16–17.
[86] Гнатюк, Оля. Прощання з імперією: Українські дискусії про ідентичність / Авторизований переклад з польської. Київ: Критика, 2005. С. 467–468.
[87] Яковенко, Наталя. Навіщо казка про перевертня// Критика. 1997. № 2 [www.krytyka.kiev.ua]
[88] На эту тему см. также: Рябчук, Микола. Зло банальне й метафізичне: рецепція Росії у публіцистиці журналів «Культура» та «Сучасність»// Сучасність. 1997. № 10. С. 129–137.
[89] Гуцало, Євген. Ментальність орди. Статті. К.: Просвіта, 1996.
[90] Гнатюк, Оля. Прощання з імперією: Українські дискусії про ідентичність / Авторизований переклад з польської. Київ: Критика, 2005. С. 472–473.
[91] Цит. по: Гнатюк, Оля. Ук. соч. С. 472.
[92] Там же.
[93] Zarycki, Tomasz. Op. cit. P. 603–604.
[94] Литературная газета. 1946. 12 сентября. Цит. по: Штепа, Павло. Ук. соч. С. 326.
[95] Гнатюк, Оля. Ук. соч. С. 459.
[96] Яковенко, Игорь. Ук. соч. [http://www.izbornyk.org.ua/rizne/igyak.htm]
[97] Там же.
[98] Там же.
[99] Интервью президента В.Ющенко украинской службе BBC (07.10.2009) [http://www.bbc.co.uk/ukrainian/domestic/story/2009/10/091007_yusch_dorosh_ie_sp.shtml]
[100] Интервью президента В.Ющенко газете «Сільські вісті» (06.11.2009) [http://www.president.gov.ua/news/15626.html]
[101] Томпсон, Е. Трубадури імперії: Російська література і колоніалізм/ Пер. з англ. М. Корчинської. К: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2006. С. 32.
[102] Юдин, Алексей. Новая украинская мифология // Неприкосновенный запас. 2000 [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/yudin-1.htm]
[103] Коротков, Евгений. Патриотизм и «патриоты» // Рабочая газета. 2009. 28 февраля. С. 1 [www.rg.kiev.ua]
[104] Якого ми б хотіли Президента України?// Кримська світлиця. 2009. 20 березня [http://svitlytsia.crimea.ua/index.php?section=article&artID=7043]
[105] Гнатюк, Оля. Ук. соч. С. 116–117.
[106] Там же. С. 450–452.

[107] Бондаренко, Кость. Праві в Україні: запекла боротьба за маргінес// Культурологічний часопис Ї. 2000. Віп.16. С. 105–116 [www.ji-magazine.lviv.ua]

[108] Гнатюк, Оля. Ук. соч. С. 457–458.

[109] Кобрин, К.Р. Ук. соч. [http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html]

[110] Интервью В.Ющенко радиостанции «Эхо Москвы» (03.04.2009)

[111] Этот образ воспроизводится во многих гранд-нарративах. См., например: «Украинская нация формировалась и развивалась преимущественно как *крестьянская нация*». Історія України: нове бачення. В.Ф.Верстюк, О.В.Гарань, О.І.Гуржій та ін.; під ред В.А.Смолія. К.: Альтернативи, 2000. С. 155; «Крестьянство наиболее последовательно *сохраняло основные национальные черты* в языке, быту, культуре и национальном сознании. Происходила дальнейшая консолидация украинской нации». Білоцерківський В.Я. Історія України: Навчальний посібник. К.: Центр учбової літератури, 2007. С. 284.

[112] Історія України/ Керівник авт. кол. Ю.Зайцев. Львів: Світ, 1996. С. 229.

[113] Запис дискусій Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19-21 жовтня 2007 р.). С. 30.

[114] В тех редких случаях, когда авторы гранднарративов все же упоминают об образованных украинцах, им стараются приписать крестьянское происхождение. Вот, например, как охарактеризован польский шляхтич Перемышльского повета Русского воеводства Станислав Ориховский, учившийся в университетах Вены, Виттемберга, Падуи и Болоньи: «Станислав Ориховский (1513–1566), уроженец села Орихова под Перемышлем. Был известен как «рутенский (руський) Демосфен». Білоцерківський В.Я. Історія України: Навчальний посібник. 3-тє вид. К.: Центр учбової літератури, 2007. С. 137. И ни слова о том, что он был шляхтичем и католиком. Подчеркнуто, что Ориховский родился в селе, но ведь именно в селах жило (и рождалось) подавляющее большинство шляхтичей. Фрагмент стилизован так, чтобы у читателя сложилось впечатление о талантливом выходце из крестьян, «из народных масс» («масса в сермягах» по выражению Н.Яковенко). Можно предположить подсознательное противопоставление его образу Михаила Ломоносова, навязывавшемуся советской пропагандой.

[115] Гнатюк, Оля. Ук. соч. С. 449–450.

[116] Яковенко, Игорь. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6 (36). С. 117–128 [http://www.izbornyk.org.ua/rizne/igyak.htm]

[117] Мудрий, М. Ук. соч. С. 99.

[118] Історія України / Керівник авт. кол. Ю. Зайцев. Львів: Світ, 1996. С. 173–174.

[119] Об этом очень хорошо сказано в докладе: Сокирко, Олексій. Антропологічний підхід у застосуванні до дослідження переяславської проблематики: нові пошукові можливості// Переяславська рада та українсько-російська угода 1654 р.: Історія, історіографія, ідеологія (Матеріали міжнародного круглого столу 12 грудня 2003 р.). К., 2005. С. 162–169.

[120] Федір СТРИГУН, лауреат Національної премії ім. Т. Шевченка, народний артист України, художній керівник Львівського національного академічного українського драматичного театру ім. Марії Заньковецької // Вісімнадцятий крок зроблено... День. 2009. 21 серпня [http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=278833&mainlang=ukr]

[121] Апухтин, Юрий. Об идеалах юго-востока// Киевский вестник. 2009. 27 июня. С. 2.

[122] Яковенко, Игорь. Ук.соч. [http://www.izbornyk.org.ua/rizne/igyak.htm]

[123] Історія України/ Керівник авт. кол. Ю.Зайцев. Львів: Світ, 1996. С. 194.

[124] «Все отличие «красной смуты» как от Великой Французской революции, так и от смуты XVII в. можно свести к невиданно мощному столкновению модернизаторства и традиционализма, закончившемуся скрытой, парадоксальной по форме и потому непризнаваемой победой архаики. Более того, весь цикл новейшей русской смуты и даже всей последующей советской истории можно описать по схеме возобладания крестьянской психоментальности в той среде, которая была ей враждебна по определению – в городе и даже в имперско-коммунистической власти». Булдаков, Владимир. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспен, 1997. С. 339.

[125] Запис дискусій Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19-21 жовтня 2007 р.). С. 29.

[126] Boyko, Nataliya. Villain Today, Hero Tomorrow. Transition Online (22 April 2009)_[http://www.tol.cz/look/TOL/article.tpl]; Машкін, Алєксандр. «Скажи мне, кто твой друг!..» (або як в сучасній українській школі вивчають російську історію) // Історія в школі. 2008. № 1. С. 1–5.

[127] Каппелер, Андреас. Українсько-російські стосунки у XIX столітті: гіпотези та відкриті питання [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kappeler-1.htm]

[128] Грыцак, Я. Украинская историография: 1991–2001. Десятилетие перемен// Ab Imperio. 2003. № 2 [www.abimperio.net]

[129] Кравченко, В.В. Переяславський комплекс української історіографії// Український гуманітарний огляд. 2003. № 9. С. 139.

[130] Торбаков, Игорь. Историческая наука как инструмент формирования новых государств // Независимая газета. 1996. 20 окт. [http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/torbakov-1.htm]

[131] Запис дискусій Робочої наради з моніторингу підручників історії України для середніх шкіл (Конча-Заспа, 19–21 жовтня 2007 р.). С. 17.

Александр Андрощук

КАРТЫ И ГРАНИЦЫ: ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ПОГРАНИЧЬЕ (УКРАИНА, БЕЛАРУСЬ И МОЛДОВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Abstract

The paper examines the influence of the territorial factor on the Post-Soviet transformation in Ukraine, Belarus and Moldova. Author focuses on the marking of national territory and state boundaries as well as its representations in intellectual and political discourses. The paper shows how maps and historical narratives were used in legitimization constructions and territorial disputes by political and intellectual elites of Ukraine, Belarus and Moldova since independence. Paper demonstrates that the maps often helped to create of territorial images in public consciousness, were used in political and public activities as well as presented as elements of state symbolic.

Рассматривая процессы становления нации и государства, мы неминуемо касаемся проблемы территории. В большинстве интеллектуальных традиций, предлагающих трактовку таких понятий, как «этнос», «этничность», «нация, государство», присутствует территориальный аспект. При этом его значение варьируется. Для позитивистов «территория» – это неизменный и обязательный атрибут этнической общности. В постмодернистской парадигме представление о территории «своей» культурной общности рассматривается как один из каналов этнической самоидентификации, которая осуществляется посредством отнесения себя к определенному локусу, к людям, проживающим на «своей земле» или сохранившим «историческую память о земле предков»[1].

В любом случае территориальный аспект этничности фигурирует среди важнейших компонентов этноса и этнического самосознания (этнокультурной идентичности). Политический опыт конца XX века отчетливо и зримо про-

демонстрировал связи этничности и территории: территориальные претензии активно муссировались в различных версиях националистических доктрин, провоцировали международные скандалы и межэтнические конфликты. По мнению исследователей, это связано с тем, что территориальные границы проживания этнических групп, как правило, сильно мифологизированы, а принципы этнического самоопределения и территориальной целостности государств часто вступают между собой в острое противоречие.

С другой стороны, исследователи справедливо отмечают, что в современных условиях, когда население большинства государств становится все более полиэтничным, а территориальные границы приобретают в мире все более условный и призрачный характер, роль этнической территории несколько изменилась в сравнении с периодом активного формирования наций. Территория как этническая ценность, лишившись, в некотором смысле, «материальности», приобрела большее значение как «этнический символ»[2]. Британская исследовательница Синтия Кокберн объясняет это тем, что «…земля строит и заполняет наши мысли. Мы испытываем сильные эмоции по поводу ландшафтов, особенно тех, которые мы называем своим “домом”». Поэтому национальные проекты активно декларируют свою связь с землей, «они перемещают границы и когда добиваются государственного контроля над территорией, которую объявили своей, они называют ее «родиной» («the homeland»)[3].

Российский исследователь Иван Митин, предложивший концепцию мифогеографии, описал процесс возникновения образов пространства в общественном сознании. По мнению ученого, существование индивида, социальной группы или общества в целом *где-то*, в каком-то пространстве – предполагает то или иное *осмысление* этого пространства. Сначала это пространство просто осваивается, затем начинаются процессы ограничения «своего» и «чужого» пространства, возникают представления о последнем; строятся устойчивые оценочные суждения о различных местах. Таким образом пространство (место, территория) постепенно «обрастает» интерпретациями: оценками, описаниями, стереотипами, мифами[4].

Каждый этнос и каждая культура стремится создать картину своего пространства, включающую в себя множество контекстов, восприятий, мифов. При этом мифологизация «родины» в качестве «этнической территории», как правило, в меньшей степени свойственна нормальной, «спокойной» этнической идентичности, но является неотъемлемым компонентом ущемленного, а потому гипертрофированного этнического самосознания[5]. Огромное значение она имеет и для государств, формирующихся в условиях уже устоявшегося государственно-политического порядка в регионе. Таким государствам приходится с необходимостью решать массу задач для успешной легитимации себя в глазах собственного общества и (что особенно важно) для своего признания на международном уровне.

В данном исследовании рассматриваются процессы определения/обозначения политической территории и государственных границ, а также их репрезентации в интеллектуальном, общественном и политическом дисскурсах трех стран Пограничья – Украины, Беларуси и Молдовы в постсоветский период. В статье анализируется роль «исторических карт» в легитимизирующих концепциях, рассматриваются дискуссии вокруг территориального наследия и исторической преемственности, а также примеры использования исторической аргументации в территориальных спорах и претензиях.

Территориальная проблема для Украины, Беларуси и Молдовы, провозгласивших государственную независимость в начале 1990-х, имела как минимум две составляющие. Во-первых, существовала необходимость легитимации государственно-политических границ занимаемой территории в соответствии с международной практикой: признание странами-соседями и международными организациями существующих или предлагаемых границ, их делимитация и демаркация. Именно этим аспектам уделено главное внимание в данной статье. Не менее важен и второй аспект территориальной проблемы. Его можно обозначить как проблему организации внутреннего пространства страны. Однако рассмотрение этого вопроса требует отдельного исследования.

Известный ученый, историк Роман Шпорлюк отметил тот факт, что утверждение об этничности как базовом формообразующем принципе на постсоветском пространстве является довольно распространенной ошибкой. По мнению исследователя, на место Советского Союза пришли политические общества, основанные, прежде всего, на территориальных и юридических, а не этнических принципах (исключением может быть только Кавказ, где Армения выступила против нерушимости советского территориального устройства еще до 1991 г.). Именно поэтому, считает Р. Шпорлюк, независимая Украина, провозглашенная в августе 1991 г., самоопределилась не как этническое государство. Это была территориальная, властная, юридическая единица, фактически наследница Украинской ССР[6]. Этот тезис, как показало наше исследование, справедлив и в отношении двух других стран, в частности, на момент провозглашения ими государственной независимости.

В манифестации территориальности важную роль играет государство, обеспечивая пространственную социализацию и территориализацию смысла, которые происходят разными способами – через образование, политику, администрацию и управление. Происходит «территориальный захват» (territorial trap) – традиционное ассоциирование (принятие на себя) государственной территории и зафиксированного образа разграниченного мира наций-государств и идентичностей[7]. Для обоснования или подтверждения своих прав на территорию, на которую претендует новое государственное образование или этническая общность, существенное значение имеют исторические исследования, доказывающие исконность проживания государствообразующего этноса на данной территории.

Особая роль в визуализации исторических притязаний на территориальное пространство отводится картам. При этом возникает проблема согласования карты и власти в том значении, о котором писал Бенедикт Андерсон. Тайский историк Тхонгчай Виничакул приводит пример того, как в подобной ситуации происходит подмена: «карта из научной абстракции, призванной репрезентировать то, что уже объективно существует, превращается в элемент креативный, сама определяя пространственную реальность, а не наоборот. Иными словами, карта вместо того, чтобы следовать какой-либо модели, которую она должна представить, сама становится такой моделью… Карта становится реальным инструментом для конкретизации проекции на земной поверхности. Картографический дисскурс становится парадигмой, в рамках которой и для которой совершаются как правительственные, так и военные операции»[8].

Используя предложенную Бенедиктом Андерсоном классификацию карт (историческая карта и карта-как-логотип) рассмотрим их роль в государственном и национальном строительстве в Украине, Беларуси и Молдове в постсоветский период. На рубеже XX–XXI веков, как и прежде, «исторические карты» использовались для демонстрации на языке картографических символов специфических, четко очерченных территориально единиц. Из таких карт, сложенных в хронологическом порядке, рождался политико-биографический нарратив государственной истории[9].

Свое значение для репрезентации современной государственности Украины, Беларуси и Молдовы сохранила и карта-эмблема. Ее популярность объясняется тем, что в таком виде ее можно бесконечное количество раз репродуцировать, переносить на плакаты, официальные печатки, бланки, обложки изданий. Растиражированный образ карты-эмблемы глубоко проникает в общественное сознание, становится одним из символов национальных движений, особенно в их начальной стадии. Для Украины схематическая карта-эмблема в виде знакомых контуров (во многом благодаря Крымскому «выступу») стала одним из узнаваемых графических объектов. Она активно использовалась политиками, журналистами, учеными в качестве визуального образа страны на различных объектах: от обложек книг до так называемой социальной и политической рекламы. При этом не всегда смысловой подтекст изображенной карты вызывал позитивные эмоции. Яркое свидетельство этому – схематические карты Украины с отколовшимися регионами или разделенной на несколько частей территорией, которые печатались на первых страницах некоторых периодических изданий во время острого политического кризиса 2004 г., а также карта «Украины трех сортов» – пример так называемого «черного политического пиара»[10].

Неоднозначные отзывы у общественности и политических оппонентов вызывало использование газетой «Цара» («Земля»), изданием Христианско-демократического народного фронта Молдовы, рядом с заголовком изображения карты «Великой Румынии», включающей Бухарест, Кишинев, а также Белгород-

Днестровский и Черновцы, ныне входящие в Украину[11]. Во время политического противостояния и уличных акций в Молдове в апреле 2009 г. группой активистов на президентской резиденции была вывешена карта Румынии, на которой в ее состав были включены не только Молдавия, но и часть Одесской области Украины.

В Беларуси карта-эмблема приобрела официальное значение. Она стала элементом государственной символики Республики Беларусь. При этом следует отметить, что процесс выработки государственной символики для каждой из рассматриваемых стран превратился в довольно сложный, политически чувствительный и растянутый во времени процесс. 10 декабря 1991 года белорусский парламент принял постановление «Об утверждении эталона Государственного герба Республики Беларусь и Положения о Государственном гербе Республики Беларусь». Постановлением был утвержден эталон герба, выполненный художниками Е. Куликом и В. Круковским. Согласно Положению герб представлял собой «щит красного цвета с изображением погони белого (серебряного) цвета». Решение было неоднозначно воспринято как отдельными политическими силами, так и частью белорусского общества. Это, в свою очередь, дало повод президенту А. Лукашенко провести 14 мая 1995 г. общенациональный референдум по вопросу о национальной символике. За предложенные варианты герба и флага проголосовало 75,1% граждан, принявших участие в референдуме. После опубликования результатов референдума 7 июня 1995 г. был издан президентский Указ № 213 «Об утверждении эталона Государственного герба Республики Беларусь и Положения о Государственном гербе Республики Беларусь». Согласно Положению Государственный герб «представляет собой зеленый контур Республики Беларусь в золотых лучах солнца над земным шаром. Сверху контура находится пятиконечная красная звезда. Герб обрамляет венок из золотых колосьев, переплетенных справа цветками клевера, слева – льна. Колосья обвиты красно-зеленой лентой, на которой снизу сделана надпись золотом: «Республика Беларусь» (в белорусском написании название страны выглядит как «Рэспубліка Беларусь»). 5 июля 2004 г. Государственный герб был подтвержден Законом «О государственных символах Республики Беларусь»[12].

Белорусские аналитики прокомментировали символику герба следующим образом: «Контур Беларуси в центре символизирует территориальную целостность страны в ее международнопризнанных границах. Она не нуждается в чужой земле, но сбережет каждую пядь своей. В этом находят отображение самостоятельность нашего народа и его мирный характер. В то же время контур подчеркивает индивидуальность герба, его национальную особенность. Контур своей страны в настоящее время присутствует также в государственной символике Бирмы, Кипра, Камеруна. Живой, зеленый контур озарен сиянием золотых солнечных лучей. Это солнце, дающее жизнь, восходит над землей – голубой и зеленой, какой ее увидели с космической орбиты героические сыны белорусского народа»[13].

Приведенный пример иллюстрирует отношение государства к территории (реальной или символической) как своему неотъемлемому признаку. По мнению белорусского политолога Андрея Казакевича, именно государство, его независимость и суверенитет, являются единственным «центром», существование которого признается и насаждается политической властью Беларуси. В то же время белорусская нация представляет собой достаточно смутную ценность для идеологии белорусского режима. Исследователь считает, что после 2001 г. началась выразительная идентификация власти с государством, постепенная мифологизация и возведение его в систему «устойчивых ценностей». В этом контексте новая символика стала частью идентификации, средством репрезентации не только и не столько режима, сколько Беларуси[14].

И все же, если с символической территорией точки над «і» со временем были расставлены, то ситуация с реальным территориальным пространством выглядела намного сложнее. Проблема территории в Украине, Беларуси и Молдове начала 1990-х обозначилась довольно остро в нескольких аспектах. С одной стороны, каждый из народов долгое время не имел собственной государственности и общей территории, а их этнические земли были разделены и входили в состав разных государств. Когда же в середине XX века украинцы и белорусы получили возможность объединить свои этнические земли в составе единых государственных образований, процесс формирования национальной идентичности усложнился все возрастающим влиянием насаждавшейся сверхнациональной идентификацией под именем «советский народ». Политические решения советского руководства имели еще большее значение в истории молдавской государственности XX века. Таким образом, накануне обретения независимости население упомянутых стран в значительной мере объединялось лишь общностью территории и общей историей нескольких последних десятилетий. При этом украинский и молдавский (в меньшей степени белорусский) социумы были довольно отчетливо фрагментированы, что обуславливалось разной ментальностью локальных сообществ, их принадлежностью к разным политическим конструктам и культурным мирам. Еще одним консолидирующим элементом для таких обществ была иллюзия возможности быстрого выхода из стагнации и кризиса путем обособления от СССР[15]. Учитывая несформированность единой национальной идентичности, высокую степень русификация местного населения, интегрирующая роль территориального фактора в той ситуации особенно важна.

С другой стороны, для каждой из стран актуализировалась проблема обозначения и закрепления политической территории, государственных границ, а также определения своей геополитической ниши в мировом и Европейском (Восточноевропейском) пространстве. Нужно отметить принципиальное отличие границ с иностранными государствами и границ между новыми независимыми государствами и бывшими союзными республиками. В первом случае

статус границ остался прежним, изменился только сам объект – государство: участки государственной границы бывшего СССР превратились в полноправный кордон независимых Украины, Беларуси и Молдовы. Во втором случае статус государственных приобрели административные границы бывших советских республик. При этом большинство стран – прежних «коллег по Союзу» – были склонны признать такие изменения. Примером взаимопонимания может служить соглашение между Украиной и Российской Федерацией, подписанное в ноябре 1990 г. во время официального визита председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина в Украину. Обе страны взаимно признали принцип территориальной целостности друг друга.

Важность и сложность территориального вопроса на рубеже 1980–1990-х годов послужила поводом для активизации интереса как общества в целом, так и профессиональных исследователей Украины, Беларуси и Молдовы к истории формирования этнической территории и границ своих стран. В появившихся в то время научных и публицистических работах были предложены концептуальные схемы формирования территорий каждой их стран. Отчасти в принципиальных моментах эти схемы были похожи, а иногда и пересекались. Во многих книгах, статьях, выступлениях подчеркивалась уникальность, особенность пространства, заселенного их народами. Иногда объективные территориальные параметры политические лидеры использовали в традиционных для советского времени идеологических конструкциях, призванных легитимировать новое государство. Подчеркивая уникальность географического расположения Украины, Леонид Кучма в известной книге «Украина не Россия» писал, что «Украина занимает… совершенно исключительное место на карте мира. Ее положение доказывает, что важнейшая региональная держава (а Украина станет таковой, когда преодолеет свои нынешние экономические трудности и болезни роста) совсем не обязательно должна быть огромной. Украина входит в Каспийский и Черноморский регион, она – законная часть Восточной Европы, а своим морским фасадом обращена к Турции. Украина прилегает к Центральной Европе, к Балканскому Северокавказскому регионам. Кроме того, Украина стоит на устьевой части Дуная, а значит является одной из дунайских стран… через систему Волго-Донского канала Украина может быть подключена к водным магистралям всего Волжского бассейна, к Волго-Балту и к Каспийскому морю… Наш Буг течет на север, чтобы влиться, уже в польских пределах, в Вислу, чей конечный пункт – Балтика. Другими словами, мы входим в число стран Балтийского бассейна, правда, пока теоретически…»[16]. Второй президент независимой Украины считал данностью Украины ее оптимальные размеры, подразумевая под этим соответствие людских ресурсов украинской территории и природным условиям: «Разница между размерами Украины и основных европейских стран не драматическая – Украина больше их, но соизмерима с ними. А вот с Россией все они несоизмеримы. В общем, у Украины европейский размер. Размер XXL»[17].

В одной из книг, призванных познакомить мир с Беларусью, депутат белорусского парламента Владимир Новиков подчеркивал, что по территории его страна занимает 13-е, а по численности населения (10,3 млн. чел) – 14-е места среди европейских стран[18]. Очевидно, в том же контексте следует воспринимать пассаж известного ученого, публициста и общественного деятеля Молдовы Виктора Боршевича, который писал: «Наш регион, сначала только его южная часть, а затем и все занимаемое им пространство, долгое время назывался провинцией Бессарабия, пока, наконец, не приобрел статус суверенного государства. Его этногенетический корень – средневековое княжество Молдова, его современное название – Республика Молдова. Мы сделали свой исторический выбор и нам нечего стесняться своего «провинциального» происхождения. Иначе нас не поймут ни украинцы, ни белорусы, ни латыши, ни эстонцы, ни другие народы Европы, образовавшие из «провинциальных» регионов империй – Российской, Оттоманской, Австро-Венгерской, свои государственные структуры»[19].

Если политики старались в удачной фразе, метафоре отобразить уникальность и богатство «родной земли», то профессиональным исследователям необходимо было собрать и представить более весомые аргументы в виде национального исторического нарратива, исторических карт. Такие попытки и были предприняты в начале 1990-х годов. В 1991 г. вышла книга доктора технических наук, члена Московского общества белорусской культуры им. Ф. Скорины Евгения Ширяева (Яўгена Шыраева) «Беларусь. Русь Белая, Русь Чорная и Литва в картах», в которой были собраны карты этнографической территории Беларуси, подготовленные и изданные в разные времена. Побудительным мотивом подготовки книги, по словам автора, явились, в частности, события, связанные с действиями «националистических, экспансионистски настроенных польских и литовских кругов, претендующих на белорусские земли», переиздавших карты, включающие в пределы границ своих стран значительные территории Беларуси. По мнению исследователя, для этого ими были использованы фальсифицированные этнографические карты и статистические данные. Изучив и проанализировав карты, подготовленные преимущественно в странах, не имеющих территориальных претензий к Беларуси (Голландия, Германия, Австрия, Англия) и известных своей высокой картографической культурой, Ширяев обратил внимание на значительное расхождение этнографических границ белорусского народа с современными политическими границами БССР. При этом исследователь, по его словам, не преследовал цели поднять вопрос о приведении современных политических границ в соответствие этнографическим. Главной миссией автора было показать действительное состояние этноса, раскрыть правдивую историю формирования этнических границ белорусов исключительно на основании старинных и современных карт и других документов. В случае необходимости изменить или уточнить границы для объективного с научной точки зрения решения проблемы в книге предлагались критерии по выявлению подлинно этнических

границ и приводились соответствующие картографические, статистические и другие материалы[20].

Двумя годами позже была опубликована книга «Беларусь на сямі рубяжах»[21]. Ее авторы, историки Лев Козлов и Анатолий Титов, приводили документальный и картографический материал из истории формирования границ Беларуси с древнейших времен до наших дней. При этом упоминались белорусские территории, которые, по мнению авторов, были несправедливо отобраны соседями.

В начале 1990-х годов подобные исследования, посвященные истории формирования украинской этнической территории и границ, появились и в Украине[22].

Таким образом, в большинстве постсоветских государств, где был запущен в действие проект национального строительства, истории отводилась роль «катализатора процессов этнического ренессанса» и в одночасье теоретической базы идей государственности. По-видимому, особенности политических проектов непосредственно повлияли и на масштаб обращений к мифологическим составляющим мобилизационных нарративов. Специфическая ситуация сложилась в Молдове. Как отмечает Виржилиу Бырлэдяну, в Молдове новый политический класс, недовольный профессиональными историками в деле строительства молдавской нации, сам взялся создавать историю. Изобретение прошлого в Республике Молдова сделалось политическим занятием, направленным на «массовую мобилизацию». Поэтому территория страны быстро превратилась в сакральное пространство молдавской нации. Поскольку исторические центры средневековой Молдавии остались за границами республики, это препятствие было преодолено переводом дисскурса из научно-исторического в литературно-идеологическое измерение[23]. Исследователь приводит пример, когда бывший президент Республики Молдова П. Лучинский в своих рефлексиях над идентичностью Молдовы использовал архетипологический шаблон сакрального центра: «Молдова действительно была и есть, как говорится в известной народной балладе, "райским уголком", "страной с плодороднейшей землей"». Таким образом, пространственная установка молдавского нациестроительного проекта предложила политико-географическим границам свою духовно-органическую модель пространства[24].

Касаясь вопросов территории в своих исследованиях, украинские, белорусские и молдавские ученые активно использовали наработки предшественников. Приведенные в подобных работах аргументы призваны были отсечь возможные территориальные претензии соседей. В большинстве публикаций акцентировалось внимание на проблемах соотношения этнической и государственной территорий. Особая роль в этом контексте возлагалась на различные карты. Так, на страницах одного из украинских популярных исторических изданий начала 1990-х рассказывалось об одних из первых этнических карт украинской территории, подготовленных в середине XIX века Я. Чапловичем и П. Шафариком.

Авторы размышляли об этнической географии, ее роли в обосновании национальных интересов[25]. Наиболее популярными были ссылки на карты и научные труды предыдущих лет (работы С. Рудницкого, В. Кубийовича) или исследования авторов из диаспоры (П. Магочи).

Наглядно продемонстрировать историю формирования этнического пространства и политических границ могли исторические атласы. В Беларуси одним из первых такого рода изданий стал журнального формата атлас «Беларусы: Этнаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канцесіі: Атлас», задуманный как часть Великого атласа «Народы Беларусі»[26]. На одной из страниц издания были представлены 12 малых схематических карт, которые таким образом создавали визуальный ряд исторической канвы формирования территории Беларуси, наглядно показывали соотношение границ существовавших в разное время государственных образований на территории страны и современных границ и этнической территорией белорусов[27].

Несколькими годами позже, в 1999 г. был издан «Гістарычны атлас Беларусі» под редакцией Л. Козлова[28]. Это научно-популярное издание имело типичное для кризисного времени полиграфическое исполнение и содержало как фрагменты известных карт территории Беларуси, так и картографические материалы, посвященные отдельным историческим событиям.

В 2002 г. увидел свет «Нацыянальны атлас Беларусі», имевший небольшой исторический блок. В «Атласе гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзен», изданном в 2004 г. как дополнение к 6-томной «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», среди множества других карт была опубликована карта границ расселения белорусов, как она была определена исследователями конца XIX – начала XX веков: Р.Ф. Эркертом (1863), А.Ф. Рыцихом (1875), Я. Карским (1903), М. Довнар-Запольским (1919)[29].

В последние годы вышло в свет несколько изданий, продолживших традицию публикации старинных карт белорусской территории, а интерес к картографическим материалам, связанным с историей Беларуси в последнее время, не утих, а скорее усилился. Споры и дискуссии вокруг территориального наследия Беларуси привели к появлению альтернативных атласов. В феврале 2009 г. в издательстве «Белкартография» вышел первый том «Вялікага гістарычнага атласа Беларусі», подготовленный коллективом исследователей из Института истории Национальной академии наук Беларуси, Национального исторического архива Беларуси и Белорусского научно-исследовательского центра электронной документации под редакцией Вячеслава Носевича[30]. Одновременно в Варшаве увидело свет своего рода альтернативное картографическое издание – «Гістарычны Атлас Беларусі» (Том I. Беларусь ад старажытных часоў да канца XVIII ст.), подготовленное историками под руководством М.Спиридонова. По замыслу авторов, атлас должен стать не только важным элементом широкой научной дискуссии об истории народа и белорусской государственности, но и представить

взгляд независимых белорусских ученых на историю Центральной и Восточной Европы. Как отмечалось в предисловии к атласу, авторы стремились включиться в научные дискуссии наравне с «Вялікім гістарычным атласам Беларусі», в котором по-иному представлен целый ряд тем[31].

В Украине со времени провозглашения независимости исторического атласа надлежащего уровня не было подготовлено. Наиболее оперативно были изданы исторические атласы для школ, что диктовалось потребностями обеспечения образовательного процесса. В 1997–2000 гг. в издательстве «Мапа ЛТД» вышло 5 атласов, представивших материалы по истории украинских земель с древнейших времен до 1944 г. В 2000–2003 гг. сотрудниками Института передовых технологий было подготовлено еще 5 школьных исторических атласов. Исторические блоки имел в себе «Комплексный атлас Украины» (2005 г.) и «Национальный атлас Украины» (2008 г.). До этого времени украинские исследователи продолжали активно пользоваться картографическими наработками своих предшественников.

Современные исследователи в Молдове также активно использовали описания территории страны, подготовленные в конце XIX века[32]. На рубеже 1990-х – 2000-х некоторые из подобных материалов были вновь переизданы. В частности, журнал «Stratum plus» опубликовал описание территории Молдовы в прошлом, подготовленное российским чиновником П. Свиньиным в 1815 г.[33] В молдавском сегменте Интернета можно также обнаружить электронный текст альманаха «Бессарабия», который издавался в 1903 году газетой «Бессарабец» под редакцией П. Крушевана[34].

Как уже подчеркивалось, в большинстве подобных работ приводились ставшие хрестоматийными схемы формирования территории этих стран. Дабы не пересказывать эти схемы и историю формирования государственных границ Украины и Беларуси, сошлемся на уже упомянутые работы, в которых они изложены. Одна из версий территориального развития Молдовы представлена в известной работе Василе Стати «История Молдовы»[35]. Книга насыщена различными картами, которые иллюстрируют описываемые события. Интересная попытка сравнительного анализа использования исторических ресурсов в современных национально-государственных идеологиях Украины и Беларуси на примере двух знаковых книг (Кучма Л. Украина – не Россия. – М., 2003; Стати В. История Молдовы. — Кишинев, 2002) предпринята белорусским историком П. Терешковичем[36]. В контексте задач, поставленных в нашем исследовании, наиболее важны сделанные учеными выводы. Примечательно, что, рассмотрев историю формирования границ современных Украины, Беларуси и Молдовы, историки, независимо друг от друга, сошлись на том, что наиболее сильное влияние на эти процессы имели политические факторы. В случаях Украины и Беларуси отчетливо просматривается «синдром жертвы»: этнические земли и границы украинцев и белорусов были своевластно разделены/определены более

сильными соседями, без участия самих упомянутых народов и национальных государств. Тезис о жертве позже активно использовался и в политическом дискурсе.

Уже цитированный нами Е. Ширяев подчеркивал, что ни одна из 15 республик, входивших в состав СССР, не подвергалась такому беспрецедентному для XX века дележу территории, как Беларусь[37]. Козлов и Титов в разделе под названием «Шматпакутная Беларусь», пришли к выводу, что белорусская территория («от Нарвы и Буга на западе, до верховьев Днепра, Западной Двины и Волши на Востоке»), объединенная этнически, исторически и экономически оказалась разъединенной политически через жадных соседей, беспринципных политиканов и собственных коллаборационистов[38]. Авторы насчитали в истории Беларуси восемь разделов ее территории. Следствием этого стала существующая ныне ситуация, в частности, пребывание ряда белорусских этнических земель в составе других государств[39].

В свою очередь, исследовательница Галина Бущик, изучая проблему взаимосвязи территории и консолидации этноса, пришла к интересному выводу: «…пока наша земля была центром державы, его основой, находились варианты общественного согласия, которые были главным условием выживания и укрепления государства. Когда наша земля из центра превращалась в окраину либо западного, либо восточного соседа, равновесие нарушалось и по инициативе новых центров стимулировалось обострение противоречий, а нежелательные для новых центров религиозные, культурные, государственные особенности (их разнообразие свойственно для Беларуси) подавлялись и уничтожались. Весьма примечательным является и то обстоятельство, что поглощение территории Беларуси становилось как бы прологом разрушения казалось бы процветающих держав (Речи Посполитой, России)»[40]. Насколько подобные вопросы затрагивают в целом общественное мнение населения Беларуси, говорить довольно сложно. Но то, что эти проблемы активно дискутируются среди белорусских интеллектуалов – известный факт. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть популярные в стране Интернет-форумы.

Похожие идеи и перечень разделов территории приводились украинскими исследователями в отношении Украины. Подобно белорусским авторам, известный украинский географ Ф. Заставный писал о том, что формирование государственных границ Украины происходило в периоды безгосударственности украинского народа, без учета его территориально-этнических и национально-культурных интересов. В ряде случаев украинские территории были насильно включены одновременно в несколько государств, а границы изменялись и приводились в соответствие государственным кордонам путем депортации украинцев с их этнических земель[41]. Ученый обратил внимание на то, что во времена УНР (включая ЗУНР) украинские этнографические границы фактически совпадали с государственными, но на протяжении следующих десятилетий Украина

потеряла ряд своих земель. Наибольшие территориальные трансформации Украины в XX веке произошли после Первой мировой войны, когда часть украинских территорий вошла в состав Польши, Чехословакии, Румынии; в начале и в конце Второй мировой войны (результатом стало окончательное включение в состав Украины западноукраинских земель, но при этом их часть осталась у Польши), в 1951 (обмен территориями с Польшей) и 1954 годах (включение в состав УССР Крыма)[42]. Понимая всю сложность определения границ украинско-белорусских этнических земель (в связи с существованием широкой полосы смешанных украинско-белорусских говоров и сильным влиянием украинского, белорусского и российского факторов) ученый считал, что на этом участке принцип совпадения этнических и государственных границ Украины не был соблюден[43]. Приведенный пример служит яркой иллюстрацией всей сложности и неоднозначности вопроса о границах. Важно также отметить, что тезис о территориальных потерях непосредственно вписывался в общеисторический дисскурс 1990-х – начала 2000-х в Украине и Беларуси, акцентированный на национальных травмах, потерях и трагедиях. В Молдове ситуация к тому же обострялась общественной дискуссией о том, являются ли молдаване отдельным народом или же частью единого румынского этноса.

Как видим, в новых странах формирование национальной идентичности не могло быть надлежащим образом поддержано стабильностью их геополитических границ[44]. Эти границы, легитимная этнотерритория и, даже, столицы (в большей мере относится к Минску и Кишинэу) устоялись лишь в середине XX века, и в последующие годы оставались в значительной степени «уязвимыми», «болезненными точками» новых независимых государств.

Имея такое однозначное историческое наследие, Украина, Беларусь и Молдова довольно скоро столкнулись с другими претендентами на него. Одним из проявлений соперничества за историческое «наследство» (в т.ч. и территориальное) стала своеобразная «война карт», разгоревшаяся в начале 1990-х годов. Различные карты, появившиеся в это время в соседних странах, по-разному отображали государственную принадлежность отдельных территорий, провоцируя тем самым реакции в политических кругах и обществе государств-соседей. Белорусская «Народная газета» упоминала о публикациях в Литве карт с комментариями по поводу «литовских земель в составе БССР». По данным белорусских исследователей, в это время были также опубликованы карты, на которых города Ошмяны, Щучин, Лида, Ивье были отнесены к литовским этническим территориям. В 1993 г. журнал «Żołnierz Polski», орган Министерства национальной обороны Польши, опубликовал карты, на которых в зону действия Варшавского военного округа входили белорусские города Брест, Гродно, Кобрин. В свою очередь, в самой Беларуси в 1994 г. была предпринята попытка выпустить массовым тиражом географическую карту, где восточные границы страны пролегли далеко за Вязьмой, а западные подходили к самой Варшаве. Нередко в белорусской

печати появлялись статьи и даже стихи с проклятьем в адрес тех, кто когда-то урезал родной край[45]. Некоторый резонанс имели статьи историка А. Сидоревича в газете «Література і Мастацтва» (1990 г.) и последовавшие на них отклики о проблемах белорусско-польских отношений.

Статья известного украинского географа Федора Заставного «Кордоны Украины» во львовской газете «Молода Галичина», в которой говорилось о том, что государственные границы Украины в значительной степени не совпадают с этническими, вызвала резкую реакцию со стороны польского консула в Львове[46].

17 марта 1991 г. газета «Московские новости» опубликовала на своих страницах несколько схематических карт, на которых были указаны 76 потенциальных «горячих точек» – возможных зон конфликтов и территорий, которые могли изменить свою административную, государственную принадлежность. 13 из этих точек находилось на территории Украины и Беларуси, имея непосредственное отношение к проблемам формирования государственных границ. Речь шла о взаимных территориальных претензиях соседних республик и возможном обособлении отдельных частей каждой из стран, что не привело бы к стабильности в Восточной Европе. В комментарии редакции к опубликованному материалу говорилось о том, что большинство конфликтов может возникнуть вблизи национально-территориальных границ: «Однажды прочерченные, долгое время не игравшие практически никакой роли, эти границы сегодня обозначают линии противостояния народов, возможного развала СССР»[47]. Публикация материала в день проведения всесоюзного референдума отчетливо указывает на стремление политического руководства путем шантажа и угроз возможного территориального распада стремившихся к суверенитету республик, отстрочить окончательный развал СССР.

«Война карт» имела наиболее острый характер в случае Украины, приобретя форму открытых территориальных претензий со стороны отдельных стран-соседей. Карты сыграли огромную роль в разворачивании споров о принадлежности косы Тузлы и острова Змеиный.

В таких условиях политическое руководство трех стран уделяло первоочередное внимание юридическому закреплению своих границ, обеспечению международных гарантий целостности их территорий и предотвращению потенциальных территориальных споров. Довольно уязвимая и шаткая позиция стран, недавно провозгласивших свою независимость, непосредственно определяла их внутреннюю и внешнюю политику в первые годы существования. Положения о целостности территории и неприкосновенности государственных границ были сразу же внесены в конституционные акты каждой из стран. Вскоре были приняты специальные законы, регламентировавшие вопросы границ. 4 ноября 1991 г. Верховный Совет Украины утвердил Закон «О государственной границе» («Про державний кордон України») № 1777-XII[48]. Понятие «Государственная граница Республики Беларусь» впервые было использовано в Декларации «О го-

сударственном суверенитете Республики Беларусь» от 27 июля 1990 г., а затем конкретизировано и закреплено в Законе «О Государственной границе Республики Беларусь» (1992 г.)[49]. Статус «Государственной» граница Беларуси обрела в соответствии с постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 11 июня 1993 года № 2379-ХП. В частности, в нем говорилось о том, что «...до установления соответствующих договоров о Государственной границе Республики Беларусь с Российской Федерацией, Украиной, Литовской Республикой и Латвийской Республикой придать границе с этими государствами правовой статус Государственной границы Республики Беларусь»[50]. Статья 3 Конституции Республики Молдова определяла, что территория страны является неотчуждаемой, а ее границы закреплены специальным законом, с соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права. Соответствующий закон («О государственной границе Республики Молдова» № 108-XIII) был принят 17 мая 1994 г.[51]

На момент провозглашения независимости по размеру территории (603,7 тыс. кв. км.) Украина занимала третье место среди республик бывшего СССР, а по численности населения (51,7 млн чел. на 1990 г.) и уступала только Российской Федерации. По территории Украина опережала Францию, Швецию, Германию, Польшу, а по численности населения среди европейских стран уступала только Германии, Италии, Великобритании и Франции[52]. В свою очередь Беларусь с территорией в 207,6 тыс. кв. км. растянувшейся с запада на восток на 650 км, и с севера на юг на 560 км., превосходила по размерам Бельгию, Португалию, Нидерланды, Чехию, Грецию, Австрию. Украина имела общие сухопутные границы с семью странами (Россией, Беларусью, Польшей, Словакией, Венгрией, Румынией, Молдовой) и морскую границу с Турцией. Республика Беларусь граничит с пятью государствами, имея государственную границу протяженностью более 3614 км. На этом фоне Молдова (33,7 тыс. кв. км.) выглядела довольно небольшой. Тем не менее, это территориальное пространство было отчетливо фрагментировано, что и стало главным уязвимым местом страны на рубеже тысячелетий.

«Огосударствление» в начале 1990-х годов таких больших по европейским меркам территориальных пространств неминуемо затрагивало внешнеполитическую сферу Европейского, и, в частности, Восточноевропейского региона. При этом «точками соприкосновения» оказались довольно «болезненными».

Во-первых, отсутствовали четкие, соответствовавшие нормам международного права, границы между странами, входившими прежде в состав СССР, что провоцировало отдельные кризисы;

Во-вторых, возникли проблемы спорных территорий и территориальные претензии со стороны некоторых соседних государств;

В-третьих, часть этнических территорий Украины, Беларуси и Молдовы, в силу исторически сложившихся обстоятельств, оставалась в составе других го-

сударств и новой политической власти было необходимо задекларировать свою позицию относительно этого вопроса.

Как отмечает Устина Маркус, многие восточноевропейские страны находились в таком же положении. Поэтому все стороны стремились сохранить границы в неизменном виде. Вместо того, чтобы выражать взаимные территориальные претензии, страны региона заключили ряд двусторонних договоров, которые сделали возможным признание территориальной целостности других стран и защиту прав меньшинств[53]. Еще в октябре 1990 г. Венгрия и Польша провозгласили, что будут уважать территориальную целостность Украины. Были подписаны соответствующие соглашения. Подобные соглашения Украина заключила также со Словакией, Беларусью и Молдовой.

Не возникло особых проблем относительно принадлежности территорий и в украинско-польских и белорусско-польских государственных отношениях. И это несмотря на то, что на протяжении веков отношения между этими народами сложно назвать простыми, а в польском общественном мнении оставалась популярной тема восточных окраин («kresy wschodnie»).

Больше вопросов вызывало определение границ Беларуси с Литвой и Латвией. Прежняя административная линия, существовавшая между Белорусской ССР, Литовской ССР и Латвийской ССР, была условной и ни к чему не обязывающей. Это создало определенные проблемы[54]. В 1992 г. был подготовлен к подписанию Договор о добрососедстве и сотрудничестве между Беларусью и Литвой, но его подписание было отложено из-за возникшего спора о принадлежности железнодорожной станции Гадутишки (Адутишкис). После решения технических вопросов, связанных с делимитацией спорного участка белорусско-литовской границы, в ходе официального визита в Литву Президента Беларуси А. Лукашенко 6 февраля 1995 г. были подписаны «Договор о добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Литовской Республикой» и «Договор между Литовской Республикой и Республикой Беларусь о литовско-белорусской государственной границе»[55]. 21 февраля 1994 г. Республика Беларусь подписала договор о границе с Латвийской Республикой.

В январе 2010 г. было подписано трехстороннее соглашение о точке стыка границ Беларуси, Латвии и России. С подписанием данного соглашения завершен трехсторонний переговорный диалог, длившийся с 1999 г.[56]

Делимитация белорусско-украинской границы заняла пять лет (1992–1997 гг.). 12 мая 1997 года был подписан Договор между Украиной и Беларусью о государственной границе. Вскоре Договор был ратифицирован Верховной Радой Украины, а 2 апреля 2010 г. документ ратифицировало и Национальное собрание Республики Беларусь.

Вместе с тем приверженность к признанию нерушимости территориальных границ, которая сложилась с советских времен, оказалась не столь прочной в новых условиях. Главным провоцирующим фактором стал возрождающийся на-

ционализм в республиках, который поднимал вопрос этнических территорий. Роман Шпорлюк писал в 1994 г., что одной из первых эту проблему озвучила Россия. В частности, уже 26 августа 1991 г. пресс-секретарь президента Б. Ельцина акцентировал внимание на том, что Россия может выдвинуть территориальные претензии Украине и Казахстану, если они будут стремиться к полной независимости. Таким образом, считает исследователь, Россия заложила идею пересмотра территориальных границ, основанную на этническом принципе[57]. Хотя президент Ельцин впоследствии дезавуировал это заявление, отдельные политики и общественные деятели (можно упомянуть высказывания А. Солженицына) публично ставили под сомнение территориальную целостность Украины. Тем временем российский парламент начал активно обсуждать крымскую проблему.

Об украинско-российском споре о Крыме написано много литературы, поэтому нет смысла поднимать данную тему в рамках настоящей статьи. В контексте исследования эта проблема рассматривается как внешний вызов, касающийся территорий и границ новых независимых государств. Представляется важным проанализировать, как реагировала Украина, а также как использовалась историческая аргументация для защиты своих позиций.

21 мая 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации принял постановление «О правовой оценке решений высших органов власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году». Хотя в выпущенном вдогонку заявлении говорилось, что Верховный Совет «ни в коем случае» не преследует цели «выдвижения каких-либо территориальных претензий к Украине», эти документы фактически ставили под сомнение территориальную целостность Украины. Через год, 9 июля 1993 г., российский парламент принял постановление «О статусе города Севастополя», в котором утверждалось, что город имеет российский федеральный статус. Находившийся в это время в Иркутске президент Борис Ельцин заявил, что ему стыдно за подобные действия Верховного Совета. Российский МИД также дезавуировал это постановление. Нужно отметить, что президентские структуры России, обладающие реальными полномочиями в области внешней политики, никогда не ставили под вопрос целостность Украины[58]. На действия России Украина отреагировала постановлением Верховного Совета, обращением к Совету Безопасности ООН и заявлением президента Л.М. Кравчука, категорически осудившим российских парламентариев. Уже 20 июля 1993 г. Совет Безопасности со ссылкой на российско-украинский договор от 19 ноября 1990 г. признал постановление Верховного Совета Российской Федерации «не имеющим силы» и не совместимым с уставом ООН[59].

Несмотря на подписание в 1997 году целого ряда межгосударственных договоров, урегулировавших многие вопросы украинско-российских отношений, территориальный вопрос так и не был полностью снят. В конце 2003 г. возник кризис в отношениях двух стран, вызванный сооружением Россией в Керчен-

ском проливе дамбы к острову Тузла. Большую роль в этом конфликте сыграл депутат Законодательного Собрания Краснодарского края Александр Травников, впервые поднявший вопрос о принадлежности Косы Тузла Краснодарскому краю и России еще в середине 1990-х в своей книге «Коса Тузла: перечисленная территория»[60]. Именно это издание, по признанию самого автора, стало настольной книгой кубанских чиновников и российских политиков. Уже после кризиса была опубликована вторая книга А. Травникова «Коса Тузла и стратегические интересы России», где приводились теоретические и исторические обоснования законности претензий России на эту территорию. Среди прочего, автор предполагал, что некоторые документы и карты, подтверждающие принадлежность Тузлы Украине, могли быть специально сфальсифицированы[61].

Как известно, 29 сентября 2003 г. власти Краснодарского края начали строительство дамбы от Таманского полуострова в сторону Керчи до украинского острова Коса Тузла, что и спровоцировало острый политический кризис. Менее чем через месяц строительство дамбы было остановлено за 102 м от линии государственной границы после встречи президентов двух стран В. Путина и Л. Кучмы, подписавших в декабре 2003 г. Договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. В результате очередных консультаций Украины и Российской Федерации 12–13 июля 2005 г. Россия признала принадлежность Украине острова Коса Тузла в Керченском проливе и «вод вокруг него». Делимитация сухопутной государственной границы между Украиной и Российской Федерацией была завершена в 2003 г. с подписанием Договора об украинско-российской государственной границе (ратифицирован Верховной Радой Украины и Государственной Думой Российской Федерации в апреле 2004 г.)[62]. В 2010 г. стороны ратифицировали соглашение о демаркации границы между двумя странами, но переговорный процесс по разграничению Азовского и Черного морей, а также Керченского пролива продолжается.

Непростые отношения сложились у Украины с Румынией. Точкой расхождений стала разная трактовка некоторых исторических событий XX века, имевших непосредственное влияние на формирование границ двух стран. В 1990-х в румынской печати появлялись публикации, ставившие под сомнение права Украины на Буджак и Северную Буковину. Ноту протеста направляла Украина и румынскому парламенту, который, перечисляя «земли румынского народа», назвал среди них ряд украинских территорий.

Позже румынская дипломатия сосредоточилась на более скромном объекте – острове Змеиный в Черном море. В 1993–1995 г. Румыния, денонсировав в одностороннем порядке советско-румынский договор 1961 г. и протокол 1948 г., затребовала от Украины нового обсуждения вопроса границ. В случае отказа Украины вернуть упомянутые территории Румыния угрожала обратиться в Международный суд ООН. В ответ Украина апеллировала к международным соглашениям (Хельсинским договоренностям) и принципу нерушимости границ,

который является гарантом всей системы Европейской безопасности. Как отмечают исследователи, территориальные споры с Румынией Украина получила в наследство от СССР (эти преткновения длились еще с 1967 г.) На протяжении 1990-х годов состоялось 10 раундов переговоров между двумя государствами, которые не принесли желаемого результата. Лишь подписание в 1997 г. политического договора подтвердило нерушимость границ и, как тогда казалось, положило конец территориальным спорам соседей. Аналитики считают, что этот шаг был сделан политическим руководством Румынии под давлением внешнеполитических обстоятельств, в частности, расширения НАТО. Однако вопрос не был окончательно снят – возникли споры относительно статуса острова Змеиный и исходя из этого проблема делимитации континентального шельфа и исключительной экономической зоны. Начались длительные переговоры, после которых 17 июня в 2003 г. в Черновцах президенты Леонид Кучма и Ион Илиеску подписали договор «О режиме украинско-румынской границы, о сотрудничестве и взаимопомощи в пограничных вопросах». Однако уже через месяц проблема делимитации этого участка украинско-румынского кордона опять возникла. В 2004 г. Румыния обратилась в международный суд в Гааге, который с сентября 2008 г. начал слушание дела. Оглашение вердикта суда в феврале 2009 г. подвело черту под украинско-румынским спором и вызвало неоднозначные трактовки в политических кругах обеих стран.

Неожиданные сложности возникли и в отношениях Румынии с Молдовой. Президент Румынии Траян Бэсеску в мае 2009 г. заявил о том, что не подпишет Договор о границе с Молдовой. Он подчеркнул, что официальный Бухарест «признал границы Республики Молдова в том виде, в каком они были унаследованы от СССР» и не согласится на новый договор, который узаконивал бы Пакт «Риббентропа-Молотова». После этого начался длительный переговорный процесс. Таким образом, историческое прошлое в очередной раз стало препятствием на пути взаимопонимания между странами, а Молдова осталась единственной, соседствующей с Румынией страной, с которой Бухарест отказывается подписать Договор о границе.

В 1999 г. был подписан Договор о государственной границе между Украиной и Молдовой. Договор был ратифицирован в 2000 г. и вступил в силу с ноября 2001 г. Были предприняты практические шаги по демаркации нашей общей границы и урегулированию вопросов молдавской собственности на территории Украины[63]. Однако в последние годы в решении пограничных вопросов между двумя странами возникли некоторые трения. Камнем преткновения стал участок автодороги «Одесса – Рении» в районе населенного пункта Паланка (Молдова). Последние переговоры, посвященные проблеме, прошли в феврале 2010 г.

Таким образом, вопросы границ, территориальной целостности занимали важнее место во внутренней и внешней политике Украины, Беларуси и Молдовы после провозглашения ими государственной независимости. Результатом целе-

направленных усилий государственных структур стало признание существующих границ странами-соседями и международными организациями. Вместе с тем, образы территорий и линии границ постепенно входят и в общественное сознание как собственного населения этих стран, так и соседних народов.

Наряду с потребностью обосновать право государства/нации на владение территорией, существовала необходимость исторически легитимировать существующее или обосновать новое название страны. Ведь каждое географическое название, особенно название больших территорий, стран – это не просто языковой знак с адресной функцией, а чрезвычайно многогранный и очень неоднородный в исторической ретроспективе элемент культуры. Поэтому выбор названия для страны, которая стремилась начать новый этап своей истории «с чистого листа», не был столь легким заданием, как может показаться на первый взгляд.

В вопросе исторической легитимации названия государства Украина, на наш взгляд, имела некоторые преимущества перед Беларусью. В украинской досоветской истории был период собственной государственности, когда Украина под названиями «Украинская Народная Республика», «Украинская Держава» фигурировала в международных отношениях. Исторический опыт этой государственности стал одним из ключевых звеньев в классической схеме истории Украины. Мифология «добы вызвольных змагань 1917–1921» довольно активно использовалась в начале 1990-х политической властью для легитимации вновь провозглашенной независимости. В то же время исследователи отмечают относительную слабость и незавершенность белорусской государственности и культурного возрождения периода 1917–1920 гг., что связано со скудностью базы исторической мифологии. К тому же белорусские националисты не смогли компенсировать эту слабость собственными усилиями, создав новую историческую мифологию – базу для новых, последующих попыток. А наиболее популярные ссылки на исторический опыт белорусского народа в составе Великого княжества Литовского, в данном случае, приемлемы лишь частично, поскольку ВКЛ не было в чистом виде белорусским государством[64].

Официальные идеологи современного белорусского государства признают, что белорусы полностью осознали себя как самобытную нацию лишь к началу XX века. Автор одного из учебников по государственной идеологии Беларуси, В. Мельник, считает, что в настоящее время «было бы политически вредным и научно некорректным пытаться отождествить собственно белорусскую государственность в прошлом либо с Древнерусским государством (Киевской Русью), либо с ВКЛ, либо с Речью Посполитой, либо с Российской империей. Ни одно из этих государств не являлось собственно белорусским, хотя в их недрах и шел процесс становления белорусов в качестве самобытного народа. Чисто белорусской государственности до 1918 г. не существовало. Фактически ее не было и после 25 марта 1918 г. И только лишь с образованием 1 января 1919 г. БССР,

ее вхождения в состав СССР в качестве полноправного субъекта последнего, а затем и обретение Беларусью членства в ООН появляется собственно белорусское государство, обладающее всеми атрибутами такового»[65].

Исходя из этого, можем предположить, что выбор названия для нового государства не был простой формальностью. Имя страны должно было органично вписаться в официальный исторический нарратив. В этой связи возникла необходимость либо оставить старые советские названия государств, либо обосновать возвращение одного из исторических названий или же предложить новое наименование. Обсуждения проблемы выбора названия приняло форму интеллектуальных дискуссий и общественных споров. В газетных публикациях начала 1990-х отмечалось отсутствие консолидации белорусского общества в вопросе названия страны. Автор одной из статей, приводя примеры Молдовы и Кыргызстана, предлагал узаконить название «Республика Беларусь»[66].

Как и в случае с территорией, характер споров о названии не ограничился сугубо научными дискуссиями, а непосредственно вторгся в плоскость политической жизни постсоветского пространства. Исследователи обращали внимание на то, что нарушение преемственности в этнографических названиях вносило путаницу между историческими и современными понятиями, такими как литвины и белорусы; русские, русины и белорусы; литвины, жмудины и литовцы; Литва, Русь Черная, Русь Белая и Белоруссия, Украина и Малороссия. В советское время, по мнению Е. Ширяева, некорректное использование исторических названий стоило Беларуси территориальных потерь, причем в культурно-историческом отношении наиболее значимых (Виленский район и город Вильно)[67].

Примером подобных дискуссий могут служить жаркие споры в Беларуси в отношении названия Литва и его применения к белорусской территории. Часть белорусских интеллектуалов считала, что Беларусь в результате исторической несправедливости была лишена не только некоторых своих территорий, но и своего исторического имени – Литва. Неоднократно цитированный нами Е. Ширяев, учитывая путаницу в исторических понятиях, предлагал переименовать страну в «Литовско-Белорусскую Республику» или «Республику Литвобеларусь»[68]. Этот вопрос следовало, по мнению ученого, вынести на обсуждение общественности. Тем более, что прецеденты решения подобных проблем с изменением названия имели место в истории других стран. В свое время Персия сменила свое название на Иран, Цейлон стал Шри-Ланкой, Берег Слоновой Кости – Кот-д`Ивуаром, Бирма – Мьянмой, Северная Родезия – Замбией, Бенгалия – Бангладеш, Верхняя Вольта – Буркина-Фасо.

В официальном историческом каноне место для этнонима «литвины» и наследия Литвы было найти несколько сложнее. По мнению политолога А. Казакевича, статус ВКЛ в официальной белорусской историографиии идеологии определяется по меньшей мере, неоднозначно: ВКЛ является государством, в общем-то, чужим, и его нельзя считать собственно белорусским, хотя можно

считать до определенной степени белорусским. Такая позиция объясняется тем, что политическое руководство Беларуси ищет свою легитимацию не в исторической традиции, а, скорее, в современности и прежде всего в политических и социальных практиках последних лет[69].

В сложившейся ситуации исследователи старались убедительно объяснить происхождение бытующих названий стран. Историки, лингвисты предложили множество теорий происхождения названия Украина и Беларусь, а также приводили другие названия территории страны, встречавшиеся в исторических источниках. Последние ставили перед исследователями новые вопросы, а не давали однозначные ответы на прежние. Чтобы иметь представление о разнообразии версий и интерпретаций, достаточно ознакомиться со сборником «Имя твое – Белая Русь», изданным в Минске в 1991 г. Исследователи проблемы фиксировали нестабильность границ названия «Белая Русь», отмечали своеобразное «путешествие» имени (изменение географической проекции), изменение актуальности в отношении к определенной территории, переосмысление[70].

Аналогичная ситуация сложилась и в Молдове, где на статус официального названия страны потенциально могут претендовать несколько: Молдова, Бессарабия или даже Румыния. Этот вопрос тесно связан с боле широкой дискуссией о названии самого коренного этноса страны. В 1990 г. политическая программа Народного фронта Молдовы включала пункт о переименовании страны в Румынскую Республику Молдову[71].

Иногда варианты названий предлагались отдельными учеными, публицистами, общественными деятелями. Так, историк из Николаева В. Рубан предлагал для нового украинского государства название «Украинская Республика», а в случае реформирования территориального устройства на федеративных принципах предлагалось использовать название «Украинская Федеративная Республика»[72]. Разные варианты названия для страны обсуждались и в ходе разработки новой конституции Украины: «Республика Украина», «Украина», «Украинская Республика», «Украинская Демократическая Республика», «Украинская Советская Республика» и др.

В процессе утверждения государственности официальное название Украины претерпело изменения: «Украинская Советская Социалистическая Республика», упомянутая в «Декларации о государственном суверенитете Украины» от 16 июля 1990 г., превратилась в лаконичную «Украину» в «Акте провозглашения независимости Украины» от 24 августа 1991 г. Это название и было окончательно закреплено в ст.1. Конституции Украины, принятой 28 июня 1996 г.: «Украина есть суверенное и независимое, демократическое, социальное, правовое государство».

Реализовав свое право на независимое государство, определились с официальным названием своей страны и белорусы. Закон «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики» (от 19 сентября 1991 г. № 1085-XII) постановил: «Белорусскую Советскую Социалистическую Республику впредь

называть «Республика Беларусь», а в сокращенных и составных названиях – «Беларусь». Предполагалось, что новые названия будут транслитерироваться на другие языки в соответствии с белорусским звучанием, что соответствует рекомендациям топонимической комиссии ООН на этот счет[73].

Несмотря на то, что за последние годы и Украина, и Беларусь стали устоявшимися фактами государственно-политического пространства Европы, дискуссии по поводу их названий продолжают возникать время от времени. При этом вопросы типа «Как называть страну и государство на русском языке – Белоруссия или Беларусь?», «Как правильно – «в Украине» или «на Украине»? иногда выходят за рамки филологических дискуссий, становясь предметом споров и спекуляций.

Как справедливо заметила научный сотрудник Университета имени Я.Э. Пуркине Инна Калита, ни одно государство не имеет сегодня столько названий, как Беларусь. При этом больше всего вариантов названия страны присутствует в русском языке: Белоруссия, Республика Белоруссия, Беларуссия, Белорусь, Республика Беларусь, Беларусь. О дискуссии между белорусскими и российскими исследователями по поводу написания названия страны писал в 2009 г. журнал «Родина». При этом Минск настаивает на использовании официального названия государства – «Республика Беларусь». Таким образом, название «Беларусь» постепенно становится частью русской лексики, используется как в быту, так и на официальном уровне, что может свидетельствовать о тенденции вытеснения со временем популярного прежде названия «Белоруссия».

Таким образом, территориальная проблема для Украины, Беларуси и Молдовы, провозгласивших государственную независимость, имела несколько составляющих. Во-первых, существовала необходимость легитимации внешнеполитических границ занимаемой территории в соответствии с международной практикой: признание странами-соседями и международными организациями реальных или предлагаемых границ, их демаркация и делимитация. Практическое решение проблемы затронуло «болезненные точки» взаимоотношений стран и народов: исторически обусловленная принадлежность некоторых этнических территорий государственным образованиям других народов; проблему спорных территорий, усугубленную на постсоветском пространстве отсутствием четких регламентирующих норм. Если для Беларуси «огосударствление» границ произошло довольно быстро и безболезненно, то для Украины и Молдовы этот процесс оказался затяжным и сопровождался серьезными политическими кризисами. Испытанием на прочность украинской государственности стали территориальные споры с Россией (проблема легитимности передачи Крыма и правового статуса Севастополя, конфликт вокруг острова Коса Тузла) и Румынией (многолетний спор вокруг острова Змеиный с привлечением международного суда в Гааге). Проблемы Бессарабии и Приднестровья одновременно затрагивали интересы сразу нескольких соседних стран: Украины, Молдовы, Румынии.

Решение возникших территориальных вопросов осуществлялось с активным использованием исторической аргументации. При этом каждый этнос старался сформировать картину (часто сильно мифологизированную) собственного пространства. Чаще всего визуализация подобных образов происходила при помощи карт. Огромное значение имели опубликованные в разное время карты этнической территории украинцев, белорусов, молдаван, а также исследования, посвященные формированию этнического пространства и границ. Позже легитимизирующая роль возлагалась на новейшие исторические и национальные атласы, изданные в каждой из стран. Карта фактически становилась одним из инструментов конструирования, характерного для национализирующихся стран. Из абстракции она превращалась в креативный элемент. Карты-эмблемы способствовали формированию территориальных образов в общественном сознании, становились символами политических и общественных движений, элементом государственной символики.

Примечания

1 Хабенская Е. «Родная земля»: Образы территории в этническом самосознании российских татар // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 460–461.

2 Там же. С. 460.

3 Cockburn, Cynthia. The Space Between Us: Negotiating Gender and National Identities in Conflict. London,1998. P. 39.

4 Митин И. Мифогеография: пространственные образы и множественные реальности // Communitas/ Сообщество. 2005. № 2. С. 12–25. http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/12/06/0000297210/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf

5 Хабенская Е. «Родная земля»: Образы территории в этническом самосознании российских татар // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 462.

6 Шпорлюк Р. Імперії та нації. Київ, 2000. С. 303.

7 Paasi Anssi. Boundaries as Social Processes: Territoriality in the World of Flows // Boundaries, Territory and Postmodernity. Ed by David Newman. London, 1999. P. 69.

8 Цит. по кн.: Андерсон, Бенедикт. Уявлені спільноти. Мікування щодо походження й поширення націоналізму. К., 2001. С. 215.

9 Андерсон, Бенедикт. Уявлені спільноти. Мікування щодо походження й поширення націоналізму. К., 2001. С. 215.

10 Карту с заголовком «На востоке Украина трещит по швам?» напечатала газета «Комсомольская правда в Украине (Крымский выпуск)» 27 ноября 2004 г. На первой странице издания «Факты и комментарии. Юг» за 30 ноября 2004 г. была изображена карта Украины с обозначенными на ней двумя возможными территориальными образованиями – Юго-восточной автономией и самоуправляемой территорией «Новороссийский край». Во время президентской кампании 2004 года на телеэкранах избиратели могли видеть ролик, в котором карта Украины схематически делилась на три части: западные регионы – I сорт, центральная и северная часть – II сорт и юго-восточные регионы – III сорт.

11 Петру Лучинский: Понимать и уважать друг друга... и не подозревать в чем-то злокозненном // «Дружба Народов. 1998. № 12. Эл. версия публикации находится по адресу: http://magazines.russ.ru/druzhba/1998/12/luch.html

12 Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10400301

13 О Государственном гербе и Государственном флаге Республики Беларусь http://www.bstu.by/viewarticle.php?artid=27

14 Казакевич А. Белорусская система: морфология, физиология, генеалогия // Перекрестки, 2006. № 1–2. С. 143–144.

15 Возняк Т. «Проект Украина». Итоги десятилетия // Апология Украины. Сборник статей. М., 2002. С. 185.

16 Кучма Л. Украина – не Россия. М., 2003. С. 31.

17 Там же. С. 36–37.

18 Novikov V. Belarus. A New Country in Eastern Europe. Minsk, 1994. P. 3, 4; Novikov V. Belarus. A New Land of Opportunity. Minsk, 1993. P. 3.

19 Боршевич В. Бремя нашей мифологии: «Каин, где твой брат Авель?» // Независимая Молдова. 2007. 28 февраля. Эл. версия публикации находится по адресу: http://www.nm.md/daily/article/2007/02/28/0301.html

20 Ширяев Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991. 120 с.

21 Казлоў Л.Р., Цітоў А.К. Беларусь на сямі рубяжах. Мінск, Беларусь, 1993. 71 с.

22 Заставний Ф.Д. Українські етнічні землі. Львів, 1993. 176 с.; Дністрянський М.С. Кордони України. Територіально-адміністративний устрій. Львів, 1992. 144 с.; Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1; Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Формування державних кордонів України, 1917–1940 рр. К.: Ін-т історії АН УРСР, 1991. 34 с.; Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: Історична ретро-спектива та сучасний стан. К.: Основи, 1994. 168 с.;Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Тернопіль, 1996. (переиздана в 2000 г.)

23 Виржилиу Бырлэдяну. От Бессарабии к Республике Молдова: ментальная карта конструирования символического пространства // Перекрестки. 2008. № 1. С. 26.

24 Там же.

25 Ровенчак І., Симутіна А. Перші етнічні карти українських земель XIX ст. // Пам’ятки України: історія та культура. 1992. № 1. С. 22–26.

26 Беларусы: Этнаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі: Атлас. Мінск, 1996. 33 с.

27 Там же. С. 3.

28 Гістарычны атлас Беларусі. Мінск, 1999. 34 с.

29 Атлас гісторыі Беларусі ад старажытнасці да нашых дзен: Дадатак да 6-томнай «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі». Мінск, 2004. С. 76.

30 Вялікі гістарычны атлас Беларусі ў 3-х тамах. Т. 1. Мінск, 2009. 248 с.

31 Гістарычны Атлас Беларусі. Том 1. Беларусь ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Варшава, 2008. С. 4–5.

32 Лошков Н.Б. Бессарабия к столетию присоединения России. Географический и историко-статистический обзор края. Кишинев,1912; Батюшков П.Н. Бессарабия. Историческое описание. СПб., 1892; Труды Бессарабской губернской учётной архивной комиссии. Т. 2. Кишинёв, 1902; Берг Л.С. Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. Петроград, 1918; Накко А. Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812–1828 гг. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXII. Одесса, 1900.

33 Свиньин П.П. Описание Бессарабской области // Stratum plus. 2001–2002. № 6.

34 http://oldchisinau.com/lib/books.html

[35] Стати В. История Молдовы. Кишинёв, 2002. 480 с.
[36] Терешкович П. Конструируя прошлое: исторические ресурсы современных национально-государственных идеологий // Перекрестки, 2005. № 1–2. С. 5–20.
[37] Ширяев Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991. С. 19.
[38] Казлоў Л.Р., Цітоў А.К. Беларусь на сямі рубежах. Мінск, Беларусь, 1993. С. 58–61.
[39] Там же. С. 65–66.
[40] Бущик Г. Общественное согласие на Беларуси: некоторые аспекты истории и современности // Технология политики: Гражданское и национальное согласие-первооснова консолидации белорусского общества: Материалы междунар.науч.конф. (Минск, 9–10 февр.1995 г.). Минск, 1995. С. 108–109.
[41] Заставний Ф. Кордони України: погляд вченого, політика, громадянина // Молода Галичина. 1991. 31 серпня.
[42] Заставний Ф.Д. Географія України. Львів, 1994. С. 14–18
[43] Заставний Ф.Д. Географія України. Львів: Світ, 1994. С. 14–18, 38.
[44] Tsygankov, Andrei. Pathways after Empire: National Identity and Foreign Economic Policy in the Post-Soviet World, 2001, p. 126.
[45] Дашкевич В. Гражданское согласие и национальная безопасность Беларуси: этнокультурный аспект // Технология политики: Гражданское и национальное согласие-первооснова консолидации белорусского общества: Материалы междунар.науч.конф. (Минск, 9–10 февр.1995 г.). Минск, 1995. С. 247.
[46] Конул протестує, але… // Молода Галичина. 1991. 12 вересня.
[47] Самая политическая карта СССР // Московские новости. 1991. 17 марта.
[48] Відомості Верховної Ради України. 1992. № 2. Ст. 5.
[49] Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1992. № 31. Ст. 509.
[50] Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 21. Ст. 264.
[51] Monitorul Oficial 12/107, 03.11.1994
[52] Заставний Ф.Д. Геграфія України. У 2-х книгах. Львів, 1994. С. 11.
[53] Markus, Ustina. Ukraine: Foreign Policy As A Security Tool // Transition. Vol. 1. No. 13 (28 July 1995).
[54] Тихомиров А.В. Отношения Беларуси с соседними государствами Центральной и Восточной Европы (Польшей, Литвой, Латвией) в 1991–2001 гг. // http://www.portalus.ru/modules/belarus/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1141347534&archive=&start_from=&ucat=20&category=20
[55] От делимитации до демаркации. Как определяются «последние пяди родной земли» // Народная газета. 2010. 20 февраля. Эл. версия публикации находится по адресу: http://www.ng.by/ru/issues?art_id=43799&is_project=1
[56] Там же.
[57] Шпорлюк Р. Імперії та нації. Київ, 2000. С.304.
[58] Миллер А. Украина как национализирующееся государство // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2. http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55612.htm
[59] Кучма Л. Украина – не Россия. М., 2003. С. 50–51.
[60] Травников А.И. Коса Тузла: перечисленная территория. Краснодар, 1998. 72 с.
[61] Травников А. Коса Тузла и стратегические интересы России. Ростов-на-Дону, 2005. С. 41–42.
[62] По материалам официального сайта Государственной пограничной службы Украины. http://www.pvu.gov.ua

[63] Николае Черномаз: «Молдова будет там, где защищены и учтены ее интересы»// Киевский Телеграф. 2004. 28 мая – 3 июня. http://www.telegrafua.com/212/world/2273/
[64] Нордберг М., Кузио Т. Построение наций и государств. Историческое наследие и национальные самосознания в Белоруссии и Украине (Сравнительный анализ) // Белоруссия и Россия: общества и государства. М., 1997. С. 380.
[65] Мельник В.А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология. Минск, 1998. С. 40–41.
[66] Мяльгуй А. Як нас цяпер называць? // Народная газета. 1991. 14 мая.
[67] Ширяев Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991. С. 16.
[68] Там же. С. 17.
[69] Казакевич А. Белорусская система: морфология, физиология, генеалогия // Перекрестки. 2006. № 1–2. С. 148.
[70] Рогалев А.Ф. Белая Русь и белорусы (В поисках истоков). Гомель, 1994. С. 80.
[71] Стати В. История Молдовы. Кишинёв, 2002. С. 397.
[72] Рубан В. Ім'я для держави // Факт, 1991. 5 травня.
[73] Заканадаўчыя акты аб дзяржаўнай сімволіцы Рэспублікі Беларусь / Склад. А.А. Трусаў, Лазавікоў. Мінск, 1994. С. 6.

Инесса Хатковская

ИЗ НЕДОЛГОЙ ИСТОРИИ НЕЗАВИСИМОГО БЕЛОРУССКОГО КИНО (1989–1997)

Abstract

The article considers the development of independent cinema in Belarus in post-Soviet period, more precisely – since 1989. It is focused primarily on institutional dimension of its development and on activities of independent studious in the period between 1989 and 1997. The attention is paid to: (1) social, political and economic conditions, which determined specificity of this field in Belarus and made possible both rise and disappearance of independent studious; (2) specificity of independent studious' activity, their relations with state film institutions, and their role in the development of Belarusian film-industry; (3) State film policy at the late 1980-s and early 1990-s. The aim of the article is not to provide exhaustive picture of the development and activity of all independent studious which existed at that time in Belarus, but rather to trace and analyze conditions, which made possible existence (even short term) of such studious and reasons which caused their fast disappearance.

The following materials were used in the process of the research: (1) publications in Belarusian newspapers and magazines (which are one of the main sources for reconstruction of processes, which took place in Belarusian cinema at the end of 1980s – beginning of 1990s); (2) interviews with some of the most active participants in the development of Belarusian (independent) cinema; (3) official decrees and resolutions, which (de) legitimated parameters of this field; (4) archive documents and published materials of the Belarusian Filmmakers' Union.

Введение

Результаты опроса журнала «Кинофорум» за 2005 г., направленного на прояснение ситуации с развитием киноиндустрии в бывших союзных республиках, продемонстрировали очень интересную картину в отношении Беларуси. На вопрос о том, какая доля финансирования кинопроизводства приходится на государство, применительно к белорусской ситуации ответом стало краткое «*100%*» финансирование. На вопрос о том, сколько независимых студий участвовало в производстве, ответ был: «*ни одной*». Такая ситуация практически неизменна на протяжении 2000-х гг., с совсем небольшими вариациями. Продукция же, к примеру, Украины и Литвы была представлена 23 и 13 студиями соответственно. Все студии – частные. При этом в Литве доля государственного финансирования составила около 50%, а Украине бюджетное финансирование составило только незначительную часть; направлено оно было на производство «национальных фильмов» согласно проводимой программе «Создание и распространение национальных фильмов», при этом не только на производство, но и на тиражирование и распространение фильмов[1].

Такое специфическое положение дел в белорусской киноиндустрии – государственное финансирование и отсутствие независимого кинопроизводства – в начале XXI века является достаточно уникальным феноменом. Кинематограф оказался практически полностью монополизирован государством, а единственным белорусским кинопроизводственным «брендом» является Национальная киностудия «Беларусьфильм». Возможно, эта ситуация и не заслуживала бы особого внимания, если бы ни повышенное внимание государства к кинематографу в последние несколько лет, набирающие обороты разговоры о национальном кинематографе – о «современном белорусском кино» – в белорусских СМИ, и великие национальные кинопроекты, привлекающие к себе внимание разочарованной в очередной раз общественности, в который раз убеждающейся, что ситуация нисколько не меняется – национальные кинопроекты есть, а национального кино нет[2].

Все это – следствие весьма специфического понимания развития киноиндустрии в стране. Вместо проведения определенной политики в области кино – выделение денег из государственного бюджета на производство «национальных кинопроектов» на киностудии «Беларусьфильм», дальнейшая прокатная судьба которых мало кого интересует – не только киностудия снимает с себя заботу об этом, до этого нет дела ни сети кинотеатров, ни белорусскому телевидению. Этот замкнутый круг и есть то, что пытаются продвигать как «современное белорусское кино». А такая политика – государственное административное регулирование, ассоциация белорусского кинематографа только с «Беларусьфильмом» и государственным бюджетом, отсутствие внимания к прокату, а также превалирующее отсутствие независимых от государства киностудий и негосудар-

ственных источников финансирования – ставит под вопрос существование киноиндустрии в Беларуси в принципе.

Вместе с тем такое положение дел в белорусском кинематографе начинает восстанавливаться к середине 1990-х гг. До этого времени почти целое десятилетие было отмечено попытками его реорганизации в новых условиях – на основе свободного рынка и независимого продюссирования. И даже на фоне бесконечных разговоров об общем кризисе в кино кинематографическая сцена страны представляла собой весьма интересную, насыщенную различными красками картину, с бурными дискуссиями о «кино и вокруг кино». Именно в этот период появляется независимый кинематограф. Независимость здесь понимается как независимость от государства – как финансово, так и идейно, что для Беларуси, как и для других бывших республик Советского Союза после распада централизованной административной системы регулирования и государственного финансирования кинематографа явилось совершенно новым феноменом. Начиная с 1989 г. в Беларуси образовался и на протяжении нескольких лет существовал целый ряд таких независимых киностудий. Это был период, когда государство после распада Советского Союза было неспособно ни экономически поддерживать кинематограф, ни проводить хорошо продуманную культурную политику, направленную на реорганизацию кинематографа с учетом новой политической, экономической и культурной ситуации. Возникшие независимые студии являлись ключевыми в публичных дебатах – как киноведов, так и журналистов – о реорганизации и дальнейшем развитии белорусского кино в ситуации практически полной комы «Беларусьфильма», и позволили выжить (в буквальном смысле) белорусскому кинематографу в тот период. Однако уже к концу 1990-х от этого бума ничего не осталось – практически все независимые киностудии прекратили свое существование (чему свидетельством картина опроса журнала Киноформум), благодаря тем условиям, которые были созданы или не созданы государством для его развития.

Очень часто этот период ускользает от рассмотрения, теряясь между двумя системами – советской системой централизованного административного регулирования и постсоветской, но только с того момента, когда внимание государств непосредственно обращается к кинематографу, проводя целенаправленную политику в области развития национальных кинематографий. Во многих постсоветских государствах, так же как и в Беларуси, это происходит только в конце 1990-х – начале 2000-х гг., параллельно с появлением законов о национальных кинематографиях[3]. Вместе с тем период первой половины 1990-х гг. представляется важным, поскольку независимое кинопроизводство, которое появляется в это время, во многом становится основанием последующего развития киноиндустрий в новообразовавшихся на постсоветском пространстве государствах, поскольку именно тогда закладываются основания их последующего развития.

Однако этот период, как правило, рассматривается скорее только в контексте кризиса, вызванного распадом всей системы советского кино.

В данной статье рассматривается появление и развитие независимого кинематографа в Беларуси в постсоветский период, точнее, начиная с 1989 г.[4], проанализирована траектория его развития. Внимание сосредоточено главным образом на деятельности независимых киностудий в период с 1989 по 1997-й г., и в первую очередь на институциональном измерении этого поля. Меня интересует: 1) как(ие) специфические социальные, экономические и политические условия обусловили специфику этого поля в Беларуси, способствовали как его появлению, так и его исчезновению; 2) специфика деятельности независимых студий; их взаимоотношения с государственными киноструктурами, их роль в развитии киноиндустрии в стране; 3) государственная политика в области кинематографа начиная с 1989 г. Я не ставлю своей задачей представление целостной картины истории развития и деятельности всех независимых студий в Беларуси в обозначенный период (хотя, возможно, этой истории еще предстоит быть написанной). Скорее моя цель – проследить и проанализировать условия, в которых появление и существование – хоть и не продолжительное – этих студий стало возможно, а также причины того, почему, не продержавшись и десятилетия, им пришлось исчезнуть с кинематографической сцены Беларуси.

В качестве материалов для анализа (но также и для реконструкции истории и специфики развития независимого кинематографа в Беларуси), мною были использованы: 1) публикации в белорусских СМИ (которые являются одним из основных источников реконструкции происходящих в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессов в белорусском кинематографе[5]); 2) интервью с некоторыми активными участниками становления и развития независимого кинематографа в Беларуси; 3) государственные документы и постановления, сыгравшие роль в (де)легитимации и определении параметров этого поля; 4) архивные материалы (киностудии «Беларусьфильм», Союза кинематографистов Беларуси), опубликованные материалы Союза кинематографистов.

Контекст: «Кинематограф на грани нервного срыва»[6]

Дина Иорданова, болгарская по происхождению исследовательница, автор многочисленных публикаций по балканскому и восточно-европейскому кино, начинает свою статью, посвященную состоянию болгарского кинематографа в начале 1990-х гг. со следующего описания: «Было приостановлено государственное финансирование, студии оказались пустыми в ожидании зарубежных съемочных компаний, появилась огромная армия безработных профессиональных работников кино, местная кинопродукция исчезла с большого экрана, и подавляющее большинство фильмов на местных кинорынках оказался американский импорт»[7]. Именно в таком состоянии в начале 1990-х гг. оказались ки-

нематографии не только стран всей Восточной и Центральной Европы, но также республик бывшего Советского Союза. Распад коммунистической системы имел катастрофические последствия для кинематографической культуры образовавшихся новых, или реорганизовавшихся в новых условиях прежних, национальных государств. Помимо институтов политической цензуры и контроля, все они до распада имели государственную централизованную систему административного регулирования и финансирования кинопроизводства, единую систему кинопроизводства и кинопроката. С падением же коммунистической системы вся эта система распалась.

Однако в советском кинематографе трансформации начинаются еще до распада Советского Союза, во время перестройки. Теоретически это происходит уже в 1986 г., после знаменитого V съезда кинематографистов СССР, на котором была провозглашена «новая базовая модель кинопроизводства». Эта модель предполагала демонополизацию советского кинематографа, наделение творческой и экономической независимостью кинематографистов союзных республик, начало организационно-экономической перестройки всего советского кинопроизводства и кинопроката. На деле же процесс радикальных изменений начался в 1989-м г., после выхода постановления Совета министров СССР № 1003 (от 18 ноября 1989 г.) «*О перестройке творческой, организационной и экономической деятельности в советской кинематографии*»[8], которое стало законодательным оформлением «новой базовой модели кинопроизводства» и основанием последующих трансформаций в советской киноиндустрии.

Основные положения этого постановления предполагали «последовательный переход к новым прогрессивным общественно-государственным формам организации кинопроцесса, повышение роли общественных организаций, творческих работников и коллективов в этом деле», передачу в ведомства союзных республик управления находящихся в них кинематографий, с тем, что формы управления устанавливались Советами министров республик «самостоятельно с учетом национальных традиций, территориальных и других местных условий». К тому же этим постановлением было рекомендовано «широко используя современные демократические формы управления, создавать в союзных и автономных республиках, краях и областях самостоятельные творческо-производственные кино- и видео-объединения, кинокомбинаты и другие организации кинематографии» нового типа, которые бы обладали «полной творческой и хозяйственной самостоятельностью». Этим постановлением также было рекомендовано «перевести в течение 1989–1990 гг. все звенья производства и проката кино- и видеопродукции на новые условия хозяйствования»[9].

Для республиканских кинематографий, которые на протяжении семидесяти лет находились в непосредственном подчинении Госкино СССР, полностью следовали проводимой Центром политике и финансировались из союзного бюджета, такой поворот событий стал поистине радикальным. В отличие от многих

Восточно- и Центральноевропейских стран, где государственная монополизация кинематографа началась только в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века, кинематографии большинства союзных республик, появившись только после Октябрьской революции, не знали другой системы, кроме как административно-командной и государственного финансирования (или знали очень недолгий период до национализации кинематографа в 1919 г. или в период НЭПа, когда частное кинопроизводство появляется на непродолжительное время). Инициируемые *постановлением* новые формы творческой и хозяйственной деятельности – самостоятельность и хозрасчет – означали, помимо избавления от былой идеологической зависимости, необходимость осваивать новые формы политик финансирования, а для республиканских ведомств – необходимость самостоятельно развивать формы координирования этих процессов в своих республиках. Однако в непростой экономической ситуации переходного периода культура, в том числе и кино, стали своего рода обузой для союзных республик. Они продолжали (если могли себе это позволить) выделять минимальные для поддержки этой сферы деньги из государственного бюджета, но делалось это по сохранившейся инерции, а не в контексте развития определенных программ развития киноиндустрий. В результате кинематографии переданные в республиканские ведомства оказались в большинстве случаев брошенными на произвол судьбы. Но, как бы то ни было, *постановление* стало основой последующей радикальной трансформации всей советской киноиндустрии и укоренения ее, теперь уже раздробленной, в ведомствах бывших союзных республиках.

Последовавший вскоре распад Советского Союза усугубил ситуацию. Как отмечает Елена Стишова в предисловии к книге «Территория кино»: «Экономическая дезинтеграция на территории бывшего «монолитного единства» сопровождалась распадом единого информационного пространства, инфраструктур кинопроизводства и кинопроката»[10]. С прекращением централизованного государственного финансирования в 1990 г., и в отсутствии разработанных механизмов финансирования в местных ведомствах, крупные киностудии союзных республик страны начали пустеть, кинематографисты – терять работу, а кинотеатры «прорывались мебельными и автомобильными магазинами, казино, ресторанами»[11]. Открывшиеся границы, легитимация беспошлинного и практически бесконтрольного ввоза зарубежной кинопродукции привели к тому, что местные рынки заполнила зарубежная пиратская продукция. Свои же фильмы практически полностью исчезли с экранов в виду своей казавшейся на тот момент экономической нерентабельности перед своими западными конкурентами не самого лучшего качества. Прокат перестал работать на производство (40 процентов прибыли от которого в советские времена шло на производство фильмов), кинотеатрам оказалось просто невыгодно покупать местную продукцию, да и механизмы ее продаж и продвижения надо было изобретать заново. В этот период особенно много писали о двух параллельных процессах –

исчезновении своей продукции и заполнении экранов зарубежной пиратской продукцией. Именно здесь, в точке слияния этих двух процессов, и начинается отсчет кризисного состояния киноиндустрий бывших союзных республик, во многих государствах не завершившегося и по сей день[12].

Вместе с тем переходный период, повергший советскую киноиндустрию в целом в такое кризисное положение, предоставил и совершенно новые возможности. *Постановление* освободило кинематографистов от былого идеологического гнета и экономической зависимости от государства и наделило их правами на независимую от государства деятельность: оно стало законодательной базой новых экономических условий существования кинематографа и выхода на сцену новых самостоятельных, независимых от государства субъектов кинопроцесса. Ставший началом самостоятельного развития кинематографий тогда еще союзных республик, этот период стал также и временем появления и развития независимого от государства кинематографа. Именно на конец 1980-х – начало 1990-х гг. приходится возникновение первых независимых студий во многих бывших республиках Советского Союза, в том числе и в Беларуси – как следствие произошедших изменений. И, несмотря на неоднозначное отношение к этому процессу, а также к условиям, которые сделали это возможным – на чем мы остановимся чуть позже, этот этап представляется важным для последующего развития инфраструктур уже национальных кинематографий бывших союзных республик.

Коридоры призраков

> *Я хлопнул дверью парадного входа и пошел по длинному коридору. Это был темный прокуренный тоннель, в конце которого слабо мерцал свет. Паркет под ногами был выщерблен до бетонного основания. Призрачные фигуры стояли в нишах, скрытые за сизыми облаками табачного дыма. Воспоминания о прошлом смотрели на меня со стен: лица, глаза, персонажи истории. Вот проплыла мимо мраморная доска: «В этом кабинете работал известный кинорежиссер…» Вторая доска, третья… Нет, это только призраки. Они окружали меня толпой черно-белых теней. Было сыро и холодно. И я поежился. Где я? Это был пустынный музей. Или склеп. Или вокзал времен гражданской войны…Это был – «Беларусьфильм»*[13].

В Беларуси с началом трансформаций институт кино, несмотря на провозглашенную самостоятельность киноотрасли, был присоединен к Министерству культуры (позже – Министерство культуры и печати) или, как сказала Алла

Бобкова[14]: «система "втиснула" кино в Министерство культуры»[15]. Переход управления кинопроцессом к Министерству культуры был определен постановлением от 22 августа 1988 г. № 245 «О генеральной схеме управления министерства культуры БССР»[16], согласно которому *все* находящиеся ранее в непосредственном подчинении государственного комитета БССР по кинематографии предприятия, организации и учреждения, *кроме тех, кто занимается прокатом фильмов*[17], становились подчиненными Министерству культуры. Именно тогда распалась целостность белорусской киноиндустрии: произошло разделение кинопроизводства и кинопроката. По мнению многих кинематографистов именно этот шаг стал одним из «роковых моментов» для перестроечной белорусской киноиндустрии, означавший «утрату целостности кинематографа». «Ненормальность их слияния»[18] стала особенно очевидна в преддверии прекращения финансирования кинематографа со стороны Госкино СССР и в то же время неспособности местных бюджетов взять на себя эту функцию.

Собственно, на присоединении кинематографа республики к Министерству культуры все и остановилось. Несмотря на провозглашенную *постановлением* необходимость реформы (в частности, рекомендации республикам разделения кинопроизводства и кинотворчества, создание киноструктур нового типа) в Беларуси со стороны республиканского правительства никаких действий по реорганизации кинематографа не последовало. Хотя кризис в белорусском кинематографе нарастал, и необходимость реформ всей системы кинематографии становилась очевидна еще с 1989 г. Однако весь 1990 г., а впоследствии и все 1990-е гг. кинематограф Беларуси находился в ожидании реформ. Государство, пустившее все на самотек, «передало» свои полномочия в определении дальнейшей судьбы кинематографа кинематографистам – точнее, им самим пришлось взять все в свои руки. Однако помимо инертности республиканского правительства вопрос реорганизации белорусского кинематографа уперся в непробиваемую стену инертности и ригидности консервативного руководства киностудии «Беларусьфильм», единственной киностудии в Беларуси, но не способной перестраиваться под новые условия и не желающей утрачивать свои былые привилегии на монополию кинопроизводства в стране.

Уже к концу 1980-х гг. киностудия «Беларусьфильм» оказалась в довольно плачевном состоянии. Прекращение централизованного финансирования студии со стороны Госкино СССР сопровождалось неспособностью республиканского правительства в связи с тяжелой экономической ситуацией взять на себя эту функцию – речь шла о приостановке финансирования вообще. Это привело к тому, что к 1990-му г. киностудия «Беларусьфильм» оказалась практически не в состоянии обеспечивать за счет собственных проектов (государственного заказа) своих сотрудников. В 1990-е г. по сравнению с 1980-ми объем кинопроизводства на «Беларусьфильме» сократился практически в пять раз, а штат сотрудников – сократился с 1300 до 640 человек[19]. Продукция «Беларусь-

фильма» окупалась только на 3–5%, многие ключевые сотрудники начали активно покидать студию, не имея там работы, а оставшиеся на студии кинематографисты простаивали без работы. На протяжении 1990-х гг. среднее количество собственных игровых производимых на киностудии фильмов варьировалось от 2 до 5 (притом что в советские времена в 1960–1980-е гг. выпускалось по 12–15 игровых фильмов в год). В 1994 г. загрузка студии на государственные деньги составляла только 17%, что вело как к последующему сокращению штата киностудии, так и активной сдаче ее в аренду. В 1996 г. на киностудии снимался один фильм, а работники киностудии были переведены на контрактную систему по найму. Прекращение государственного финансирования, практически полная остановка кинопроизводства, вывод сотрудников за штат – все это стало реальностью.

По сути дела, с самого начала 1990-х гг. киностудия «Беларусьфильм» существовала, скорее, уже как кинопроизводственная база (то есть кинофабрика), выживая только за счет сдачи в аренду своих ресурсов – производственных и технических – внешним заказчикам. За счет этого выживал и оставшийся там высококвалифицированный штат технических работников (звукорежиссеров, монтажеров, и т.д.).

Лишь на недолгий период на студии произошли структурные изменения. Как следствие реализации «новой базовой модели» в 1987 г. на киностудии появляется несколько подразделений – самостоятельных творческих объединений: три студии игрового кино (студия «Кадр» во главе с Вячеславом Никифоровым, студия «Диалог» во главе с Игорем Добролюбовым, и студия им. Ю. Тарича во главе с Виктором Туровым), одна студия документального кино и одна – анимационного. Эти студии, следуя положениям новой модели, теоретически представляли собой относительно самостоятельные творческие объединения и имели право распределять выделяемые из госбюджета средства под самостоятельно выбранные проекты. Вместе с тем, будучи структурными подразделениями «Беларусьфильма», они не имели статуса юридических лиц и собственных счетов, деньги поступали на общий счет студии, где зачастую и застревали. Уже в декабре 1990 г. они были расформированы руководством киностудии «Беларусьфильм» как «не оправдавшие себя». Этот шаг вызвал бурную реакцию в среде кинематографистов, которые просто были поставлены перед самим фактом расформирования[20]. В действительности же такая множественность субъектов кинопроцесса в рамках студии, надо полагать, попросту оказалась «неудобной» для руководства «Беларусьфильма», стремившегося всю власть сконцентрировать в своих руках. В 1990 г. киностудия, после этого недолгого «прорыва», вновь перевоплощается в монолитную конструкцию, не желающую реагировать на происходящие вокруг изменения – точнее, на ситуацию вынужденности этих изменений и невозможности существовать, руководствуясь прежними механизмами. Все изменения, происходившие на «Беларусьфильме» в этот период

(первая половина 1990-х годов), сводились в основном к двум вещам: во-первых, к сокращению штата работников с параллельным разрастанием бюрократического аппарата, а во-вторых, к поиску внешних заказчиков для сдачи в аренду ресурсов и производственно-технической базы студии.

Массовый уход в этот период со студии многих ключевых белорусских кинематографистов не в последнюю очередь был обусловлен такой неподвижностью «Беларусьфильма». Однако перестраиваться под новые условия были готовы далеко не все, как далеко не все и хотели делать это. Кинематографисты, чьей основной работой являлась работа на киностудии «Беларусьфильм», встали перед необходимостью реорганизовывать себя уже на основе рынка, что под силу оказалось далеко не всем. Часть кадрового ядра студии (режиссеры и операторы), те, кто не хотел расставаться с привычными механизмами обеспечения своей жизнедеятельности, продолжали удерживаться на своих местах – до тех пор, пока это было возможно (в 1996 г. всех вывели за штат). Другая же часть начала активно покидать «Беларусьфильм», идя навстречу неизвестности и открывшимся возможностям организовывать свои собственные студии, под потоком упреков и обвинений со стороны первых.

Из недолгой истории независимого белорусского кино

Часть 1. Раскол

Так на фоне радикальных трансформаций в советской киноиндустрии, распада всей ее инфраструктуры, кризиса в государственном секторе кинематографа, угасающей деятельности и постепенного впадения в «летаргический сон» единственной киностудии страны в Беларуси, как и в других бывших союзных республиках, начинает активно развиваться деятельность независимых студий. Независимость этих студий определялась прежде всего экономическими параметрами – независимые от государственного финансирования. Назывались же они по-разному: независимые, альтернативные, свободные, параллельные[21], а также еще можно было встретить в газетных и журнальных публикациях – вневедомственные, негосударственные или частные. Начало этого процесса приходится на 1989 г. Законодательной базой его стало уже неоднократно упомянутое *постановление*, которое легитимировало возможность образования самостоятельных, независимых от государства творчески и экономически, киностудий. В Беларуси инициатором и активным проводником трансформаций стал Союз кинематографистов[22] БССР (позже – Беларуси), выступивший одновременно и учредителем большинства независимых студий.

10 августа 1991 г. в Декларации учредительной конференции было провозглашено создание *Ассоциации независимого кино Беларуси*. В ней говорилось: «В условиях распада государственных сфер кинематографа и нарастающей ком-

мерциализации сферы культуры мы, представители независимых киностудий Белоруссии, совместно с Союзом кинематографистов БССР, провозглашаем создание Ассоциации независимого кино Белоруссии». В Декларации этой ассоциации были обозначены следующие цели: (1) содействие возрождению национальной культуры; (2) содействие свободному развитию и самореализации различных направлений, школ и творческих индивидуальностей в кинематографе; (3) соединение талантов, средств и материально-технических ресурсов кинопроизводства; (4) повышение конкурентоспособности белорусских фильмов на внутреннем и внешнем рынках». Декларация была подписана сопредседателями СК БССР Вячеславом Никифоровым и Анатолием Красинским, а также художественными руководителями ряда белорусских независимых киностудий (или, как они были зафиксированы в протоколах – «студии киновидеопроизводства»), существовавших на тот момент: Борисом Горошко, студия «Грамада», Александром Карповым-младшим, ст. «Артель-Ф», Олегом Белоусовым, ст. «АБЦ», Вячеславом Никифоровым, ст. «Кадр-2», Валерием Рыбаревым, ст. «Ард-фильм»[23].

Этот шаг – создание Ассоциации – обусловлен необходимостью консолидации усилий всех белорусских независимых киностудий, которые были на тот момент совершенно бесправными с законодательной точки зрения субъектами кинематографического процесса (в своем статусе независимые студии были приравнены к посредникам, поскольку не имели собственных производственных баз). Одной из целей Ассоциации стала попытка «подтолкнуть белорусское законодательство к созданию льготных условий для независимого кино»[24] в республике. К этому времени в Беларуси существовало уже одиннадцать независимых студий, учрежденных при правлении СК БССР и кинофонде СК: Студии «АБЦ», «Ард-фильм», «Грамада», «Кадр-2», «Артель-Ф», «НС», «Татьяна», «Лес», «Альбаруссиа», «Альбаруссиа-К», «Спектр-К»[25]. Рост количества студий продолжался, и период 1990–1992 гг. многие характеризуют как бум независимого кинопроизводства в Беларуси[26].

Первая независимая студия появилась в Беларуси в 1989 г. Это **студия «АБЦ»** (Анимационный Белорусский Центр), художественным руководителем которой стал белорусский мультипликатор Олег Белоусов. История появления, или, точнее, ее отделения от «Беларусьфильма», показательна в том, как не хотелось «Беларусьфильму» терять свои части. Студия мультипликации пыталась отделиться еще с 1988 г. Олегом Белоусовым было подготовлено руководству студии «Беларусьфильм» письмо («Об отделении студии мультфильмов в самостоятельное творческо-производственное объединение, подчиненное напрямую Госкино БССР»). В этом письме собрание коллектива мультстудии просило «предоставление творческой и производственной самостоятельности» и «предоставление права юридического лица и собственного счета в банке»[27]. На тот момент это стало событием, предметом бурных обсуждений на заседаниях совета творческо-производственного коллектива «Беларусьфильма», однако после долгих

дискуссий ответ был: «преждевременно»[28]. Однако уже в 1989 г. Олег Белоусов и еще 40 мультипликаторов со студии «ушли, громко хлопнув дверью», и организовали собственную студию. Свое желание отделиться О. Белоусов объяснял так: «Со временем невозможность больше находиться в рамках «Беларусьфильма»: мизерные расценки, слабое материальное обеспечение». Уход – это был поиск «свободы от экономического и эстетического гнета «Беларусьфильма»»[29]. Это был первый радикальный шаг, которому последовали многие ведущие белорусские кинематографисты в последующие несколько лет.

Тогда же, в 1989 г., также была образована студия **«БНС»** («Белорусская независимая студия»), художественным руководителем и директором которой стал Михаил Пташук. В январе 1990 г. появляется студия **«Артель-Ф»**, инициатором, основателем и художественным руководителем студии стал Александр Карпов-младший. Тогда же – студия **«Грамада»** – «белорусская студия «социального фильма», ее художественным руководителем стал Борис Горошко. Следом – студия документального фильма **«Лёс»,** возникновение которой становится реакцией на неудавшуюся попытку студии «Летопись» (студия документальных фильмов при киностудии «Беларусьфильм») стать самостоятельной студией. В 1991 г. появляются студия **«Ард-Фильм»** (художественный руководитель Валерий Рыбарев), студия **«Кадр-2»** (художественный руководитель Вячеслав Никифоров) и студия **«Татьяна»** (председатель правления Татьяна Логинова, художественный руководитель Элла Милова, директор – Ирина Письменная). В 1993 г. появляются студия **«Теле-Арс»**, художественный руководитель Сергей Артимович; студия **«Крынь»**, художественный руководитель Виктор Шевелевич; студия **«Проффи-С»**[30] и, надо полагать, целый ряд других[31].

Образовавшиеся независимые студии были различны по своим программам, специфике деятельности и в целом по кадровому составу. Однако важным моментом и общим местом стало то, что основное организаторское и кадровое ядро этих студий составили ведущие на то время белорусские кинематографисты среднего поколения, покинувшие «Беларусьфильм» (среди них уже названные Александр Карпов-младший, Татьяна Логинова, Валерий Рыбарев, Вячеслав Никифоров, Михаил Пташук, Олег Белоусов). «Прогрессивная» часть общественности и кинематографистов расценивали их поступок как «мужественный и рискованный» (уже «сам отвечаешь за все своей головой»), другие же, особенно остававшиеся в государственном секторе коллеги, а также консервативные критики, восприняли этот шаг однозначно: как предательство «Беларусьфильма» и, более того, как предательство белорусского кино в целом[32].

Для ушедших же со студии кинематографистов этот шаг стал не только ответом на инертность руководства «Беларусьфильма» в сложившихся условиях; свой уход со студии они объясняли и открывшимися возможностями полной творческой свободы в реализации собственных проектов, возможностями экспериментирования – что после длительного периода жесткого идеологического

диктата становилось особой ценностью. В тот период, отмечал в одном из интервью Вячеслав Никифоров, «множество инициативных людей выдвинулось вперед: множество из них стали активными участниками общественно-политических акций СК БССР, у многих открылось «второе дыхание» в профессиональной среде».

Именно тогда в среде белорусских кинематографистов начался серьезный раскол – на государственное крыло («Беларусьфильм») и общественное (СК и независимые студии). Принципиально противоположные позиции, которые эти две группы заняли по отношению к происходящему, но также и к дальнейшей судьбе белорусского кинематографа, очень интересны. Как отмечала Алла Бобкова: «в противоборство вступили две психологии переходного времени», с одной стороны, «отказ от благополучия, попытка цивилизовать экономические связи внутри отрасли» и «предпочтение принципа управления и развития монополии, сохраняющей внутри себя всевозможные гарантии»[33]. Часть предпочла оставаться приверженцами старой системы, пытаясь ухватиться за еще оставшиеся ниточки из прошлого и активно выступала за монолитность «Беларусьфильма», единство кинотворчества и кинопроизводства, необходимость государственного финансирования. Проводником этой позиции стала государственная киностудия «Беларусьфильм», ее руководство и многие из тех, кто продолжал там работать (точнее, «числиться»). Другая же часть, во главе с Союзом кинематографистов Беларуси, поддерживала «радикализм базовой модели» и всячески приветствовала реформу всей системы кинематографа: множественность равноправных субъектов кинопроцесса, создание студий нового образца с полной творческой и экономической свободой, и разделение кинопроизводства и кинотворчества, то есть трансформацию киностудии «Беларусьфильм» в «комбинат с новыми функциями»[34]. Большинство кинематографистов, примкнувших к этой группе, это как раз те, кто уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стали покидать «Беларусьфильм», и на деле осуществлять «новую базовую модель кинопроизводства», создавая собственные студии. «Крышей» для многих из них выступил как раз СК БССР, который явился учредителем большинства независимых киностудий.

В 1992 г. А. Бобкова писала: «Сегодня пейзаж белорусского кино выглядит как сеть островков, среди которых особняком стоит в мрачном ожидании не то приватизации, не то акционирования, киностудия «Беларусьфильм»»[35]. Это описание оставалось справедливым на протяжении всего рассматриваемого периода, пока независимые студии были видимы на кинематографической сцене Беларуси.

Часть 2. От «идеологического императива Политбюро» к «экономическому императиву капитализма»

Внезапная творческая свобода, которую обрели кинематографисты, обернулась для них одновременно и целым рядом сложностей. Первая сложность была связана с необходимостью отныне самостоятельно финансировать собственные проекты и поддерживать существование своих студий. Опыта же действий в рыночных условиях не было. До этого кинематографисты были в некотором смысле нанятыми на работу государством и поэтому не могли проводить политику собственного финансирования через коммерческое производство или кассовые сборы. После ухода из системы государственного кинематографа им нужно было учиться основам фандрайзинга (поиска денег) для обеспечения своей деятельности, а государственных механизмов поддержки такого рода деятельности еще не сформировалось. Рискнувшие уйти из под государственной опеки кинематографисты оказались в ситуации, как отмечает Поль Коатс, когда «экономический императив капитализма заменил собой идеологический императив, устанавливаемый Политбюро»[36].

Одна из возможностей, позволившая независимым студиям выжить на первом этапе, открылась благодаря параллельной реформе банковской системы (Госбанка СССР), которая привела к возникновению частных акционерных обществ и банков. Банковские кредиты становились основой финансирования деятельности всех студий в начале 1990-х гг., и получить их в целом не составляло особой сложности. В Беларуси в то время существовал целый ряд банков, которые финансировали фильмы независимых студий и выступали спонсорами различных культурных акций, включая и фестивальную деятельность («Микобанк», «Банк Юго-западный», «Приорбанк» и другие). Часть из них уже давно прекратила свое существование, часть слилась с другими банками, часть продолжает свое существование. И несмотря на то, что *постановление № 1003* рекомендовало (п.19) «учреждениям банков СССР на условиях заключенных кредитных договоров предоставлять кредиты *государственным* кино- и видеостудиям для создания и проката фильмов…», рекомендации эти начали осуществляться, прежде всего, в отношении независимых студий, а не государственного крыла кинематографа, который еще долгое время не мог перестроиться под новые экономические условия[37]. Возможность брать в банках кредиты под съемки своих собственных фильмов способствовала разворачивающейся деятельности независимых студий. Однако это же означало для руководителей студий взятие на себя очень серьезных обязательств. Взяв деньги в банках под «личную финансовую ответственность», они должны были думать о том, прежде всего, как эти деньги вернуть.

Это определяло во многом специфику деятельности руководителей студий и подход к тому, что и как они делали. Они вынуждены были просчитывать все с

самого начала, придерживаться сроков и бюджета, совмещать, по возможности, относительную производственную дешевизну фильмов с их качеством и привлекательностью для зрителя, а также заниматься маркетингом и саморекламой. Они отказались от дорогих проектов, снимали малобюджетное кино и много экспериментировали. В частности, именно независимые студии начали пробовать гораздо более дешевые технологии производства, как, например, съемки на цифровое видео, и перевод его, в случае, если фильм удался и нашел покупателя, на видео для демонстрации в кинотеатрах. И именно в независимых студиях нашли возможность реализоваться некоторые молодые режиссеры (что при неизменном «среднем возрасте» «Беларусьфильма» за 50 лет было значительным достижением).

Бывшие режиссеры государственной киностудии, нынешние руководители независимых киностудий, оставаясь режиссерами, становились одновременно и продюсерами, что в корне меняло их отношение к собственной деятельности. Они вынуждены были изначально продумывать последующую судьбу производимых фильмов, как собственных, так и приглашаемых ими режиссеров. А для этого – ориентироваться на рынок, делать такие фильмы, которые затем бы окупались. И это во многом определяло их тематический репертуар и жанровую специфику. Поэтому репертуар независимых студий разительно отличался от того, что производилось на «Беларусьфильме». Так, если «Беларусьфильм» больше предпочитал темы, связанные с историческим прошлым и историческими личностями Беларуси, обращался, в первую очередь, к белорусской литературе, то репертуар независимых студий, как правило, сосредотачивался на современной проблематике, семейных драмах и любовных историях, детективных сюжетах и произведениях зарубежных авторов. За что нередко независимые студии особенно попрекали. Студии сами вынуждены были искать возможности продаж и проката этих фильмов – и, прежде всего, на внешних рынках, поскольку на белорусском рынке возможности продать их, или хотя бы вернуть затраты через прокат, практически не было.

Универсальных стратегий, отмечают авторы «Гісторыі кінамастацтва Беларусі», для независимых студий окупить свою продукцию и обеспечить себе дальнейшую жизнедеятельность не существовало. В некоторых случаях студии продавали все права на уже готовые фильмы – в основном телеканалам; или же в некоторых случаях еще до завершения съемок[38]; или заключались выгодные договора с банками-кредиторами; иногда фильмы создавались целиком на спонсорские деньги крупных компаний, как, например, “*Motorola*”, которые искали новые действенные формы саморекламы[39]. В целом, несмотря на то, что, по мнению авторов «Гісторыі кінамастацтва Беларусі», именно неспособность продать свою продукцию, неготовность к необходимости «самостоятельно заниматься распространением своей продукции и присутствовать на рынках как ближнего, так и дальнего зарубежья» стала одной из ключевых проблем для

независимых студий и одной из главных причин закрытия многих студий[40], прокатная судьба фильмов независимых студий была достаточно успешной по сравнению с фильмами, которые в то время выпускал «Беларусьфильм». Например, первый же полнометражный фильм студии «Артель-Ф» «Грех лицедейства» (1991, реж. Ал. Карпов-младший) был куплен Всесоюзным объединением «Экран» и получил приз за лучший фильм года, показанный объединением «Экран». Другие фильмы студии «Артель-Ф» также имели хорошую прокатную судьбу за пределами Беларуси, и завоевали целый ряд призов на международных кинофестивалях. Иными словами, руководители независимых студий вынуждены были, для того чтобы выжить (в переносном и буквальном смысле), делать все то, о чем никогда ни у кого не болела голова на «Беларусьфильме», когда союзная система проката обеспечивала прокатную судьбу фильма, а за выделенные на фильм, но не окупившие себя государственные деньги, головой отвечать никому не приходилось. И в этом смысле опыт продюсерства, который приобрели за это время руководители независимых студий, особенно ценен.

Помимо банковских кредитов деятельность и выживание независимых студий поддерживались также различного рода кинематографической деятельностью, не связанной напрямую с кинопроизводством – точнее, с реализацией собственных творческих задумок: реклама, фильмы на заказ, прокат фильмов. Целый ряд студий занимался закупкой прав на демонстрацию фильмов, за счет чего обеспечивали свое выживание и возможность заниматься производством фильмов. Так, например, обеспечивали финансовую стабильность некоторое время студии «Ард-Фильм»[41] и «НС»[42]. Некоторые студии работали исключительно над производством заказных фильмов, как, например, уже упомянутые студии «Крынь» и «Профи-С».

Так или иначе, кинематографисты, организовавшие собственные студии, вынуждены были напрямую вступать в совершенно новые для них отношения экономической эффективности, и заранее просчитывать каждый шаг своей деятельности.

Часть 3. От опыта продюсерства к культуртрегерской миссии

Специфика деятельности возникших независимых студий была различна. Помимо непосредственного производства фильмов, которое на 1992 г. являлось основным видом их деятельности, и составляло тогда около 85% деятельности студий[43], студии занимались различного рода другой кинематографической деятельностью – от рекламы[44] и проката фильмов до организации кинофестивалей, а также различных культурных и общественных акций.[45]

Так, например, у студии «Анимационный Белорусский Центр» была очень обширная программа. Помимо съемки мультипликационных и документальных

фильмов, студия, в составе которой на 1991 г. насчитывалось уже 60 человек, разработала проект Детского мультипликационного центра (и на тот момент для его создания было и разрешение исполкома, и необходимые средства, не было помещения), а также осуществляла целый ряд программ для детей[46]. Кроме того, студия активно налаживала международные контакты, и неоднократно репрезентировала Беларусь на международной сцене. Студия же «Артель-Ф» позиционировала себя как продюсерская студия, «специализирующаяся на производстве художественных и документальных фильмов различных жанров, кино- и видео-рекламы»; она занималась организацией всего комплекса работ по созданию фильмов: финансовое обеспечение, разработка сценариев, привлечение творческих работников, комплектование съемочных групп, а также продажа и реклама фильмов.[47] Студия «Артель-Ф», пожалуй, явилась одной из наиболее успешных студий, основной деятельностью которой стало производство фильмов: практически без перерыва на протяжении шести лет она выпускала художественные и документальные фильмы, имеющие, к тому же, хорошую прокатную судьбу, и целый ряд наград на различных кинофестивалях. Что также обеспечивало им в период с 1991 по 1996 г. возможность продолжать сосуществование и снимать последующие фильмы (хоть и приходилось, в период жуткой инфляции и возрастающей сложности поиска денег в Беларуси, много экспериментировать). Программу деятельности независимой студии социального фильма «Грамада» ее художественный руководитель в интервью в 1991 г. видел следующей: реализация кинопроектов, организация культурных центров, участие в акции «Дети Чернобыля», разработка программы возрождения традиционных национальных ремесел, издательская деятельность, учреждение кинолицея, а также налаживание контактов с кинематографистами за рубежом, выражая готовность способствовать развитию национального кинематографа в странах проживания белорусских диаспор.[48] Основной деятельностью студии «БНС» (Белорусской независимой студии) являлось производство и прокат фильмов[49]. Студия «Ард-Фильм» занималась разработкой сценариев целого ряда фильмов, выпустила несколько фильмов, и явилась организатором ряда культурных акций[50]. В планах студии «Кадр-2», помимо производства фильмов, значилось также основание фонда Ефросиньи Полоцкой, который призван был бы оказывать поддержку как в осуществлении целого ряда различных культурных акций, так и в создании серии фильмов[51]. Студия «Теле-Арс» занималась производством и прокатом кино-теле-видеофильмов и телепрограмм, а с 1994 г. стала инициатором крупнейшего на сегодняшний день в Беларуси фестиваля – «Листопад». Деятельность студии «Татьяна», которая просуществовала дольше всех остальных студий – с 1991-го по 2002-й г., была самой разнообразной и для подробного и последовательного описания ее деятельности понадобилась бы отдельная статья. Помимо производства фильмов – как собственных, так и продюсирования других режиссеров, студия в 1995 г. организовала Междуна-

родный фестиваль женского кино в Минске, который просуществовал почти 10 лет и из фестиваля локального масштаба вырос в крупный международный фестиваль. Помимо этого, на протяжении своего существования студия организовала целый ряд различных культурных акций и мероприятий, как, например, в 1997 г. Фестиваль правозащитного кино, при этом активно сотрудничала с международными организациями и фондами, также репрезентируя Беларусь на международной арене.

Не все из заявляемого и планируемого могло быть реализовано – по целому ряду причин. Однако такая разнонаправленная ориентация студий показательна для того момента: во многом это определялось состоянием белорусской кинокультуры и в целом культуры того времени, заполняла ниши, которые возникли после распада советской киноиндустрии и всей ее инфраструктуры. В отчетном информационном бюллетене Союза кинематографистов за 1991–1994 гг. отмечено следующее: «Объективно свободные студии начали процесс разрушения государственной монополии на производство фильмов, создали рабочие места для кинематографистов, находящихся в простое. Пожалуй, главным достоинством деятельности студий следует считать опыт продюссерства и культурных акций. Как видно из хроники жизни Союза кинематографистов, в два последних года именно творческие студии взяли на себя культуртрегерскую миссию»[52].

Часть 4. «...Наогул, нарадзіцца яно[53] *павінна было ў “бацькі”, на “Беларусьфільме”,*

> *таму што кіно – індустрыяльнае мастацтва і без вытворча-тэхнічнай базы кінематаграфіст як шахцёр без адбойнага малатка. Аднак “бацька” супрацівіўся ўсімі натрэніраванымі мышцамі дзяржструктуры і выпхнуў тых, хто захацеў эканамічнай самастойнасці...*»[54]

Второй сложностью для независимых студий стало отсутствие законодательно-правовой базы, которая бы стимулировала, а не усложняла их деятельность. Это касалось как специфики отношений независимых студий с «Беларусьфильмом», так и в целом их положения в контексте законодательно-правовой базы в стране, касающейся кинематографа.

Одной из значительных проблем в деятельности белорусских независимых студий стали отношения с «Беларусьфильмом», от которого они вынуждено оказались зависимыми. Не имея своих производственных баз, независимые студии должны были арендовать их у «Беларусьфильма», единственной производственно-технической базе в стране[55]. Тут, собственно, вся специфика от-

ношений двух секторов кинематографа в Беларуси – государственного с одной стороны, и независимого – с другой стороны, и проявилась.

Неоднократно в различных интервью руководителями независимых студий, а также в статьях, которые в огромном количестве появлялись в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в белорусских печатных СМИ отмечалась грабительская политика «Беларусьфильма», касающаяся выставляемых ею за аренду финансовых условий. Причем такая «политика» оплаты за производственные услуги проводилась по отношению не только к зарубежным заказчикам, но также и по отношению к белорусским независимым студиям. Директор студии «Артель-Ф» О. Буйницкий в одном из интервью отмечал: «З *боку "Беларусьфільма" ў адносінах да нас ідзе сапраўдны генацыд, за арэнду трэба плаціць сотні тысяч. Навошта так душыць самастойныя студыі?*»[56]. Помимо высокой арендной платы требовалось вносить предоплату (до 20 % от общего бюджета фильма), которая затем, в случае прекращения или прерывания проекта, не возвращалась. А такие условия, особенно в период после 1992 г., с началом инфляции оказывались очень болезненными. Кроме того, финансовая политика «Беларусьфильма», как отмечали многие, отличалась своей непрозрачностью, что приводило иногда к конфликтным ситуациям между независимыми студиями, которые нанимали технический персонал на «Беларусьфильме», и ее отдельными цехами, которые участвовали в производстве: случалось, что оплату от независимых студий, поступавшую на общий счет киностудии, бухгалтерия цехам просто не переводила, и это вело к серьезным конфликтным ситуациям независимых студий с работниками киностудии.

Такое враждебное отношение между собственнической позицией «Беларусьфильма» и независимыми студиями происходило в ситуации, когда, начиная уже с 1990 года, сама киностудия «Беларусьфильм» выживала за счет независимых студий. Именно независимые студии обеспечивали занятость целого штата технических работников киностудии, которые остались без работы и без зарплаты после практически полного прекращения финансирования студии государством. Однако, несмотря на то, что, как уже отмечалось, в тот период собственных фильмов «Беларусьфильма» были считанные единицы, в начале 1990-х гг. бывало, что на студии одновременно снималось до 30 фильмов[57], за которые – за вычетом одного-двух собственных – студия получала арендную плату от сторонних заказчиков, в том числе и белорусских независимых студий. В таких условиях и при этом за большие деньги работать оказывалось практически невозможно: при нормальной загрузке для киностудии 13–15 фильмов в год одновременное производство 30 фильмов создавало практически невозможные условия для всех, кто арендовал студию, как, впрочем, и для тех, кто работал над госзаказом[58].

Руководители независимых студий, пытаясь найти выходы из создавшегося положения, вносили различные предложения руководству студии. Например,

речь шла о возможности «творческо-производственного альянса», совместного производства фильмов: независимые студии берут под свой страх и риск кредиты в банках, а руководство «Беларусьфильма» представляет услуги по «божеским ценам»; фильмы выходят как совместные и прибыль делится поровну. Еще одно из предложений заключалось в создании акционерного общества закрытого типа[59]. Все эти предложения поддержаны руководством «Беларусьфильма» не были.

Часть 4. «Нам перестали ставить палки в колеса, правда, колеса сделали квадратными»

Бесправное положение независимых студий перед лицом произвола «Беларусьфильма» с очевидностью требовало «стороннего» вмешательства, а именно – вмешательства государства. Особенно в ситуации, когда лицо белорусского кино начали определять фильмы независимых студий. Если обратиться к панораме белорусского кино в начале 1990-х гг., то процентное соотношение фильмов оказывается весьма красноречивым. На фестивале «Киноколядки-92»[60] из 43-х представленных фильмов только 7 являлись продукцией «Беларусьфильма», остальные – независимых студий[61]. Картина практически не изменилась и к 1995-му году. В рамках «Панорамы нового белорусского кино», инициированной и организованной руководителем независимой студии «Теле-Арс» Сергеем Артимовичем, из 31 представленного на фестивале фильма только 7 представляли киностудию «Беларусьфильм», остальные 24 фильма – другие белорусские киностудии[62].

От независимых студий речь шла, прежде всего, о необходимости правового и законодательного вмешательства – финансовый вопрос в экономической ситуации того времени вначале был просто неуместен (то есть неуместен со стороны независимого кино; государственный же «Беларусьфильм» придерживался другой позиции). Все независимые белорусские студии продолжали работать в тяжелых финансовых условиях, устанавливаемых руководством «Беларусьфильма», которое не признавало, и даже всячески отрицало их право на техническую базу «Беларусьфильма» за их статус «независимых». В частности, в 1994 г. Юрий Цветков, в то время директор «Беларусьфильма», прямо заявил:

> «Мне здаецца, што ўсе студыі, якія ў свой час "адпачкаваліся" ад "Беларусьфільма", так ці інакш звязаны з ім. Не маючы ўласнай тэхнічнай базы, яны вымушаны карыстацца паслугамі нашай кінастудыі. (…) Мы пойдзем насустрач кінастудыям, якія выкажуць жаданне стаць часткай "Беларусьфільма". Толькі тут ёсць адзін нюанс: пра аб'яднанне на раўнапраўных умовах не можа быць і гаворкі: наша кінастудыя мае трывалую базу, якая ствралася за дзяржаўны кошт дзесяцігоддзямі. А незалежныя

студыі могуць прапанаваць только творчы патэнцыял. У такой далікатнай справе трэба ўлічваць як тэхнічныя, так і фінансавыя магчымасьці патэнцыяльных партнёраў[63]».

Поэтому вопрос неоднократно возвращался к заявленному еще в 1989 г. в *постановлении* разделению кинопроизводства и кинотворчества, и трансформации киностудии «Беларусьфильм» в кинофабрику, а точнее – к законодательному признанию уже ставшего реальным статуса кинофабрики. Это бы позволило независимым студиям на равных основаниях с творческими группами «Беларусьфильма» (которые со временем там все же появляются) пользоваться ресурсами единственной в Беларуси киностудии и закрепило бы приоритет белорусских частных студий на услуги.

Этот был только один из пунктов необходимой реформы кинематографа Беларуси, касающийся независимых студий. В целом же требовалась комплексная законодательная и правовая поддержка со стороны государства и на других фронтах. В частности, она касалась изменений, связанных с тремя ключевыми моментами: огромные налоги, которыми облагались кинопроизводители; отсутствие отлаженной системы кинопроката; незащищенность авторских прав. Особенно насущной стала необходимость решения этих вопросов к середине 1990-х годов, потому что эти вопросы стали актуальны уже не только для независимых студий, но и самой киностудии «Беларусьфильм», которая, хоть и продолжала оставаться в конфронтации с независимыми студиями, все же вынуждена была и сама перейти на хозрасчет и самостоятельно проводить финансирование государственных картин с помощью коммерческих структур.

Однако рекомендации к переходу к экономической независимости всей киноотрасли привели в Беларуси к тому, что кинематограф был приравнен к обычному производству, и налоговая политика государства в отношении к нему льготных условий не предусматривала. Налоги доходили до 50–60 процентов. Уже упомянутый выше Ю. Цветков так охарактеризовал эту ситуацию:

> «Киноискусство в итоге приравняли к обычному производству. Как, например, гвоздей или мебели. Мы стали "свободным", "независимым" хозрасчетным предприятием. Отсюда высокие налоги. Оплата по максимальному тарифу электроэнергии, теплоснабжения, всех коммунальных услуг, воды, в огромных количествах расходуемой при обработке пленки. (…) Вот и возникает парадокс: средства из госбюджета поступают на "Беларусьфильм". Из них удерживаются налоги по хозрасчетным меркам, и приблизительно половина выделенных стредств тут же возвращается обратно. Таким образом, ни госбюджету прибыли, ни нам нормальной работы. Да, мы избавились от всевозможных творческих

запретов, ограничений. Но после раскрепощения мозгов руки оказались в наручниках»[64].

Начиная с 1989 года СК Беларуси неоднократно заявлял о необходимости разработки стратегической программы развития и принятия определенного законодательства в области кинематографа, и именно он стал проводником активной деятельности по разработке проекта реформирования и дальнейшего развития белорусского кинематографа с учетом изменившихся экономических условий. Анализируя ситуацию, сложившуюся к 1991 г. (отсутствие в стране кинематографа как отрасли, обособленность кинопроизводства от кинопроката, разрозненность всех субъектов кинопроцесса, уже ставший практически формальным статус киностудии «Беларусьфильм» как творческо-производственного объединения, при этом удерживающей свою монополию, и полное бесправие независимых студий), СК заявлял о необходимости радикальных преобразований всей системы белорусской кинематографии. В частности, речь шла о необходимости разгосударствления кинопроизводственных и кинопрокатных структур (о необходимости «вывести кинотворчество из-под административно-командного воздействия» и о переходе к рыночным отношениям – вопрос о выживании кинематографа); о создании основ, смягчающих диктат рынка («… экономические и организационные меры по координации усилий всех субъектов кинопроцесса для выполнения задач по сохранению и развитию национального кино»: льготное налогообложение, прежде всего, закон о меценатстве и т.д.»); о консолидации всех кинематографических сил республики, а именно объединении разрозненных структур, предприятий в отрасли, создание нового общественно-государственного кинематографа, что рассматривалось как важнейшая и первостепенная задача[65]. Кроме этого, в качестве ключевых задач СК определил следующее: разработка законодательной базы кинематографа в Беларуси (закона о кино и об авторском праве); образование государственного органа по развитию национального кинематографа на основе государственно-общественной формы управления; необходимость разработки программы приоритетов развития национальной киновидеокультуры; создание специального кинофонда, направленного на охрану и сохранение белорусского кино[66].

Это легло в основу проекта СК по реорганизации белорусского кинематографа. Однако практически ни одна из предложенных инициатив Союза кинематографистов не была реализована, или реализована с большим опозданием.[67] На первом этапе осуществить это не позволили инертность государственных структур и совершенно определенная позиция «Беларусьфильма». На тот момент, в 1992 г., «министерство культуры не санкционировало структурную перестройку, а просто заключило договор с «Беларусьфильмом» о деловом сотрудничестве» (1992 г.) – все-таки какой-то шаг Министерство культуры сделать должно было, и оно пошло по пути наименьшего сопротивления.

В 1993 г. Советом Министров Беларуси было принято постановление «О поддержке национальной кинематографии», однако никаких существенных изменений его принятие не повлекло. Вячеслав Никифоров в одном из интервью, комментируя эту ситуацию, говорил:

> «...не склалася новая сістэма эканамічных адносін у кіно. Не склалася сама галіна "Кінематограф Беларусі" (…) Таму што кінематограф гэта – не студыя, дзе ёсць тэхніка, гэта не, напрыклад, сто кінематаграфістаў. Кінематограф – гэта і тэхніка, і сто кінематаграфістаў, і пракат, і творчыя студыі, і дзяржаўныя ведамствы – міністэрства культуры, і грамадская арганізацыя – наш саюз, што акумулюе ў сабе творчыя сілы. Кінематограф – гэта ўсе суб'екты кінапрацэсу плюс вызначаная дзяржаўна-мастацкая палітыка».

Представления же у руководства республики, поддержанное отчасти и руководством "Беларусьфильма", было другим.

На протяжении 1990-х гг. Союзом кинематографистов был осуществлен целый ряд попыток сдвинуть дело с мертвой точки: добиться закона о кино, продвинуть и воплотить в жизнь идею о создании единой структуры, которая бы объединила разрозненные отрасли кинематографа Беларуси (после неудавшегося в конце 1980-х гг. проекта «Белкино», в первой половине 1990-х гг. активно продвигалась идея о создании киноконцерна «Беларусьфильм»). Вносились предложения о необходимости вступления Беларуси в европейскую ассоциацию «Аудиовизуальная Эврика», что создало бы более благоприятные условия для кинопроизводства и расширило бы его, способствовало бы появлению нового прокатного пространства и возможностей продавать продукцию в разные страны, позволило бы разомкнуть культурное пространство и вывести белорусский кинематограф на международную арену. Все эти предложения остались предложениями.

В конце 1990-х гг. разговоры о кризисе белорусского кинематографа начались с новой силой, а СК Беларуси принимает целый ряд решительных действий. В частности, в сентябре СК обращается в правительственные органы с воззванием «принять неотложные меры по спасению белорусского кинематографа»; в феврале 2000 г. организует пресс-конференции для журналистов с целью «проинформировать руководство и общественность страны о состоянии дел в белорусском кинематографе»; в марте 2000 г. созывает Внеочередной съезд СК с повесткой дня «О критической ситуации в белорусском кинематографе»[68]. Программа, предложенная Союзом кинематографистов, и своевременно реализованная хотя бы частично, возможно, позволила бы сформировать более благоприятные условия для развития национальной кинематографии в Беларуси в настоящее время, создав условия для работы как государственных, так и не-

зависимых (=частных) субъектов кинопроцесса, а не исключать последних из принадлежности к белорусскому кино, и не подавлять и тех и других высокими налогами и безразличием в остальном.

К середине 1990-х гг. большая часть независимых студий прекращает свое существование. Причинами их самоликвидации становится отсутствие условий, способствующих их деятельности: несформировавшаяся законодательно-правовая база, не налаженность банковской системы, систем кредитования и страхования, отсутствие налоговых льгот и политики приоритетов в области национального кино, как и собственно целостной программы развития национальной киноиндустрии.

Все это время государство, хоть нисколько и не способствовало процессу развития национального кинематографа в целом, и независимых студий в частности, в то же время и не вмешивалось: «вручив» кинематограф Министерству культуры, выделяя минимальное финансирование, на этом оно на время и «умыло руки». Период с конца 1980-х до середины 1990-х гг. был отдан на откуп самим кинематографистам. Минусы этого дали знать о себе в очень скором времени – об этом уже было сказано выше (отсутствие законодательной базы и льготной налоговой политики, как и программы развития национального кино). Однако в этом были и определенные плюсы, как станет понятно очень скоро. Поразительным (ли) образом существование независимых студий прекращается в тот момент, когда внимание государства обращается на кинематограф. Вначале косвенно, когда в 1995 г. вводится обязательное лицензирование кинодеятельности[69], а Государственный регистр киновидеофильмов и киновидеопрограмм Министерства культуры начинает все больше регулировать деятельность внутренних производителей – начиная от регистрации заявок на гранты и заканчивая списками запрещенной кино-видеопродукции. Уже с 1996 г. появляется огромная масса поручений президента Беларуси в области кинематографа, которые во многом – как это выглядит на сегодняшний день – явились скорее руководством к возвращению назад в прошлое, нежели шагом вперед. В 1997 г. президент РБ посещает киностудию «Беларусьфильм», как следствие студии присваивается статус «национальной» (то, за что все это время так ратовало руководство «Беларусьфильма») и начинается процесс ее реанимации на выделенные из госбюджета деньги[70], с возвращением ее в состояние неприступного монолита. При отсутствии возможностей для дальнейшего существования независимых студий в стране ситуация начинает медленно возвращаться на круги своя – к ситуации административного регулирования кинематографа и государственного финансирования, к ограниченному и легко регулируемому количеству субъектов кинематографической деятельности. Кинематограф остается в ведомстве Министерства культуры, однако верхушка административной пирамиды дополнилась еще одним звеном – Администрацией президента. А президент, согласно появившемуся таки в 2004 г. «Закону о кинематографии в

Республике Беларусь», стал определять единую государственную политику в области кинематографии[71].

Независимый же кинематограф, не состоявшись в итоге институционально, постепенно исчезает, замещаясь целым рядом независимых кинопроектов, приобретающих статус андеграундных, которые во многом и становятся альтернативой «современному белорусскому кино» в его официальной версии. На сегодняшний день независимых студий, которые ассоциировались бы с белорусским кино, нет. Последним значительным появлением на сцене, стал, пожалуй, проект, полностью независимый от государственного финансирования, снятый в сотрудничестве со студией «Навигатор», – фильм Андрея Кудиненко «Оккупация. Мистерия» (2003), фильм, который сразу после выхода был запрещен к демонстрации и распространению на территории Республики Беларусь.

Часть 5. «*Гвалт, або пра тое, як беларускі кінематограф апынуўся ў абдымках бізнесу*», или непризнанные «дети» белорусского кино

Несмотря на свою относительно продолжительную и достаточно плодотворную деятельность (хотя бы по сравнению с киностудией «Беларусьфильм»), независимые студии так и не были приняты в лоно национального кинематографа.

Странным образом в Беларуси утвердилась позиция: «Национальное кино – это только то, что сделано на государственной студии за государственные деньги». Эта фраза в целом может стать определяющей для позиции всех тех, кто поместил себя «по ту сторону» от независимых студий – как кинематографистов, так и критиков. А в 1990-е гг., сразу после распада Советского Союза, вопрос о развитии белорусского кино именно как кино *национального* обсуждался особо активно; этот период характеризовался очень бурными дискуссиями и огромным количеством публикаций в белорусских газетах и журналах о развитии национального кино. Если на сегодняшний день можно назвать всего лишь несколько газет, то в 1990-е гг. чуть ли не каждая газета время от времени писала о белорусском кино, будь то обращение к его состоянию в целом, или к киностудии «Беларусьфильм», или к независимым студиям[72]. Раскол произошел не только среди кинематографистов. Те, кто писали о кино, также разделились на два лагеря: их позиции отличались как подходом к анализу современной им ситуации в белорусском кино, так и к деятельности независимых студий, и их позиционированию по отношению к белорусскому кино.

Эти многочисленные дискуссии вращались вокруг нескольких ключевых моментов.

Прежде всего, еще в конце 1980-х гг., когда раскол только начинался, уход ряда кинематографистов со студии был воспринят оставшимися там кинематографистами как предательство белорусского кино. Позиция противников

независимого кино «застревала», как правило, на самом статусе независимых, противопоставляя эту независимость как само собой разумеющееся продукции «Беларусьфильма» (даже во времена отсутствия продукции как таковой) как продукции национальной. Все, что выходило НЕ на «Беларусьфильме» – национальным кино быть не могло по определению (несмотря на то, что производилось в Беларуси, белорусскими режиссерами, на белорусские деньги, и даже на ставшей вскоре национальной белорусской киностудии). Здесь очень показательным примером является попытка Александра Карпова по инициативе Союза кинематографистов поместить целый ряд фильмов независимых студий на хранение в Белорусский государственный архив кино и фото документов в начале 2000-х гг. Целый год он добивался этого, доказывая, что продукция независимых студий также может быть национальным достоянием, всячески пытаясь разрушить устоявшееся мнение руководства архива о том, что национальное кино – это только то, что сделано на киностудии «Беларусьфильм», и что принять на хранение за государственные деньги фильмы «каких-то независимых студий» невозможно. Тем не менее в 2003 г. на хранение в архив было помещено 38 фильмов, созданных белорусскими независимыми студиями.

Утверждение разъединенности и несовместимости белорусских независимых студий и белорусского кино в лице государственной киностудии, где на статус национального могло претендовать лишь последнее, красной нитью проходило на протяжении всего рассматриваемого периода в дискуссиях и оценках ситуации со стороны консервативно настроенных критиков и кинематографистов.

Подкрепляло эти дискуссии радикальное непринятие «коммерческого кино», причем под этим понятием понималось любое кино, которое снималось не на государственные деньги. Поводом для негативного восприятия становились также вступления в отношения с «бизнесом» – «сомнительными капиталами банка-кредитора». После семидесятилетней «непорочности» советского кинематографа вступление кинематографистов непосредственно в отношения с бизнесменами для реализации собственных проектов расценивалось многими как предательство кинематографа как искусства, продажа таланта и авторского замысла. Связка кинематографа как искусства с кинематографом как бизнес-индустрией еще долгое время не укладывалась в голове у многих, а в Беларуси так происходит и по сей день.

Поэтому фильмы независимых студий зачастую без разбору ставились в один ряд со всей той массой сомнительного качества кино-и видеопродукции, которая хлынула на белорусский (и в целом – постсоветский) рынки в начале 1990-х гг., как и из-за их «развлекательной» направленности, так и за тесные связи этих студий с бизнесом. В частности, автор статьи «*Гвалт, або пра тое, як беларускі кінематограф апынуўся ў абдымках бізнесу*» писала: «Низкосортная продукция независимых студий», у которых «коммерция – цель творчества», ведет к «воспитанию низкосортного зрителя», и является причиной кризисного

состояния кинематографа[73]. При этом речь шла, как правило, не о конкретных фильмах, а в целом о продукции независимых студий. В то же время претендовать на государственное финансирование – даже на конкурсной основе – независимым студиям не приходилось[74]. Причиной служили «разные представления о роли и месте «Беларусьфильма» и независимых киностудий в процессе развития национального кино и связанная с этим борьба за госзаказ». Как отмечают авторы «Гісторыі кінамастацтва Беларусі», независимые студии иногда претендовали на равные возможности, сторонники же лидерства «Беларусьфильма» под маркой «охраны государственных интересов» настаивали на том, чтобы бюджетное ассигнование поступало бы только на (государственную) киностудию "Беларусьфильм"»[75].

Государственному же сектору белорусского кино, в его стремлении к «чистому искусству», было не до «коммерции» – как тогда в 1990-е гг., так, впрочем, и сейчас. Процитирую здесь два достаточно больших, но на мой взгляд весьма показательных высказывания директоров «Беларусьфильма».

В 1991 г. Виктор Горбачев, в то время директор киностудии «Беларусьфильм», говорил:

> Наша киностудия – это прежде всего творческо-производственный коллектив. А потом уже – шоу и бизнес <…> Сегодня, когда открылся шлюз рыночной экономики, перед нами встал вопрос выбора: бизнес или творчество. Но, несмотря на существующие проблемы, о которых мне не хотелось бы говорить накануне Дня кино, киностудия «Беларусьфильм» все-таки остается коллективом творческим, а не коммерческим. Хотя сейчас весь мир кино захватил рынок, и слово «коммерция» стало, по-моему привычным, модным словом для так называемых «киношников». Выжить в это непростое время, не потерять свой имидж можно только трудом. Вот почему для всех нас на первом плане – работа плюс творческий поиск. Мы стремимся все сделать для того, чтобы сберечь марку «Беларусьфильма», нашу национальную культуру…[76]

В 2007 г. директор киностудии «Беларусьфильм» Владимир Заметалин сказал:

> «Даводзіцца канстатаваць, што сёння на постсавецкай прасторы тэндэнцыя збольшага аднолькавая – кіно становіцца бізнесам, а значыць, не мае аніякага значэння, якое кіно неабходна рабіць, і ўвогуле, ці трэба над гэтым задумвацца. (…) На жаль, ён (мастацкі аспект) даўно ўжо адыйшоў – на другі, трэці, магчыма, на соты план! Адсюль – мноства фільмаў, якія дэфармуюць рэальнасць, фарміруючы цалкам крывое меркаванне пра нашу

гісторыю, сучаснасць і, самае галоўнае, пра нашу будучыню. (…)Прадзюсерскае кіно вельмі часта гэта такі ж амаральны і крыміналізаваны бізнес, на якім "робяць грошы" гэтак жа, як на наркотыках, гандлі зброяй, нафце, золаце, брыльянтах.. ...Усё тое, пра што я казаў вышэй, мы ніколі не рабілі і рабіць не жадаем! Кіно "Беларусьфільма" будзе "пра праўду". І чалавечага жыцця ўвогуле, і жыцця палітычнага, узаемаадносін народаў і дзяржаў, суадносін і ўзаемаадносін людзей сталага веку і моладзі – пра праўду ва ўсіх яе аспектах. Іншымі словамі, пра праўду грамадства, у якім мы жывём. Гэта для "Беларусьфільма" – адзінай нацыянальнай кінастудыі на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь – з'яўляецца галоўнай стратэгічнай мэтаўстаноўкай. Ні на крок ні ўправа, ні ўлева мы не збочым. І дзякуй Богу, што менавіта гэткія мэты і задачы ва ўсёй сваёй шматграннай дзяржаўнай палітыцы фармулюе і, галоўнае, робіць Прэзідэнт нашай краіны[77]».

Насколько удивительно схожими оказались позиции руководства «Беларусьфильма», озвученные с промежутком в 16 лет. Вот так странным образом сложилось, что статус «независимых» оказался абсолютно несочетаем с понятием «белорусское кино», а тем более с понятием «национальное белорусское кино». В борьбе двух лагерей – консерваторов и реформаторов, когда вмешался третий, то есть государство, победили первые. До конца своего существования студии так и не стали «своими», а как имели на протяжении своего существования аутсайдерский статус, с ним же и ушли со сцены. Придание студии «Беларусьфильм» статуса «национальной» в 1997 г. практически одновременно с прекращением деятельности независимых студий оказалось символическим завершением недолгой эпохи независимых студий в Беларуси.

В заключение: «Национальная киностудия фактически является сама себе продюсером, и этим она уникальна…»

В. Заметалин, директор Национальной киностудии «Беларусьфильм», 2009 г.

…вот такой парадокс, если иметь в виду тот факт, что деньги на «продюсирумые» фильмы выделяются из государственного бюджета.

Сегодня белорусский кинематограф представляет собой весьма однообразный унылый пейзаж, в центре которого по-прежнему монолитом возвышается, правда, обновленный, «Беларусьфильм». Островков вокруг него больше нет. Союз кинематографистов ютится в маленькой комнатке в «Доме кино», бывшем кинотеатре «Партизан», который изначально планировался как площадка для демонстрации белорусских фильмов. Однако про белорусское кино сегодня в

нем напоминают в основном только фотографии актеров и режиссеров, развешанные в фойе кинотеатра – еще один «коридор призраков». Появившиеся не так давно в официальном дискурсе разговоры о необходимости создания независимого сектора в белорусском кинематографе оказываются совершенно несовместимыми с нынешними реалиями государственной политики в области кинематографа. Директивным путем развивать независимое кинопроизводство, не прилагая никаких усилий для изменения самой системы, которая по сути своей является исключающей независимое кинопроизводство, и собственно, развитие киноиндустрии в стране, не получается – условия для его развития нужны иные, чем те, что существуют в стране.

Примечания

1 Журнал «Кинофорум» («Кинофорум. Кинематограф ближнего зарубежья: фильмы, люди, драмы»), единственный журнал подобного рода, в котором рассматриваются процессы, происходящие в кинематографиях стран СНГ и Балтии. Журнал учрежден ЗАО «Киноцентр», конфедерацией Союза кинематографистов стран СНГ и Балтии в 2002 году. Здесь я ссылаюсь на результаты опроса «Кинопроцесс в странах СНГ и Балтии в 2005 году. Цифры и факты», опубликованный во 2-м номере журнала за 2006 г., С. 32–50.

2 Можно обнаружить достаточно регулярные публикации в газетах «Культура» или «Беларусь Сегодня», посвященные состоянию современного белорусского кинематографа. Не так давно, летом 2009 года, первый канал общенационального телевидения запустил серию показов фильмов под названием «Современное белорусское кино», а также посвятил этому вопросу отдельную телепередачу «Выбор». Все это, опять же, было приурочено к 65 годовщине освобождения Беларуси. Вместе с тем в свободное от великих дат время белорусские фильмы можно обнаружить демонстрирующимися на каких угодно каналах, только не белорусских.

3 Законы о кинематографии в бывших союзных республиках были приняты в основном в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг.: Азербайджан – август 1998 г., Украина – 1998 г., Грузия – 2000 г., Кыргызстан – май 2001 г., Россия – 2003, Беларусь – 2003 г., Молдова – ноябрь, 2004, Таджикистан: 2005 г.,), хотя в некоторых постсоветских государствах, как, например, Узбекистан, закона о кино нет до сих пор.

4 Реорганизация советского кинематографа началась уже в 1989 году, еще до распада Советского Союза. На этом мы остановимся подробнее дальше.

5 Единственным опубликованным источником, посвященным независимым студиям, является глава в вышедшем в 2000-х гг. 4-томном издании «Гісторыя кінамастацтва Беларусі» (Мінск, Беларуская навука). Т. 4. 2004 г. С. 147–155. Тем не менее, в газетных и в меньшей степени журнальных публикациях начиная с конца 1980-х и в первой половине 1990-х гг. появлялось очень много информации о независимых студиях – как интервью с руководителями студий, так и описательные или аналитические заметки. Поэтому именно они, наряду с архивными материалами и проведенными интервью, оказались важны при проведении данного исследования как источники для получения фактической информации и реконструкции происходящих в то время процессов в белорусском кинематографе.

[6] Именно так была охарактеризована ситуация в белорусском кинематографе в начале 1990-х гг. в одной из газетных публикаций.

[7] Dina Iordanova. Canaries and Birds of Pray: The New Season of Bulgarian Cinema. http://www.utexas.edu/ftp/depts/eems/Bulgarian.html

[8] Далее в статье: *постановление*.

[9] Постановление Совета министров СССР № 1003 (от 18 ноября 1989 г.) «О перестройке творческой, организационной и экономической деятельности в советской кинематографии». Источник: http://bestpravo.ru/ussr/data01/tex11146.htm

[10] Территория кино. Постсоветское десятилетие. Кино стран СНГ, Латвии, Литвы, Эстонии (Автор-составитель Е. Стишова). М., Поматур, 2001. С. 5.

[11] Там же. С. 5.

[12] Важная роль в процессах реорганизации кинематографа отводилась государственной культурной политике в области кинематографа, или, точнее, – в большинстве случаев – ее отсутствию, то есть отсутствию законов о кино уже после распада Советского Союза. Во многих постсоветских государствах ситуация начинает меняться только к 2000-м гг., когда государство обращает, наконец, внимание на кинематограф, начинают выходить законы о кино, разрабатываться определенные программы по развитию национальных кинематографий.

[13] Шелехов М. ««Беларусьфильм»: грустная осень (о киностудии) // Знамя юности. 1995 г. 4 окт.

[14] Алла Бобкова – белорусский кинокритик; публиковалась во множестве белорусских и российских изданий. Являлась членом СК Беларуси. Работала в комиссии Госрегистра киновидеофильмов Министерства культуры, из состава которой вышла в 2004 г. в знак протеста против запрета на показ документальной ленты «Долгая дорога домой... Реквием» о жизни и творчества Василя Быкова, снятой на независимой студии «Татьяна» (хотя на тот момент студия уже не имела официального статуса). В конце 1980–1990-х гг. много писала о состоянии белорусского кинематографа в белорусских СМИ, давая подробный аналитический обзор существовавшей ситуации. Для проведения данного исследования ее публикации оказались особенно важны.

[15] Бобкова А. О синице в руке и журавле в небе: Конфликтная ситуация на киностудии «Беларусьфильм» // Советская Белоруссия. 1991. 4 апреля.

[16] Постановление от 22 августа 1988 года № 245 «О генеральной схеме управления министерства культуры БССР». Информационная база Национальной библиотеки Беларуси.

[17] Курсив мой. – *И.Х.*

[18] Для эффективности развития национальных кинематографий прокат во многих странах работает именно на развитие национального кинематографа как через создание льготных условий для проката собственных фильмов, так и за счет обложения высокими налогами импорта зарубежной продукции, деньги от проката которых идут на развитие собственного кинопроизводства. Так, например, в России, в борьбе с засилием западной продукции, по всей стране на базе обычных кинотеатров были созданы так называемые центры российской кинематографии, которые в ответ на гарантированный показ определенного количества фильмов отечественного производства получают из бюджета государства до 50% средств на свое содержание.

[19] Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 131.

[20] Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 6–9.

21 Информационный бюллютень СК РБ. Союз кинематографистов Республики Беларусь от VII до VIII съезда (от мая 1991 г. до октября 1994 г.) Минск, август, 1994. С.42.

22 Далее в статье – СК.

23 Декларация учредительной конференции Ассоциации независимого кино Белоруссии. БДАМЛМ, Фонд 215, Опись 1. Т. 2. С. 76–77.

24 А. Буйніцкі. «Робім нацыянальны прадукт…“Артэль-Ф. Паміж элітарным і камерцыйным кіно”» / Гутарка з дырэктарам незалежнай кінастудыі «Артель-Ф» А.В. Буйніцкім / Запісаў Я. Конеў // Літаратура і мастацтва. 1992. № 8. С. 10.

25 «Перечень предприятий и организаций СКБ», Информация на 17 декабря 1991 г. БДАМЛМ, Фонд 215, Опись 1. Т.2. С. 152–153.

26 Возникновение независимых киностудий в Беларуси проходило параллельно таким же процессам в других союзных республиках. Уже к 1990-му году существовало 40 независимых киностудий в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Алма-Аты, а в 1992 году на территории бывшего Советского Союза насчитывалось уже более ста независимых киностудий.– Эти данные приводятся здесь по публикации: Тюрина Т. Кино в отсутствии любви и смерти…: о развитии независимого кино в Беларуси // Дело (Восток-Запад). 1992. № 2–3. С. 60–61. И в целом конец 1980-х-начало 1990-х гг. характеризовался тесным сотрудничеством с другими союзными республиками – через создание всесоюзной ассоциации независимых студий, проведение различных всесоюзных мероприятий.

27 БДАМЛМ, Фонд 215, Опись 1, Дело 225.

28 «*Пока не решены вопросы с прокатом, неясен механизм хозрасчета в кино, говорить о переходе на хозрасчет студии преждевременно*». Из протокола заседания № 5 Совета творческо-производственного коллектива киностудии «Беларусьфильм» от 29 июня 1988 г. Интересно, как выстаивалось обсуждение этого вопроса. Ряд членов Совета считали: «*а вдруг он держит в руках неизвестную нам жар-птицу? Надо его послушать*» (Михаил Пташук); Игорь Добролюбов, соглашаясь с реальностью и продуманностью программы, предложенной О.Белоусовым, все же добавил: «*У меня возникает вопрос: отделиться от кого?*» *От киностудии «Беларусьфильм»? Какие нити тогда будут связывать мультстудию с белорусским кино?*» – Из протокола № 6 заседания правления киностудии «Беларусьфильм» от 23.08.1988. – БДАМЛМ, Фонд 215, Опись 1, Дело 225. С. 43–44.

29 Белавусаў А. Быць беларускай анімацыі // Літаратура і мастацтва. 1989. 15 верасня. С. 10.

30 БДАМЛМ, Фонд 215, Опись 1. Т. 2. С. 153.

31 Этот список неполный. Здесь перечислены только те независимые студии, которые были организованы при Союзе кинематографистов Беларуси и кинофонде при СК, и о которых удалось найти информацию в архивных документах и информационных бюллетенях Союза кинематографистов. Помимо СК, учредителями студий являлись и другие организации, в частности: УВТА «Киноцентр», «Белорусское отделение советского фонда мира», акционерное общество «ВИТТ». Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 9.

32 Вот как Виктор Туров писал об уходе со студии (точнее, об увольнении со студии) ряда ведущих режиссеров «Беларусьфильма» (Игоря Добролюбова, Вячеслава Никифорова, Михаила Пташука, Валерия Рыбарева и оператора Татьяны Логиновой): «*Каждый их этих режиссеров создал независимую киностудию и возглавил ее. Они получили возможность больше зарабатывать. Мы же остались в государственной структуре. Нам платили копейки по сравнению с тем, что эти люди получали. В этих независимых*

студиях никто не за что и ни за кого не отвечал, кроме как друг за друга.<…> Да, это режиссеры с хорошими профессиональными качествами, которые сделали по одной-две добротной картине. Некоторые можно поставить под сомнение, некоторые я вообще принять не могу. Есть режиссеры уровнем не ниже, но те, о ком идет речь, присвоили себе право быть ведущими. Им повезло, они имели условия и возможности для работы от картины к картине. Сумели сделать несколько заметных фильмов, за это их отблагодарили государственными премиями и званиями. То есть, они были в лучшем положении – и в самые трудные минуты бросили студию. В чем мне еще не нравится их позиция: если ты независим – ты берешь в банке кредит или находишь спонсора, словом, рискуешь. Я их понимаю, но и о студии, которая тебя вскормила, думать надо». – Туров В.Т. «Все мы родом из детства»: [Беседа с заместителем директора «Беларусьфильма» по творческим вопросам В.Т. Туровым / Записал Н. Левчук] // Знамя юности. 1993. 11 июня.

33 Бобкова А. О синице в руке и журавле в небе: Конфликтная ситуация на киностудии «Беларусьфильм» // Советская Белоруссия. 1991. 4 апреля.

34 «Беларусьфильм» в «комбинат с новыми функциями». То есть студия бы оставалась производственной базой, где на равных условиях (точнее, для белорусских независимых студий – на льготных условиях) различные творческие организации могли бы реализовывать свои проекты. По сути дела, Союз кинематографистов и начал осуществлять эту деятельность, став учредителем (либо сам Союз, либо кинофонд при нем) большинства независимых студий. При этом «Беларусьфильм», вследствие резкого снижения, а иногда и прекращения государственного финансирования в начале 1990-х гг. фактически и стал таким комбинатом, выживая лишь за счет сдачи в аренду технической базы и персонала белорусским независимым студиям и зарубежным компаниям.

35 Тюрина Т. Кино в отсутствие любви и смерти…: [О развитии независимого кино в Беларуси] // Дело (Восток-Запад). 1992 г. № 2–3. С. 60–61.

36 Coates P. East-Central European Cinema: Beyond the Iron Curtain in European Cinema. Ed. by Elizabeth Erza. Oxford University Press. 2004. P. 267.

37 Нужно сказать, что очень многими возникновение и существование независимых студий рассматривалось негативно по нескольким причинам. Во-первых, в результате реформирования банковской системы на рынок хлынула большая масса «черных денег», и через кино, поскольку предприятие это было затратное, «отмывка» денег становилась очень удобным мероприятием. Во-вторых, относительная легкость в учреждении студий и нахождении денег (благодаря банковской реформе) изначально повлекла за собой целую волну в создании независимых студий, когда, кроме студий с четко разработанными программами, созданных профессиональными кинематографистами, появлялись так называемые «студии-однодневки», выпускавшие зачастую не очень качественную продукцию, тем самым создавая в целом негативный фон для восприятия феномена независимого кино в то время.

38 Так, авторы «Гісторыя кінамастацтва Беларусі» приводят примеры по сути дела первых «успешных маркетинговых стратегий» студии «Грамада». Руководитель студии Б. Горошко вынес сценарий художественного фильма «Хэппи-энд» (1991 г., реж. В. Орлов) на «обсуждение опытным кинопрокатчикам, чтобы определить его прокатные возможности. В результате он «довольно скоро и выгодно продал права на демонстрацию этого фильма на территории всего былого СССР посреднической фирме, которая, как стало известно позднее, также хорошо на этом фильме заработала». Права на прокат следу-

ющего фильма этой студии – «Интерпол» (1992) были проданы – и снова, в масштабах былого СССР, еще до завершения съемок. Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 150.

39 Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 151.

40 Там же. С. 149–150.

41 Этой студией был произведен один документальный фильм «Религиозная война» совместно с Германией и Польшей, а также запущен в производство фильм «Голас крыві брата твайго», который, однако, был закрыт приказом Министерства культуры, как отмечено в информационном бюллетене СК – «по субъективным причинам»). Информационный бюллютень СК РБ. Союз кинематографистов Республики Беларусь от VII до VIII съезда (от мая 1991 г. до октября 1994 г.) Минск, август, 1994. С. 42–43.

42 Свой фильм «Кооператив «Политбюро», или Будет долгим прощание» (1992) Михаил Пташук снимал уже на собственной независимой студии, на кредит, взятый в «Белагропромбанке». Этот фильм был признан одним из лучших фильмов года, завоевал несколько наград на международных кинофестивалях. Интересный факт: после завершения картины Министерство культуры Беларуси купило этот фильм у студии.

43 «Перечень предприятий и организаций СКБ», Информация на 17 декабря 1991 г. БДАМЛМ, Фонд 215, Опись 1. Т. 2. С. 152–153.

44 «*Для поддержания штанов*», как сказал один из художественных руководителей независимой студии.

45 Уже после 1992 г. происходит смещение акцентов в деятельности многих студий; кинопроизводство идет на убыль. Причиной этого становится последовавший вслед за распадом СССР целый ряд изменений, усложнивших деятельность студий. Появление новых границ и распад единого кинематографического пространства усложнили контакты с кинематографистами других бывших союзных республик, многие связи были потеряны; появились таможенные пошлины; изменилась организация прокатного пространства вследствие распада общесоюзного рынка – свою продукцию оказалось сбывать все сложнее и сложнее; из-за жутких темпов инфляции после введения белорусского рубля брать кредиты в банках на съемки фильмов становится и тяжелее и опаснее – деньги дешевели очень быстро по сравнению со сроками, которые были необходимы для производства фильма. Поэтому специфика деятельности многих студий значительно трансформируется: либо в сторону большей коммерциализации – рекламе или производству фильмов на заказ, как, например, в возникших уже в 1993 году студиях «Крынь» или «Проффи-С», либо перемещается в поле общественно-культурной деятельности, как, например, в ориентации студии «Теле-АРС» или «Кадр-2».

46 Так, в одном из интервью в 1991 г. Олег Белоусов, руководитель студии, отмечал, что помимо создания мультипликационных и документальных фильмов студия на тот момент готовила к показу «100 программ советских мультфильмов» и сериал «Казкі народаў міра», снимала полнометражный фильм, а также записывала на видеопленку мультпрограммы для детей на белорусском языке для использования их в качестве учебного материала А. Белавусаў. Дарослыя гульні для дзяцей // Добры вечар. 1991. 4 красавіка.

47 Независимая киностудия «Артель-Ф»: первый фильм продан BBC, второй будет // Коммерсантъ. Аналитический ежедневник. 1991 г. http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=265763

48 Горошко Б.М. «Несвоевременные мысли?»: беседа с художественным руководителем Белорусской студии социального фильма «Грамада» Борисом Горошко / Записал В. Шеин // Советская Белоруссия. 1991. 16 апреля.

49 Информационный бюллютень СК РБ. – Союз кинематографистов Республики Беларусь от VII до VIII съезда (от мая 1991 г. до октября 1994 г.) Минск, август, 1994. С. 43.

50 Как, например, организацией выставки в Государственном музее японского художника Нобуаки Мураоко.

51 В. Никифоров. Ау, меценаты!: (беседа с одним из председателей Союза кинематографистов Белоруссии В.Никифоровым/Записала О. Жарина) // Знамя юности. 1991. 26 июня.

52 Информационный бюллютень СК РБ. – Союз кинематографистов Республики Беларусь от VII до VIII съезда (от мая 1991 г. до октября 1994 г.) Минск, август, 1994. С. 42.

53 «Яно» здесь – это «пазаведамаснае кіно».

54 «*...Ды яшчэ тыкаў пальцам: маўляў, паглядзіце на гэтых дзялкоў, хіба ім да творчасці? Яны ж мамоне пайшлі служыць!*» / Бабкова А. «Артель-Ф», «Ард-Фільм», «Кадр-2»... А што за кадрам? // Беларусь. 1992. № 9. С. 30–31.

55 Часть проектов все же делалась не в Беларуси, кинематографисты арендовали студии в других союзных республиках и прежде всего в России.

56 А. Буйніцкі. «Робім нацыянальны прадукт...» [Гутарка з дырэктарам незалежнай кінастудыі «Арцель-Ф» А.В. Буйніцкім / Запісаў Я. Конеў] // ЛіМ. 1992. 21 лютага. (№8). С. 10.

57 Интересно, что в ситуации резкого сокращения государственного финансирования и, соответственно, практически полного исчезновения собственной продукции «Беларусьфильма», 1991–1992 годы некоторые называют временем «экономического разгула» студии, когда на ней было произведено рекордное количество фильмов (цифры в разных источниках варьируются от 30 до 50). В частности, в одном из номеров журнала «Мастацтва» за 1993 отмечалось, что «1991 год вошел в историю «Беларусьфильма» небывалыми суммами заработков». См.: Фральцова Н. Неастралагічны прагноз: [Аб прабл. беларус.кіно] // Мастацтва. 1993. № 3. С. 70–73. И хотя с 1992 г. ситуация несколько меняется, потому что с распадом единой рублевой зоны и отпущением цен резко возросли тарифы на технические услуги, тем не менее все 1990-е годы выживание студии и оставшегося на ней персонала на 4/5 обеспечивалось сторонними заказами.

58 В этой же статье из журнала «Мастацтва» отмечается, что в сложившихся условиях «считанным единицам собственных фильмов приходилось достаточно страдать как в виду перегруженности студии», но также и потому, что «в контексте свободной коммерциализации кинотворчества… работа над государственным заказом была невыгодна ни шоферу, ни столяру, ни директору фильма». Фральцова Н. Неастралагічны прагноз: [Аб прабл.беларус.кіно] // Мастацтва. 1993. № 3. С. 70–73.

59 Бабкова А. «Артель-Ф», «Ард-Фільм», «Кадр-2»... А што за кадрам? // Беларусь. 1992. № 9. С. 30–31.

60 Фестиваль-смотр белорусского кино «Киноколядки», прошел 7–14 января 1992 г. Основные средства на проведение этого фестиваля выделил СК; финансовую помощь оказали также Министерство культуры, киностудия «Беларусьфильм», Гостелерадио Беларуси, Белорусское отделение ВТПО «Киноцентр», независимые киностудии «АБЦ», «Артель-Ф», «Грамада», «Фобос-С» и Союз молодежи Беларуси. Правда, надо отметить, что уровень представленных на этом фестивале фильмов не удовлетворил ни критиков, ни зрителей. Первых призов так никому присуждено и не было. Значение же его, как

и последующих подобных акций, заключалось в том, что он предоставил возможность увидеть фильмы белорусских производителей широкому кругу зрителей. Что, после исчезновения их с экранов телевизоров и кинотеатров, было немаловажно.

61 Станюта Д. Кінакухня:ікалі шмат дыму, значыць, штосьці падгарэла: (аб становішчы ў беларускім кіно) // Народная газета. 1992. 28 мая.

62 Этот фестиваль, инициированный и организованный руководителем независимой студии «Теле-Арс» Сергеем Артимовичем, был поддержан СК Беларуси. В проведении фестиваля также приняли участие Министерство культуры и печати, киностудия «Беларусьфильм» и клуб творческой интеллигенции «На ростанях». При этом источником финансирования фестиваля стала спонсорская поддержка Белорусского торгово-финансового союза, Банка «Капитал» и Компании «FortKrox». По поводу финансового участия государства в этом фестивале С. Артимович в одном из интервью сказал следующее: «Государство здесь ни при чем. Министерство деньги какие-то дает, но этих денег хватит (хорошо, если хватит), только на проведение конференции…». См.: С. Артимович. «Свобода – это возможность не делать то, что не хочется» (беседа с руководителем киностудии «Теле-АРС», организатором фестиваля постсоветского кино «Листапад» / записала Л. Саенкова) // Добры вечар. 1995. 28 лютага.

63 Цветков Ю.Н. Белорусское кино: после раскрепощения мозгов руки оказались в наручниках: [Беседа с генеральным директором киностудии «Беларусьфильм» Ю.Н. Цветковым / Записал В.Самойлов] // Народная газета. 1994. 8 ліст. С. 4.

64 Там же. С. 4.

65 Уже в декабре 1987 г. (третий) Пленум СК инициировал организацию в Беларуси государственного творческо-производственного кинообъединения «Белкино» (в соответствии с законом о государственном предприятии). Планировалось, что концентрация кинопроизводства, проката фильмов и кинофикация станет единой республиканской отраслью с непосредственным представительством ее в правительстве. Этот проект, разработанный совместно Госкино БССР, киностудией «Беларусьфильм» и СК БССР, был представлен в высшие инстанции, но так и остался проектом. В результате – кинематограф становится подведомственной частью министерства культуры республики во главе с заместителем министра. Позже, уже в начале 90-х гг., была предпринята еще одна попытка консолидировать кинематографические силы республики – предложение СК создать киноконцерн «Беларусьфильм», который бы объединил разрозненные кинематографические силы в республике, соединив воедино кинопрокат, кинопроизводство и кинофикацию. И этот проект также осталась нереализованным проектом. См.: Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 11.

66 Например, в Украине уже в 1992 г. был создан «Фонд развития национального кинематографа». В Беларуси его нет и по сей день.

67 В частности, закон о кино был принят только в 2004 г. Однако, как пишут авторы «Гісторыі кінамастацтва Беларусі», проект закона был разработан Союзом кинематографистов на основании обобщения опыта других стран СНГ (и прежде всего России), где подобные законодательные акты были приняты раньше. После этого в текст проекта было внесено множество существенных изменений во время многочисленных переговоров и уступок с разными государственными и правительственными инстанциями на пути к Палате представителей Национального собрания РБ, где он в конченом счете оказался только в 2003 году, и принят был наконец-таки в 2004 г. Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 12.

68 Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 131. С. 142.

69 Палажэнне аб парадку выдачы суб'ектам гаспадарання спецыяльных дазволаў (ліцэнзій) на ўсу віды дзейнасці, якія звязаны з вытворчасцю кіна- і відэапрадукцыі, яе тыражаваннем і дэманстрацыяй у адпаведнасці с пастановай Кабінета міністраў Рэспублікі Беларусь ад 21 жніўня 1995 года № 456.

70 Изменения на киностудии начинают происходить после ее посещения президентом Беларуси А.Лукашенко. Именно после его посещения студии присваивается статус «национальной», и начинают выделяться деньги на ее реконструкцию. Техническое оснащение студии было обновлено так, что, она оказалась в состоянии оказывать практически весь спектр услуг для (зарубежных) съемочных групп. Что она и делала, за недостаточностью возможностей снимать собственные фильмы собственными усилиями.

71 Закон Республики Беларусь от 14 июня 2004 г. № 292-3 «О кинематографии в Республике Беларусь». Информационная база Национальной библиотеки Беларуси.

72 Эта масса публикаций прекращается уже ближе к 1995–1996-м гг. – практически прямо пропорционально тому, что происходило в средствах массовой информации с закрытием независимых газет.

73 Фральцова Н. Гвалт, або Пра тое, як беларускі кінематограф апынуўся ў абдымках бізнесу // Беларусь. 1992. № 7. С. 22.

74 За всю историю существования независимых студий было только два исключения: в 1992 году Министерство культуры приняло решение дать государственный заказ под проекты В. Рыбарева (студия «Ард фильм») и В. Никифорова (студия «Кадр-2»), а фильм М. Пташука «Будет долгим прощание, или «Кооператив «Политбюро»» закупить после окончания работы над ним. Информационный бюллютень СК РБ. Союз кинематографистов Республики Беларусь от VII до VIII съезда (от мая 1991 г. до октября 1994 г.) Минск, август, 1994. С. 42.

75 Гісторыя кінамастацтва Беларусі. Мінск, Беларуская навука, 2004. Т. 4. С. 131. С. 11.

76 Горбачев В.Е. Поговорим о кино… (Беседа с директором киностудии «Беларусьфильм» В.Е. Горбачевым/ Записал И.Бурак // Во Славу Родины. 1991. Август.

77 «Праўда як стратэгічная мэтаўстаноўка» (гутарка з з генеральным дырэктарам Нацыянальнай кінастудыі "Беларусьфільм" Уладзімірам Замяталіным / Гутарыла Т. Команава). Культура. № 46 (812) / 17–23.11.2007 г. http://www.kimpress.by/index.phtml?page=2&id=813

Геннадий Максак

НОВЫЕ СТРАТЕГИИ ЭЛИТ УКРАИНЫ, БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ (2005–2009 ГГ.)

Abstract

The article deals with the analysis of all the internal and external prerequisites for creating of the new political strategies of Ukrainian, Belarusian and Polish political authorities in energy sphere.

The period of research is deliberately taken because of the drastic geopolitical shift in the region of the Central and Eastern Europe since 2004. This shift was accompanied by the process of the enlargement of the European Union and strengthening of Russia's role in the region as energy superpower. The author in this paper comes to the conclusion that strategies adopted by elites of the selected three states in the field of energy security despite all the inner political circumstances were strongly influenced by the indicated external factors.

Россия как внешний фактор формирования стратегий энергетической безопасности в Польше, Украине и Беларуси

Нужно отметить, что с момента обретения независимости Украиной и Беларусью, а также Польшей, Россия всегда оставалась главным энергетическим партнером этих государств, учитывая большую зависимость от поставок российских энергоресурсов.

В то же время начало 2000-х гг. ознаменовалось определенной сменой акцентов в отношениях России с указанными соседними государствами, где энергетическая зависимость

стала выступать одним из основных инструментов внешнеполитического влияния.

Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, главой государства в 2000 году стал Владимир Путин, который инициировал реактивацию внешнеполитического курса, направленного на восстановление геополитического влияния в регионе. Второй срок пребывания на посту президента В. Путина усилил эту направленность внешней политики.

Во-вторых, повышение мировых цен на энергоносители сделало возможным экономическое восстановление Российской Федерации, в том числе ее геополитического потенциала и ресурсов невоенного воздействия. Энергетический фактор стал в этом контексте наиболее удобным инструментом воздействия на государства в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Симптоматично, что в этот период, после появления в 2003 г. Энергетической стратегии России до 2020 г. и по мере роста цен на нефть и газ, стали год от года проявляться явления, ранее не характерные, – конфликты с Беларусью и Украиной. К примеру, с 2004 г. зафиксированы полные или частичные поставки энергоресурсов в Украину (2006, 2008, 2009 гг.), Беларусь (2004, 2007 гг.) и, как следствие, в Польшу, имеющую пути поставок российских нефти и газа через территории этих стран.

На экспертном уровне отмечается, что на данное время к основам энергетической политики России следует отнести:

- государственный контроль за добывающими проектами с участием иностранного инвестора и добытым в его рамках ресурсом;
- сохранение трубопроводных систем в исключительной собственности государства без доступа к ним иностранного капитала;
- создание безтранзитных энерготранспортных систем;
- создание дополнительных (профицитных) мощностей инфраструктуры транспортировки энергоносителей для увеличения ее маневренности;
- блокирование стратегических проектов экспорта энергоресурсов Каспия и Центральной Азии, которые инициированы не РФ и не проходят через ее территорию;
- политический и экономический контроль постсоветского энергетического пространства;
- расширение сети лоббистских структур за пределами РФ с использованием финансового потенциала многочисленных совместных и дочерних предприятий русских монополий за рубежом [1].

Утверждение в августе 2009 года новой Энергетической стратегии России до 2030 года только только подтверждает правильность приведенных выше данных.

Вследствие этого на протяжении 2005–2009 гг. политические элиты Украины, Беларуси и Польши вынуждены были при разработке стратегий учитывать российский фактор как основополагающий.

Европейский Союз как «третья сторона» энергетического треугольника

С момента расширения Европейского Союза на страны Центрально-Восточной Европы и Балтии в мае 2004 г. Брюссель стал фактически третьим участником энергетических отношений России с Украиной, Беларусью и Польшей.

Уровень интеграции и сотрудничества каждого из этих государств непосредственно влиял на степень вовлеченности ЕС в энергетический диалог с Россией.

Кроме того, страны ЕС как потребители значительной части российских энергоресурсов становились непосредственными участниками энергетических конфликтов, возникавших между Россией, с одной стороны, Украиной и Беларусью, с другой.

ЕС является одним из наибольших импортеров энергоносителей в мире: в 2008 г. зависимость ЕС от импорта угля составляла 58%, от углеводородов – 53,8%. Наличие угольных залежей не выводит вопрос зависимости от угля в ранг проблемы энергетической безопасности, в то же время ситуация с углеводородами кардинально отличается. Наибольшими их поставщиками в ЕС на протяжении последних десятилетий являются Россия и Норвегия, где на долю РФ приходится 33% газа и 40% нефти.

Учитывая, что поставки из России станут все более проблемными, в частности – через систематические российско-украинские и российско-белорусские газовые кризисы, ЕС системно реализует политику диверсификации источников и путей поставок углеводородов.

В этом контексте переломным моментом стало принятие решения ЕС о необходимости реализации совместной энергетической политики Евросоюза в октябре 2005 года. Под воздействием газового российско-украинского кризиса 2006 г. Европейский Союз был также вынужден пересматривать основы своей энергетической безопасности. Эта тема была поднята в первой половине 2006 г. главенствующей страной в Совете ЕС Австрией [2].

В марте 2006 г. на обсуждение была вынесена Зеленая Книга, представляющая Европейскую энергетическую стратегию. Этот документ содержал развитие направлений, записанных еще в Белой Книге от 1997 года. Среди предложенных рекомендаций необходимо обратить внимание на упоминание угроз, связанных с возрастающей зависимостью Европы от традиционных энергоносителей, поставляемых с внешних источников, необходимости либерализации рынка, его интеграции в общеевропейском контексте, необходимость модернизации транзитных сетей и выработки общей позиции в отношении внешних поставщиков энергоносителей.

Несмотря на наличие разных точек зрения среди членов ЕС на необходимость выработки общей энергетической политики, это были первые попытки сформировать общий подход. Сюда можно также отнести создание внутренних

соединений газовых сетей стран-членов, создание сети координаторов по вопросам энергетической политики в государствах ЕС и т.д. Одним из направлений достижения поставленных целей стало включение энергетической проблематики в Европейскую программу соседства.

Последствия российско-украинского газового конфликта способствовали дальнейшей систематизации общего механизма реагирования. В 2008 г. Европейская комиссия предложила «План действий ЕС по энергетической безопасности и солидарности», который предусматривает 5 направлений обеспечения энергетической безопасности Европейского Союза: диверсификация поставок энергоресурсов; улучшение внешних энергетических связей; создание запасов нефти (газа) и механизмов решения кризисных ситуаций; повышение энергоэффективности; максимальное использование собственных ресурсов [3].

Диверсификация рассматривается как общая задача для всех членов Сообщества, поскольку солидарность в вопросе энергетической безопасности является базовым принципом членства в объединении. Во-первых, в сфере диверсификации – это распределение рисков и общее использование общей позиции ЕС в международных отношениях.

Во-вторых – стратегический подход к решению проблем безопасности в долгосрочной перспективе. К примеру, Стратегия «20-20-20» предусматривает к 2020 году сокращение использования энергоресурсов на 20%, увеличение использования на 20% возобновляемых источников энергии и уменьшение на 20% выбросов парниковых газов [4].

В-третьи, очень гибкий подход к соотнесению политических и экономических аргументов во время обоснования выбора конкретного диверсификационного проекта.

В этом контексте нормы Европейского Союза, а также соответствующие программы и инструменты учитывались Польшей, Украиной и Беларусью при построении своих стратегий и концепций в энергетической сфере.

Польша: энергетический выбор между европейским и национальным

Энергетические потребности Польши формируются на уровне 30% от средних потребностей государств ЕС. Польский топливно-энергетический баланс включает 65% угля, 11% – природного газа, 19% – нефти и 5% – других энергоресурсов. Виды энергоресурсов определяют преимущественно сферы их использования. Тепло- и электроэнергетика на 95% производятся из угля. Польская энергетика характеризуется высоким уровнем самообеспечения, поскольку доля импортируемой энергии составляет только 35%, в то время как другие государства ЕС импортируют от 50 до 70% необходимых энергоресурсов [5].

Энергетическая безопасность Польши, понимаемая, главным образом, как диверсификация поставок энергоносителей, является объектом дискуссий политиков и экспертов, начиная с конца 1990-х гг. В большей степени в этом контексте речь шла о диверсификации поставок природного газа, который часто являлся объектом споров и конфликтов. Текущее упрощенное представление на уровне политических элит говорит о том, что Польша находится в состоянии небезопасности, поскольку зависит от российского монополиста в этой сфере.

Польша использует около 15 млрд куб м. газа ежегодно. Треть этого объема обеспечивается собственными возможностями, в то время как остальной объем приходится на импорт энергоносителя. Около 60% природного газа Польша закупает у российского концерна «Газпром» или из источников, контролируемых российской стороной. Такая ситуация является неблагоприятной и непосредственно представляет угрозу энергетической безопасности. Несмотря на то, что природный газ составляет лишь 11% энергетического баланса Польши, от этого энергоресурса зависит часть крупных польских предприятий.

В то же время, несмотря на то, что этот вопрос пребывал и пребывает на повестке дня политиков и экспертов, история польских диверсификационных усилий заканчивалась подписанием очередных контрактов с российским концерном. Те немногие соглашения с другими поставщиками также не могли изменить ситуации, учитывая небольшие объемы газа, его фактическое российское происхождение или транзит через территории, которые контролируются российской корпорацией.

С начала 2000-х гг. польские руководящие круги вплотную занимались этим вопросом. Однако подходы к решению вопроса энергетической безопасности кардинально отличались у представителей правых политических сил, берущих начало из «Солидарности», и левых сил, представленных посткоммунистическими движениями. В то время как политики национально-патриотического направления настаивали на уменьшении зависимости от России в вопросе поставок газа, социальноориентированные политики выступали за углубление сотрудничества с Москвой в энергетическом аспекте.

Основным направлением диверсификации стала концепция строительства газопровода из Норвегии. В 2001 г. правительством Ежи Бузка, представителя правоцентристских политических кругов, были заключены контракты с датскими и норвежскими фирмами на поставку природного газа и строительства для этой цели газопровода. Особо важным стал контракт с Норвегией, предполагающий покупку польской государственной компанией PGNiG в 2008–2024 гг. 74 млрд. куб. м. газа из месторождений на Северном море. С этой целью норвежскими и датскими компаниями должен быть построен газопровод длиной 1100 км. до Польши. Оппозиционный в это время Союз демократических левых сил (SLD) с момента появления информации об этих контрактах требовал их

аннулирования. При приходе к власти представители левых сил на очередной период продлили договор с «Газпромом».

С момента приостановления планов по строительству газопровода из Норвегии, произошедшим в 2001 году при смене правительства Ежи Бузка правительством левых сил Лешека Миллера, эта идея возникала время от времени в политических кругах.

В это время продолжались дискуссии о диверсификации, которые не могли полностью решить проблему уменьшения зависимости от российского природного газа, учитывая небольшие объемы. К примеру, в 1999 г. польской компанией PGNiG и норвежским концерном Statoil до 2006 г. был заключен контракт на поставку 0,5 млрд куб.м. газа ежегодно [6].

Со временем проблема почти монопольной зависимости от России стала актуализироваться в польской политической среде в контексте необходимости диверсификации. Этому способствовало применение условий поставок газа Россией как политического оружия давления в 2004, 2006, 2009 гг. в конфликтах с Беларусью и Украиной, а также создание российско-немецкого консорциума по строительству СЕГ в обход Польши. Частично этому также способствовало вхождение Польши в Европейский Союз в 2004 году, что требовало осмысления основ энергетической безопасности государства и ее соотношения с общеевропейскими концепциями.

В то время как Польша и Украина пытались найти новых поставщиков энергоносителей, альтернативных России, Россия пыталась осуществить контрмеры таким планам, пытаясь диверсифицировать пути транзита российского газа в обход территории Украины. В этом направлении российские стремления совпадали с европейскими, в частности, немецкими, которые ориентировались на увелечение российского импорта через альтернативные существующим пути. Этот подход отличался от польского понимания диверсификации.

Необходимо отметить, что как и в Украине, вопрос энергетической безопасности и, в частности, диверсификации, в Польше представлял собой сферу важных государственных интересов национальной безопасности и редко рассматривался исключительно в коммерческой плоскости. Этот подход польских политических элит доминировал в Польше с начала 1990-х гг. Когда в 1993 году Россия предложила Польше принять участие в проекте строительства первой нитки газопровода «Ямал-Европа» по поставкам природного газа с ямальского месторождения в Польшу и Германию, Варшава согласилась, поскольку этот шаг укреплял ее позиции как транзитного государства, а также определенным образом диверсифицировал пути поставок этого энергоносителя из России.

Однако совсем иначе отреагировали польские элиты, когда им в 1999 году Москвой было предложено построить вторую нитку газопровода «Ямал-Европа» с соединением его по территории Польши со словацкой частью газопровода «Братство». Этот проект «перемычки» обходил украинскую территорию.

В Варшаве это восприняли как попытку Москвы ограничить независимость Украины, а не коммерческий проект, как его трактовала российская сторона. Поскольку в политическом мировоззрении правоцентристских сил, которые в это время были при власти в Польше, суверенность и независимость Украины ставилась в прямую зависимость вместе с безопасностью Польши, это предложение было отклонено.

После отказа «Газпром» не возобновлял свои предложения, а стал искать альтернативные пути. В этом контексте польские власти не отнеслись серьезно к идее Североевропейского газопровода (СЕГ) по дну Балтийского моря, считая его информационно-пропагандистской атакой. Также прошло почти не замеченным включение в 2003 г. проекта СЕГ в список приоритетных энергетических проектов, которые могут быть профинансированы из средств Европейского Союза.

Но когда наступила реальная угроза того, что вместо диверсификации поставок в Польшу наступит неблагоприятная для польской стороны диверсификация поставок российского газа в Европу, то в правительстве премьер-министра Польши Марека Белки, близкого к президенту Александру Квасневскому, было решено реанимировать контакт с Норвегией. В то же время реальная смена стратегии произошла после выборов 2005 года, когда к власти пришла партия «Право и Справедливость», чья политическая программа четко декларировала обеспечение энергетической безопасности Польши. Диверсификация поставок газа в страну стала одним из приоритетов правительства Казимира Марчинкевича. Воплощение этого приоритета виделось в создании Европейского договора энергетической безопасности, названного «пактом мушкетеров», с целью обеспечения энергетической безопасности Польше, Европе и НАТО.

Польские предложения не получили большого признания среди государств-членов ЕС. Одной из причин стало представление примерно в это же время Европейской Комиссией Зеленой Книги, в которой описывались предложения по европейской энергетической безопасности. Этот компромиссный документ сильно отличался от польского договора об энергетической солидарности и имел больше шансов на поддержку.

Другой причиной могло быть то, что действия польских властей сильно мотивировались страхом перед Россией и были направлены против российского доминирования газовых поставок в Европе. С одной стороны, это могло насторожить альтернативных поставщиков углеводородов, которые связаны совместными контрактами с Россией. С другой стороны, это заставило российскую сторону оперативно внедрять контрмеры. К примеру, Россия провела переговоры с Чехией и Венгрией, потенциальными получателями газа из норвежского газопровода, о поставках российского газа. Таким образом был достигнут эффект нерентабельности польского проекта.

Закончились провалом также переговоры о строительстве второй нитки газопровода «Ямал-Европа», несмотря на поддержку ЕС.

В начале 2006 года стало ясно, что СЕГ превращается в важный российско-европейский проект, а возможные альтернативные поставщики газа через субъективные (общие интересы с российской стороной) или объективные причины (техническая невозможность) не заинтересованы поставками газа в Польшу. Это может реально уменьшить роль Польши как партнера в газовых отношениях Германии и России, что приведет к потенциальной возможности использования Россией газа как энергетического оружия. В этом контексте среди политической элиты Польши начались дискуссии о возможности пересмотра отношения к СЕГ.

Отдельно нужно отметить, что строительство СЕГ, предназначенное для обеспечения ЕС, в частности Германии, непосредственные поставки российского газа в обход стран-транзитеров всегда интерпретировались в Варшаве негативно. Поэтому, несмотря на предложение немецкой стороны относительно строительства соединения этого газопровода с газовыми сетями Польши, польская реакция носит негативный характер.

Не имея возможности повлиять на ход развития событий вокруг строительства СЕГ, а также осознавая, что Россия в средней перспективе останется доминирующим поставщиком, политические элиты в Польше приняли стратегию на обеспечение безопасности этого направления. К примеру, Польша как условие к началу переговоров между Россией и ЕС о новом базовом соглашении вынесла требование о ратификации российской стороной Договора об Энергетической хартии.

Пути диверсификации поставок газа в Польшу были концептуально очерчены в 2006 году как результат российско-украинского газового кризиса.

Основным диверсификационным проектом оставался проект газопровода из Норвегии. В 2006–2007 гг. проводились переговоры польских представителей с норвежскими относительно восстановления контрактных отношений. Учитывая, что проект был экономически нерентабельным, норвежская сторона не активизировала своих действий. В этом направлении рассматривался также вариант поставок норвежского газа через территорию Германии посредством строительства коннекторов с польскими газовыми трубопроводами.

Одним из приоритетных проектов по диверсификации рассматривалось строительство Газопорта, терминала по приему сжиженного природного газа (СПГ) на балтийском побережье. Примерная стоимость строительства терминала и закупки необходимого танкерного флота оценивалась в 1,1 млрд. дол. США.

Также в определенной степени для Варшавы представлял интерес проект газопровода «Набукко». Посредством строительства короткого соединения с газопроводом в Австрии польская сторона получила бы доступ к газу нероссий-

ского происхождения. Стоимость польского участия в совместном предприятии составила бы около 1 млрд. дол. США.

Рассматривался также вопрос построения соединений польской газопроводной сети с немецкой, в том числе и возможный реверс газопровода «Ямал-Европа» (на немецко-польском участке).

В 2007–2008 гг. Варшава не прекращала предлагать России альтернативный проект «Северный поток» для проекта газопровода Amber, в свое время уже отвергнутый «Газпромом». По расчетам польской стороны, Amber, который может связать месторождения природного газа на севере России с Германией через Эстонию, Латвию, Литву и Польшу, будет намного дешевле «Северного потока». Стоимость проекта может достигнуть $12 млрд. Другой плюс Amber в том, что он пройдет исключительно по территории России и стран Евросоюза [7].

Энергетический российско-украинский кризис 2009 года Польша чувствовала намного дольше, нежели Украина. Вследствие январских договоренностей премьер-министров Юлии Тимошенко и Владимира Путина из энергетического рынка была убрана компания-посредник «РосУкрЭнерго», которая также продавала газ польским потребителям. До конца 2009 года эта компания должна была поставить в Польшу 2,3 млрд куб.м. газа, что составляет 18% от объемов польского потребления. С начала года эти объемы не поставлялись в Польшу, что вынуждало Польшу использовать резервные объемы из хранилищ. Российский «Газпром» должен был взять на себя эти обязательства. Переговоры польской нефтегазовой компании PGNiG с российским «Газпромом» были безрезультатными, в итоге было принято решение их дальнейшего проведения на межправительственном уровне. Отличие переговорных позиций затянуло переговорный процесс до конца года. Польская сторона настаивала на подписании краткосрочного контракта, поскольку контракт с «РосУкрЭнерго» был подписан до 2010 года. В то же время российская сторона жестко предлагала изменить межправительственное соглашение от 1993 года. Это соглашение предусматривало строительство польской части газопровода Ямал-Европа и регулировало поставки большей части газа в Польшу до 2022 года. Москва настаивала, чтобы оплата за транзит газа была изъята из польского законодательства, на чем «Газпром» мог бы зарабатывать несколько сот миллионов долларов ежегодно. Второе предложение российской стороны касалось включения недостающих 2,3 млрд. кубометров в ямальский контракт.

Подписание контракта на российских условиях означало бы, что Варшава может забыть о диверсификационных проектах, таких как газопорт и газопровод «Сканлед» до Дании. Ведь в этом случае Польша до 2022 года должна была бы покупать у России 10 млрд. кубометров ежегодно. А такое количество российского газа польской стороне необходимо только до 2014 года, потому что именно тогда должны будут ввестись в эксплуатацию альтернативные (нероссийские) маршруты [8].

Исходя из развития ситуации в 2006–2009 гг., в текущем перечне перспективных проектов диверсификации поставок природного газа, предусмотренных польским правительством, находятся:

- строительство газопорта;
- строительство газопровода BalticPipe;
- строительство соединений газотранспортных сетей с Германией, Чехией и Австрией;
- строительство газовых хранилищ в Польше;
- увеличение внутренней добычи газа [9].

В целом можно отметить, что для Польши наибольшей проблемой в контексте энергетической безопасности является зависимость от поставок российского газа, несмотря на незначительную долю этого энергоносителя в топливно-энергетическом балансе. Даже имея собственные проекты углубления энергетического сотрудничества с Россией (газопровод Amber), политическая элита в Польше отдает приоритет диверсификации источников поставок газа, а не диверсификации транзитных путей российского газа.

Украина как ненадежный транзитер и недобросовестный потребитель

Украина принадлежит к государствам, частично обеспеченным собственными энергоресурсами. Основу энергетического обеспечения составляют углеводороды. Особенностью украинского энергетического баланса является значительная часть в его затратной части природного газа – 43%. Доля нефти составляет 12,5%, угля – 23,5%, атомной энергетики – 15%. Значительную часть энергоносителей Украина импортирует. Импорт газа от объема его общего использования составляет 68%, нефти – 75%, ядерного топлива – 100% [10].

Стратегии обеспечения энергетической безопасности Украины в исследуемый период претерпели кардинальные изменения, учитывая смену элит в стране. В конце 2004 года победу на президентских выборах получил оппозиционный лидер Виктор Ющенко. Новое руководство Украины изначально ассоциировалось с проевропейским направлением развития Украины, переходом к рыночной экономике, в том числе и сфере энергетических отношений.

С начала года были предприняты шаги по поиску путей диверсификации поставок энергоносителей в Украину и внесению энергетического вопроса в повестку дня сотрудничества с ЕС. С февраля 2005 года энергетический компонент был включен в План действий Украина-ЕС в рамках европейской политики соседства. В декабре Украина и Евросоюз подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в энергетической отрасли. В этом документе предусматривалась реализация мероприятий по сближению энергетических

рынков Украины и ЕС в сфере ядерной энергетики, электроэнергии, транспортировки углеводородов, угля. [11].

Одним из вариантов решения проблемы диверсификации поставок газа на проектном уровне рассматривался импорт сжиженного природного газа из Ливии, Египта и других стран и построение для этих целей терминала и регазификационной установки на Черном море. Технико-экономическое обоснование такого проекта стоимостью в 3 млрд дол. США было разработано на заказ НАК «Нефтегаз Украины».

Еще одним проектом в сфере диверсификации поставок газа стал проект «Белый поток», впервые представленный в ноябре 2006 года. Трубопровод предназначен для диверсификации маршрутов поставок среднеазиатского природного газа на рынки ЕС. Его ресурсной базой был определен газ из Азербайджана, Туркменистана и Казахстана. Предусматривалось, что продуктивность его составит на первом этапе 8 млрд дол. США с возможностью расширения до 18–32 млрд на последующих этапах. Проект встретил небольшую заинтересованность, учитывая его высокую стоимость (15 млрд дол. США) и наличие альтернативных более экономичных проектов [12].

Такие диверсификационные стратегии украинской политической элиты, несмотря на их небольшую практическую ценность, усложняли достижение российских планов в Украине по получению контроля над украинской газотранспортной системой, и заставили Москву кардинально пересмотреть свои отношения с Киевом в сторону их ужесточения.

В начале 2005 года было подписано 2 соглашения, которые регулировали вопросы поставок газа в Украину. Во-первых, это соглашение от октября 2001 года, где предусматривались условия работы в 2002–2012 гг. В частности, там говорилось о том, что величина транзита российского газа, величина объема газа, поставляемого в качестве оплат транзита и денежной оплаты, определяется ежегодно на основе дополнительных международных соглашений. Протокол к этому соглашению на 2003–2005 гг. предусматривал величину транзитного тарифа на уровне 1,09 дол. США, а цену за газ, экспортированный в Украину в качестве оплаты за транзит – 50 дол. США за 1000 куб.м. Второй важный документ – это соглашение 2002 года между Газпромом и НАК «Нефтегаз Украины», определяющее основы сотрудничества на 2003–2013 гг. Протокол №4 к этому соглашению, принятый в июне 2004 года, предписывал, что текущие транзитная ставка и цена на газ для Украины в качестве оплаты за транзит будут на аналогичном уровне на протяжении 2004–2009 гг. Эти договоренности не могли быть изменены в одностороннем порядке.

Россия предоставила такие условия с целью поддержки премьер-министра Украины Виктора Януковича во время президентской кампании в 2004 году. Учитывая проигрыш кандидата от власти, российская сторона пересмотрела крайне невыгодные для нее договоренности.

Это решение входило в стратегию российского концерна «Газпром» относительно перехода на рыночные условия энергетических отношений с постсоветскими республиками. В середине 2005 года российский концерн выступил с требованием отказаться от бартерной оплаты за транзит, предлагая увеличение цены за газ до 160 дол. США. Одновременно было предложено повысить оплату до 1,75 дол. США.

Изначально политические элиты в Украине избрали стратегией игнорирование предложения Газпрома. В декабре, однако, было принято решение о повышении цены до 65–100 дол. США с последующим постепенным повышением цен до уровня европейских. В то же время украинское руководство как инструмент влияния на «Газпром» задекларировало возможность направить дело в Арбитражный трибунал в Стокгольме. Вместе с тем Украина возобновила переговоры с Туркменистаном о поставках газа и задекларировала возможность повышения цены за аренду инфраструктурных объектов Черноморским флотом РФ. В ответ российская сторона указала, что цены на газ должны быть на уровне 220–230 дол. США, с введением их во второй половине 2006 года. Параллельно Россия проводила переговоры с Туркменистаном с целью препятствовать заключению договоров. Вопрос повышения стоимости пребывания ЧФ РФ на территории Украины был увязан российской стороной с возможностью денонсации «Большого договора» от 1997 года.

Газпром использовал все для того, чтобы привести к конфликту в отношениях с Украиной и ее дискредитации. В июне 2005 года был поднят вопрос о пропаже 7,8 млрд куб.м. газа из подземных хранилищ в Украине. Россия обвинила Украину в краже и потребовала возместить стоимость газа по европейским ценам или включить его в оплату транзита газа. Несмотря на то, что местонахождение газа было установлено совместно представителями «Нефтегаза Украины» и «Газпрома», российские политики еще долго публично обращались к теме кражи Киевом газа [13].

Начало активной фазы российско-украинского кризиса началось в январе 2006 года. Газпром ограничил поставки газа в Украину 1 января 2006 года. МИД РФ проинформировал, что российская сторона предприняла попытки по урегулированию конфликта, но украинская сторона не проявила должной воли.

Учитывая транзитное значение Украины, «Газпром» не мог полностью перекрыть поставки газа на Украину. Их было уменьшено на объем потребления газа Украиной. По заявлениям российской стороны – это 120 млн куб.м. ежедневно, в то время как украинская сторона говорила о недопоставках 187 млн куб.м. Уменьшение поставок в Украину привело к уменьшению объемов природного газа, которые недополучили европейские потребители (50% Сербия, 25% – Франция, Италия, Словакия, Венгрия и Австрия).

Конфликт был урегулирован 4 января при подписании договора представителями Газпрома, «Нефтегаза Украины» и «РосУкрЭнерго». По новому согла-

шению Украина должна была покупать газ от РУЭ по цене 95 дол. США, в то время как транзитная ставка была зафиксирована на уровне 1,6 дол. США. Эта непрозрачная схема также предусматривала, что РУЭ будет покупать газ у «Газпрома» по «европейской» цене 230 дол. США и смешивать его с более дешевым газом из Средней Азии. Украина не имела права его экспортировать. Также большие вопросы вызвала норма, которая предусматривала, что транзитная ставка будет действовать до 2011 года, в то время как цена на газ была урегулирована только до половины 2006 года.

В начале февраля 2006 года стало известно, что на самом деле было подписано 7 соглашений, а не одно. Это еще более запутывало нормативное урегулирование энергетических отношений [14].

Такая ситуация привела к тому, что парламентская оппозиция в Украине выступила с обвинениями правительства Еханурова в некомпетентности и 10 января 2006 года отправила его в отставку. Перед парламентскими выборами в 2006 году тема газовых соглашений стала одной из главных тем для осуждения действий руководства Украины.

Действия украинской элиты во время газового кризиса трудно однозначно оценить. С одной стороны, Украина не пошла на предложение России о поднятии цен до уровня 160–230 дол. США отстаивала свои интересы, прежде всего экономического характера. С другой, продолжение льготного подхода к газовым отношениям сохраняло в руках Москвы инструменты давления. Позиция Украины после 1 января 2006 года еще менее понятна. Можно предположить, что украинская власть подверглась панике и согласилась на условия, которые не соответствуют ее национальным интересам. По экспертным оценкам, при сохранении цены на газ в 95 дол. США до конца года затраты на покупку газа превысят приблизительно на 1 млрд дол. США затраты, которые Украина имела бы при сохранении условий ранее действовавших контрактов [15].

Кризис 2006 года показал европейским государствам, что уровень зависимости от российских энергоносителей и существующих транзитных путей представляет угрозу для экономической и политической безопасности этих государств. В результате в марте 2006 года была представлена Зеленая Книга Европейской комиссии, где был сделан акцент на необходимости диверсификации поставок энергоносителей, развитие транспортных сетей транзита углеводородов.

Новое украинское руководство недооценило решимость России по вхождению в открытый конфликт. Действия российской стороны частично были направлены на дискредитацию украинской власти накануне парламентских выборов в Украине. Нужно в этом контексте отметить, что парламентская выборная кампания почти всех политических субъектов была построена на энергетических вопросах. В этом контексте представители трех наибольших политических сил президент Виктор Ющенко, экс-премьер-министр Юлия Тимошенко,

экс-премьер-министр Виктор Янукович занимали разные позиции в вопросе энергетической безопасности.

В таких кризисных условиях в марте 2006 года была принята Энергетическая стратегия Украины до 2030 года. В разделе «Энергетическая безопасность» среди главных мероприятий снижения энергетической зависимости является диверсификация внешних поставок энергоносителей. При этом необходимо иметь около трех поставщиков по каждому виду топлива с обеспечением до 25–30% из каждого источника. Появление такого документа может свидетельствовать о приоритетном положении энергетического вопроса на повестке дня руководства Украины. Однако, по мнению экспертов, Энергетическую стратегию можно назвать неадекватной как ресурсным возможностям, так и потенциальным потребностям украинского общества, поскольку и те, и другие определены в документе недостаточно системно и корректно [16].

В августе 2006 г. в Украине появилось новое правительство во главе с Виктором Януковичем. Учитывая, что приоритетом правительства было объявлено улучшение отношений с Россией, возникла надежда на возобновление газовых преференций. Появились новые проекты и предложения в газовой сфере.

«Нефтегаз Украины» и «РосУкрЭнерго» подписали 2 февраля 2006 года соглашение, в соответствии с которым было создано совместное предприятие «УкрГазЭнерго», задачей которого стала организация поставок газа на украинский внутренний рынок. В следующем соглашении «УкрГазЭнерго» и «РосУкрЭнерго» договорились, что РУЭ поставит в Украину в 2006 году 34 млрд куб м. газа, в последующих 4 годах – до 60 млрд куб.м. ежегодно. Соответственно, цена газа для Украины на этот период должна составить 95 дол. США за 1000 куб.м. Это соглашение было своеобразным свидетельством непрозрачности и спекулятивности газовых отношений.

Учитывая угрозу монополизации позиций «УкрГазЭнерго» на украинском внутреннем рынке, украинские власти выдали этому предприятию в марте 2006 года лицензию на продажу до 5 млрд куб.м. газа украинским потребителям. В июле 2006 года НАК «Нефтегаз Украины» и «Газпром» договорились, что во второй половине 2006 года газ будет поступать по цене 95 дол. США за 1000 куб.м. Но взамен за это от украинских властей российская сторона потребовала снять количественные ограничения с «УкрГазЭнерго» на продажу газа в Украине. Таким образом, при правительстве В. Януковича были значительно расширены возможности российской стороны заниматься непосредственно реализацией природного газа украинским промышленным потребителям.

Кроме того, были возобновлены переговоры о совместном управлении украинской ГТС украинско-российским консорциумом. Сотрудничество должно было сосредоточиться на строительстве нового газопровода «Богородчаны–Ужгород» и на создании нормативно-правового поля для функционирования консорциума и совместного управления украинской газотранспортной системой.

Этот шаг также вызывал неоднократную критику со стороны президента Украины и оппозиционных сил во главе с Юлией Тимошенко.

Несмотря на сохранение российской стороной цены в 95 дол. США на 2006 год, в 2007 году Москва предлагала повысить цену до 150–230 дол. США. Взамен было предложено хранение в украинских хранилищах 24,5 млрд газа. Уже в октябре «РосУкрЭнерго» и «УкрГазЭнерго» согласовали, что в 2007 году Украина получит 55 млрд газа по цене 130 дол. США за 1000 куб.м. Это соглашение усиливало позиции этих двух посреднических структур, одновременно выдавливая с рынка НАК «Нефтегаз Украины» и уменьшая государственный контроль в этом секторе. Более того, это соглашение не предусматривало цены и объемы поставок на перспективные периоды, что также сохраняло возможности для давления на украинскую сторону.

Уступки России в цене на газ на 2007 год могут быть также обусловлены политическим подтекстом. Правительство Виктора Януковича было более лояльно к интересам России в Украине, в контексте отношений Украины и НАТО, а также продления пребывания Черноморского флота РФ в Крыму после 2017 года. Такие действия украинского правительства были подвергнуты критике со стороны президента Украины.

Несмотря на потепление отношений, Россия продолжала свои действия по уменьшению зависимости от украинских транзитных сетей. В 2007 году был введен в эксплуатацию новый участок газопровода в Ростовской области, позволяющий наполнять газом «Голубой поток», не прибегая к услугам Украины.

В феврале 2007 году российским и украинским правительствами был подготовлен проект, представляющий взамен на совместное управление газотранспортной системой Украины обеспечение доступа украинских предприятий к разработке газовых месторождений в России. Правительство В. Януковича настаивало на равном участии сторон в новом направлении сотрудничества.

Однако позиция президента Украины была отличной от позиции премьер-министра. Негативное отношение главы государства к объединению добычных и газотранспортных активов Украины и России было аргументировано тем, что не выработаны четкие механизмы взаимного участия. В то же время решающую роль в этом процессе сыграла позиция оппозиционной партии «Блок Юлии Тимошенко» предложившей изменение к закону о трубопроводном транспорте, запрет на изменение формы собственности или продажи государственных предприятий, имеющих отношение к украинской ГТС. Это решение было принято в украинском парламенте, получив 430 голосов из 450. Эти изменения не позволяют передавать под контроль совместного консорциума транспортную инфраструктуру на территории Украины.

Цены на 2008 год были уставлены во время переговоров на межправительственном уровне, предусматривали цену на газ в 179,5 дол. США за 1000 куб м. при транзитной ставке на уровне 1,7 дол. США. Несмотря на уверения членов

правительства, что украинские потребители смогут выдержать такие цены, достигнутые договоренности были предметом критики оппозиционных сил.

В сентябре 2007 года вследствие досрочных парламентских выборов была сформирована новая коалиция, избравшая премьер-министром Юлию Тимошенко, представителя оппозиционных сил. Во время избирательной кампании новый премьер-министр обещала пересмотреть газовые соглашения, учитывая их несоответствие национальным интересам Украины. Одной из провозглашенных целей Юлии Тимошенко стало устранение посредников в газовой торговле между Украиной и Россией, которым на тот момент выступала компания «РосУкрЭнерго» с непрозрачной структурой собственности, частично во владении структур «Газпрома», частично – во владении граждан Украины Дмитрия Фирташа и Ивана Фурсина, имеющих непосредственные связи с представителями руководства Украины.

Именно желание убрать из торговых отношений посредников стало одной из причин очередного газового кризиса в отношениях России и Украины.

Дмитрий Медведев, избранный в 2008 году на пост президента РФ, согласился пойти навстречу украинской стороне в вопросе ликвидации посредника. Меморандум от 2 октября 2008 года, подписанный премьерами В. Путиным и Ю. Тимошенко, предусматривал ликвидацию посредников в торговле газом между Украиной и Россией.

Однако несмотря на понимание украинской и российской сторон, с 1 января 2009 года начался очередной конфликт, повлекший за собой полное отключение газовых поставок через газотранспортную систему Украины.

С российской стороны было указано, что причиной начала конфликта послужило отсутствие контракта на поставку газа Украине в 2009 году и долг Украины за поставленный ей газ в 2008 году. На 11 декабря 2008 г. сумма долга составляла 2,4 миллиарда долларов. С учетом декабрьских поставок «Нафтогаз» должен был уплатить до конца года чуть больше 3-х миллиардов [17].

Кризис длился с 1-го по 19 января 2009 года на фоне внутреннего противостояния украинских высших должностных лиц. Премьер-министр Украины Юлия Тимошенко заявила, что переговоры с Россией по поставкам газа в Украину по цене $235 были сорваны, в том числе и по вине президента Украины Виктора Ющенко. Основной причиной срыва Тимошенко назвала попытку украинских политиков сохранить «РосУкрЭнерго» как теневого криминального коррупционного посредника. Переговоры, по словам премьера, были умышленно сорваны на завершающей стадии [18].

В то же время президент Украины обвинял премьер-министра в непрофессионализме и отрицал свою причастность к какого-либо рода связям с собственниками фирмы-посредника.

Договоренностей удалось достигнуть только 18 января во время переговоров премьер-министров Украины и Российской Федерации, в ходе которых

стороны условились о возобновлении транзита российского газа с 19 января. Стороны также пришли к соглашению о переходе к ценообразованию на газ, а также тарифам его транзита по европейской цене с 1 января 2010 года. Указывалось, что в 2009 году «Нефтегаз Украины» сможет закупать у «Газпрома» натуральный газ на 20 % дешевле европейской цены, тогда как у «Газпрома» будет льготная ставка транзита по цене 2008 года. Контракты на поставку газа и на транзит были подписаны на 10 лет.

Результаты договоренностей были подвергнуты критике со стороны как представителей оппозиции, так и представителей Секретариата президента. Только в 2009 году экономические утраты от новых условий поставки оценивались в 3,5–7 млрд долларов США [19].

Однако российско-украинский кризис заставил украинские власти все более ориентироваться на сотрудничество с Европейским Союзом в энергетической сфере, уменьшать претензии на украинскую газотранспортную систему с российской стороны. Так, 23 марта 2009 года в Брюсселе по украинской инициативе была организована Международная инвестиционная конференция по вопросам модернизации газотранспортной системы Украины. По результатам мероприятия была подписана совместная декларация. В тексте декларации указывается, что правительство Украины готово обеспечить независимость оператора украинской ГТС, а также позволить ему работать на коммерческих принципах. Документ содержал также готовность европейских финансовых институтов поддержать расширение пропускных возможностей украинской ГТС на 60 млрд куб.м. и выделить кредитные ресурсы на модернизацию системы [20].

Примечательно, что во время конференции президент Украины В. Ющенко и премьер-министр Украины совместно представляли этот проект модернизации украинской газотранспортной системы. В то же время российская сторона подвергнула критике подписанный документ, поскольку не было проведено консультаций с российской стороной.

Кроме газовой сферы Украина пыталась реализовать диверсификационные проекты в сфере поставок нефти и ядерного топлива для АЭС. Примечательно, что и в этих случаях происходили конфликты между высшими должностными лицами в вопросе выбора стратегии реализации того или иного проекта.

В целом на протяжении всего периода наблюдались внутренние противоречия между представителями политических элит, которые представляли политические силы разного программно-идеологического направления и, соответственно, опирались на разные стратегии обеспечения энергетической безопасности государства.

Беларусь: между рынком и дружбой

Беларусь является энергозависимой страной, где подавляющее большинство энергоресурсов импортируется. Так, 85% всех потребляемых в стране энергетических ресурсов импортируется. При этом импорт энергоресурсов в Беларуси не диверсифицирован, на долю России приходится 98% объема импортируемых энергоносителей. В 2005 году структура энергетического баланса потребления включала 60% природного газа, 23% нефти и нефтепродуктов, импортируемой электроэнергии – 6%, местных топливно-энергетических ресурсов – около 10%. Такая структура топливно-энергетического баланса страны, исходя из теории, является угрозой развития страны [21]. Беларусь оказалась единственной страной в мире, которая, не обладая собственными месторождениями природного газа, значительно нарастила его долю в первичном энергопотреблении. В 2007 г. доля данного углеводородного сырья в топливно-энергетическом балансе составляет более 70% [22].

Учитывая череду энергетических кризисов в российско-белорусских отношениях (2002, 2004 гг.), белорусское руководство приняло ряд концептуальных документов, которые были направлены на уменьшение зависимости от российских энергоресурсов и снижение энергоемкости производства. Так, согласно постановлению Совета Министров № 1680 от 30 декабря 2004 г. в 2012 г. не менее 25% от всей производимой в стране электрической и тепловой энергии должно быть произведено с использованием местных и альтернативных видов топлива.

Указом президента Республики Беларусь от 25 августа 2005 г. № 399 утверждены Концепция энергетической безопасности и повышения энергетической независимости Республики Беларусь и Государственная комплексная программа модернизации основных производственных фондов Белорусской энергетической системы, энергосбережения и увеличения доли использования в республике собственных топливно-энергетических ресурсов в 2006–2010 гг. [23].

Однако стратегии белорусских политических элит в 2005–2009 гг. не привели к повышению уровня энергетической безопасности Беларуси, несмотря на почти монопольную зависимость экономики государства от российских углеводородов. Сохранение такого положения в энергетическом секторе Беларуси напрямую зависело от уровня субсидирования российской стороной белорусской экономики.

Российское стремление до перехода на рыночную основу в газовых отношениях с Беларусью было непоследовательным. Наиболее ярким примером стал конец 2005 года, когда Россия приняла решение отмены преференций для постсоветских республик. С одной стороны, такие действия были продиктованы низкой эффективностью обеспечения российских интересов в этом регионе через «энергетические дотации». С другой, стремлением максимальной капитализации доходов Газпрома. В это же время Беларусь была единственным го-

сударством-импортером, которого не коснулось повышение цены на газ. Это объяснялось руководством Газпрома успехами в переговорах о приватизации «Белтрансгаза» и преференциями при передаче земли, на которой размещен газопровод «Ямал-Европа».

В то же время реальной целью такой лояльности со стороны российской элиты могли быть обстоятельства политического характера – приближающиеся президентские выборы в Беларуси. Опасаясь политической дестабилизации, которая могла бы привести к событиям, подобным тем, что имели место в Украине в контексте смены элит в конце 2004 года, было принято решение не усиливать прессинг на президента Беларуси в энергетической сфере.

Как результат, Беларусь в 2006 году получала газ по цене в 46,7 дол. США за 1000 куб.м., что было вдвое меньше цены на газ для Украины.

Сохранялись преференции для Беларуси со стороны России и в вопросе поставок нефти, что предоставляло дополнительные доходы в белорусский бюджет.

Несмотря на такие льготные условия, Минск оставался скептически настроенным по отношению к допуску российского капитала к приватизации «Белтрансгаза». Условием продажи предприятия выдвигалось получение российских газовых месторождений с возможностью самостоятельной эксплуатации. Учитывая несоразмерность зависимости Беларуси от российского газа и России от белорусских транзитных сетей, это условие не получило заслуженного внимания [24].

Непосредственно после выборов президента в Беларуси в 2006 году российская сторона начала настаивать на повышении цены на газ для соседнего государства. В первоначальных декларациях руководства «Газпрома» цена варьировалась от 145 до 230 дол. США в зависимости от развития событий. Такое поднятие цен носило бы катастрофический характер для белорусской экономики. Учитывая недостаток финансовых средств, единственным выходом могло стать выполнение Минском обязательств по приватизации «Белтрансгаза» и предприятий нефтехимической отрасли.

Пересмотру подверглись не только газовые, но и нефтяные договоренности. В апреле 2006 года российское правительство направило обращение в Минск, в котором содержалось требование привести в соответствие с соглашением о Таможенном союзе от 1995 года экспортные пошлины на нефтепродукты, произведенные на белорусских предприятиях из российского сырья с последующим равным разделением их между бюджетами двух государств.

Естественно, что такая жесткая позиция Москвы вызвала заявления руководства Беларуси о выходе из интеграционных процессов в рамках Союзного государства. И в Минске и в Москве не скрывали в этот период, что отношения между двумя государствами находятся в критическом состоянии.

Тем не менее российская сторона продолжала настаивать на повышении цены на газ в среднем до 200 дол. США за 1000 куб.м., а также пригрозила ввести

экспортную пошлину на российскую нефть. В ответ представители белорусской власти заявляли о повышении тарифов за транзит газа через территорию Беларуси. Кроме того, белорусским руководством озвучивалось, что стоимость активов «Белтрансгаза» составляет не 5 млрд дол. США, а 10–15 млрд.

Несмотря на наличие серьезных разногласий в позициях, в начале 2007 года сторонам удалось достигнуть компромисса. Новое соглашение, достигнутое под давлением отключения поставок газа, ухудшило положение Беларуси в энергетическом сотрудничестве.

Согласно новым договоренностям, цена газа для Беларуси на 2007 год составила 100 дол. США за 1000 куб.м. Также предусматривалось постепенное повышение цены газа на протяжении 3 лет с постепенным выходом на уровень цен для покупателей в ЕС (в 2008 году Беларусь должна покупать газ по цене, составляющей 67% рыночной цены, в 2009 – 80%, в 2010 – 90%). В то же время стороны достигли согласия в вопросе повышения транзитных тарифов с 0,75 дол. США за 1000 куб.м. на 100 км. до 1,45 дол. США.

В первом квартале 2008 года Беларусь покупала газ по 119 дол. США, со второго квартала по 127,9 дол. США.

Такой рост цены на газ вынудил белорусское правительство пойти на увеличение цены на природный газ для населения с 1 января 2008 от 10 до 90% [25].

Во время этого энергетического кризиса Россия смогла вынудить Минск допустить российский капитал к приватизации «Белтрансгаза», хотя и на очень невыгодных для Москвы условиях. 50% акций «Белтрансгаза» российская сторона сможет получить за 2,5 млрд. дол. США в течение 4 лет, получая ежегодно равные доли акций в 12,5 %.

Такая позиция Минска позволяет говорить о желании сохранить за собой теоретическую временную возможность на определенном этапе выйти из соглашения.

В случае с нефтью было согласовано введение российской экспортной пошлины на уровне 53 дол. США (29% обычной ставки). В то же время российская сторона вынуждала Беларусь поднять свою экспортную пошлину на нефтепродукты до уровня российских пошлин.

В результате этих решений в энергетической сфере уже в 2007 году Беларуси понадобилось около 2 млрд дол. США на выравнивание появившегося дефицита платежного баланса.

С момента изменения в 2007 года условий торговли с Россией нефтью и нефтепродуктами и перспективой выхода этих условий к 2010 году на рыночные, Беларусь проявляет заинтересованность в обеспечении альтернативных источников поставок нефти в страну. Согласно Комплексной программе модернизации основных производственных фондов Белорусской энергетической системы на период до 2011 года, утвержденной в ноябре 2007 года президентом страны, уже к 2010 г. 20% суммарного объема нефти, ежегодно поставляемой

в Беларусь, может обеспечиваться из альтернативных источников [26]. Были предприняты попытки договориться о поставках нефти с Венесуэлой, Азербайджаном, ОАЭ и Ираном [27].

Однако сохранение до 2010 года благоприятных условий поставок в Беларусь российской нефти существенно снижало мотивацию белорусских властей в поиске альтернативных источников [28].

Кроме того, стабилизация отношений с Россией способствовала внесению изменений в концепцию энергетической безопасности. Новая концепция, принятая в 2008 году на период до 2010 года, предусматривает, что альтернативные поставки энергоносителей возможны в случае экономической и экологической целесообразности [29].

Хотя повышение цен на углеводороды приводило к дальнейшему ухудшению белорусско-российских отношений, они не доводили до разрыва связей на дипломатическом уровне и уровне контактов элит. Россия акцентировала на том, что поддержка Беларуси продолжается, хотя и в значительно усеченном варианте. Равно белорусские власти не были настроены на эскалацию конфликта. Больше их заботило создание образа российского союзника, который незаслуженно забывается.

В результате подписанного в начале 2007 года соглашения о разделе пошлин значительно снизилась прибыльность поставки и переработки нефтепродуктов в Беларуси. Это вызвало необходимость предоставления нефтепереработчикам субсидий из бюджета, доходы которого выросли в связи с ростом экспортных пошлин на нефтепродукты. В течение 2008–2009 гг. правительство несколько раз пересматривало размер нефтяных субсидий.

В целом, энергетическая проблематика была одной из основных составляющих российско-белорусского диалога. Беларусь полностью зависит до российских энергоносителей и не располагает возможностями диверсификации источников поставок. Отсутствие рыночных реформ в стране не позволило сократить энергопотребление и обеспечить необходимые ресурсы для покрытия расходов на энергоносители по рыночным ценам.

Односторонняя зависимость Беларуси от дешевых энергоносителей выступала главным фактором, который обеспечивал доминантное ориентирование на Россию во внешней политике государства. В этом контексте интеграционные процессы Беларуси с Россией носили, скорее, инструментальный характер для белорусской стороны, обеспечивая значительные преференции в энергетической сфере.

Повышение цен на энергоносители, начавшееся в 2007 году, может свидетельствовать об отказе российских властей от концепции двусторонней интеграции. В ближайшей перспективе ключевой целью России относительно Беларуси будет консолидация влияния, составной частью которой станет экспансия капитала в энергетический сектор.

Выводы

Анализ построения стратегий политических элит Польши, Украины и Беларуси в сфере обеспечения энергетической безопасности позволяет сделать следующие выводы:

1. В 2005–2009 гг. сохранялась высокая зависимость Польши, Украины и Беларуси от поставок углеводородов из России, что позволяло российской стороне использовать это в целях достижения своих интересов.

2. На данное время в сфере диверсификации поставок газа в Польшу, Украину и Беларусь политическими элитами не было реализовано ни одного проекта из запланированных, который бы позволил уменьшить зависимость от российских поставок этого энергоносителя.

3. Россия проводит активную политику по ограничению возможностей Польши, Украины и Беларуси в построении и использовании альтернативных маршрутов поставок углеводородов с целью удержания монопольных позиций на внутреннем рынке этих государств.

4. Россия по отношению к Польше, Украине и Беларуси реализует политику построения обводных путей с целью создания транзитного профицита инфраструктуры, что в будущем может способствовать ограничению поставок энергоресурсов для внутреннего потребления, не нарушая при этом своих обязательств.

5. Энергетическая безопасность в Польше и Украине имеет политическую доминанту, в то время как в Беларуси основной акцент делается на экономической составляющей.

6. Польша, Украина и Беларусь заинтересованы в развитии своего транзитного потенциала за счет продвижения своих проектов трубопроводных маршрутов поставок нефти и газа, как с территории России, так и с других регионов.

7. В исследуемом периоде увеличилось влияние Европейского Союза на построение энергетических отношений Польши, Украины и Беларуси с Россией, учитывая транзитный статус этих государств.

8. Для Украины и Беларуси характерны большие диспропорции собственных и импортируемых энергоресурсов в топливно-энергетических балансах, при наличии значительных резервов традиционных энергоресурсов (угля, торфа и т.д.).

9. Уровень сотрудничества между Польшей, Украиной и Беларусью в энергетической сфере остается достаточно низким, несмотря на значительный потенциал реализации совместных энергетических проектов.

10. В целом уровень энергетической безопасности Польши, Украины и Беларуси можно признать неудовлетворительным, учитывая периодические энергетические конфликты, которые возникали на протяжении 2005–2009 гг.

Литература

1. Гончар М. Опыт нефтяных и газовых войн: уроки прошлого и последствия для региона // «Наше мнение», 03.11.09, http://nmnby.eu/pub/0911/03d.html
2. Sweboda P. Strategiczne wyzwania dla UE. Ksztaltowanie zewnecznego wymiaru polityki energetycznej – Raport demosEUROPA – Warszawa, 2006.
3. EU Energy Security and Solidarity Action Plan: Second Strategic Energy Review. MEMO/08/703/ Brussels, 13 November 2008, http://ec.europa.eu.
4. Securing your energy future: Comission presents energy security, solidarity and efficiency proposals EUROPA, 13 November 2008, http://europa.eu.
5. Raport «Bezpieczeństwo energetyczne Polski»// BEZPIECZEŃSTWO NARODOWE. 2006. №1. S. 14–27.
6. Podolski A. Gaz narodowy czy europejski? Politycne ta historyczne uwarunkowania percepcji wybranych wyzwan dla bezpieczenstwa energetycznego RP/ Monitoring polityki zagranicznej. Warszawa: Centrum polityki zagranicznej. 2007
7. Митяев О. Дональду Туску дорог «Янтарь». 11/02/2008, http://www.rian.ru/analytics/20080211/98917627.html.
8. Логинов Я. Отголоски газового кризиса: российская ловушка для поляков // «Зеркало недели». № 15 (743) 25–29 апреля 2009, http://www.zn.ua/2000/2229/66004/)
9. Analiza nt. oceny dzialan na rzecz bespieczenstwa energetycznego panstwa w obszrze gazu ziemnego realizowanych przez struktury administracji rzadowej RP i spolki energetyczne. Warsawa: Biuro Bespieczenstwa Narodowego, 2009, www.bbn.gov.pl/download.php?s=1&id=3432.
10. Перспективи енергозабезпечення України в контексті світових тенденцій: Монографія / За заг. науковою ред. А. Шевцова. Д.: РФ НІСД, 2008. 208 с.
11. Ukraine: Lynchpin for European Energy Security // FRIDE Democracy Backgrounders. July 2008. № 15.
12. Уніговський Л., Частухін В., Лактіонов О., Федоренко С. Диверсифікація джерел і марштуртів газопостачання: вибір для Європи та України // «Національна безпека і оборона». 2009. №6. С. 59–64.
13. Лук'янчук С. Перша газова війна. Нотатки очевидця // «Українська правда», 04.01.2001, http://pravda.com.ua/articles/4b3a11f284b74/.
14. Мостовая Ю., Еременко А.Совершите вы массу открытий (иногда не желая того) // «Зеркало недели». № 4 (583) 4—10 февраля 2006, http://www.zn.ua/1000/1030/52513/
15. Шевцов А. Підсумки газового протистояння / http://www.db.niss.gov.ua/monitor/comments.php?catid=6&shownews=314.
16. Ермилов С. Энергетическая стратегия Украины на период до 2030 года: проблемные вопросы содержания и реализации // № 20 (599) 27 мая—2 июня 2006, http://www.zn.ua/2000/2200/53482/).
17. Конфликт между Россией и Украиной обостряется, 11.12.08, http://news.rin.ru/news/185090/http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82_%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%B9_%D0%B8_%D0%A3%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B9_2008%E2%80%942009_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 - cite_note-news.rin.ru-20.

18. Тимошенко обвинуватила Фірташа, Бойка і Ющенка в зриві газових переговорів // «Українська правда». 14.01.09, http://pravda.com.ua/news/4b1aa32421a28.
19. Богдан Соколовський: Газові контракти у будь-якому випадку доведеться змінювати // «Україна молода». 15.09.2009.
20. Украина и ЕС подписали декларацию: независимость оператора ГТС обеспечена / http://rus.newsru.ua/finance/23mar2009/gts2.html, 23.03.09.
21. Ракова. Е. Какая энергетическая безопасность нужна Беларуси? // «Наше мнение», 06.07.05, http://www.nmnby.org/pub/030705/energy.html.
22. Мясникович М. Энергетическая безопасность и устойчивое инновационное развитие – основа независимости страны // «Белорусский экономический журнал». 2007. № 3.
23. Указ президента Республики Беларусь от 25 августа 2005 г. № 399 «Об утверждении Концепции энергетической безопасности и повышения энергетической независимости Республики Беларусь и Государственной комплексной программы модернизации основных производственных фондов Белорусской энергетической системы, энергосбережения и увеличения доли использования в республике собственных топливно-энергетических ресурсов в 2006–2010 годах», http://www.bankzakonov.com/d2008/time24/lav24613.htm.
24. Geopolityka rurogiangow. Wspolzaleznosc energetyczna a stosunki miedzinarodowe na obszarze postosowieckim. Pod redakcia Ernesta Wycisziewicza, Warszawa: Polski Instytut Spraw Miedzinarodowich, 2008.
25. Ракова Е. Энергетический сектор // «Белорусский ежегодник 2008». БИСС. Вильнюс. 2009. С. 291–302.
26. Указ президента Республики Беларусь от 15 ноября 2007 г. № 575 «Об утверждении Государственной комплексной программы модернизации основных производственных фондов Белорусской энергетической системы, энергосбережения и увеличения доли использования в республике собственных топливно-энергетических ресурсов на период до 2011 года», http://pravo.by/webnpa/text.asp?start=1&RN=P30700575.
27. Маненок Т. Перспективы Беларуси в условиях кризиса в контексте усиления зависимости от российских энергоресурсов // «Наше мнение». 04.11.09.
28. Костюгова В. Перспективы участия Беларуси в эксплуатации нефтепровода Одесса-Броды, BISS SA 4/2008-EG.
29. Поможет ли Восточное партнерство решить проблему энергетической безопасности Беларуси? // http://www.newsdate.by/economics_128073.html.

Анастасия Денищик

К ВОПРОСУ О ВИЗУАЛЬНЫХ ПОЛИТИКАХ ДЕТСТВА В БЕЛОРУССКИХ МЕДИА

Abstract

This article offers an analysis of several types of visual representation of girls – former participants of Eurovision child contest. For the purposes of this analysis, a number of photographs from their official sites were interpreted. Focusing on the representation of childhood and the representation of publicity, which come together in this images, the article explore issues of eroticization of child images, the ambitendency of child and teenage images and functioning of pornography imaginary.

Вики Лебо в монографии «Детство и кинематограф» говорит о XX веке как о веке, «в котором изображение ребенка на пленке – статичное или движущееся – стало частью опыта повседневной жизни»[1]. И действительно, визуальный образ детства чрезвычайно важен как для коммерческой, так и для политической визуальной культуры. Ребенок, будучи помещенным в сферу визуального, становится формой, посредством которой могут быть транслированы очень важные культурные значения. И медийные репрезентации детства (прежде всего, визуальные) являются одним из интереснейших объектов исследования.

Базовой теоретической рамкой данного небольшого исследования является классическая концепция репрезентации С. Холла. С. Холл понимает под репрезентацией процесс производства значений на базе любой системы знаков. В процессе репрезентации, говорит Холл, посредством языка создается значение, заменяющее собой предмет или абстрактное понятие[2]. Создание репрезентаций, таким образом, с неизбежностью вовлечено в процессы отбора, в ко-

торых определенные знаки предпочитаются другим. Р. Дайер замечает, что «то, как нас видят, частично определяет то, как к нам относятся; то, как мы относимся к другим, базируется на том, как мы их видим. Такое «видение» следует из репрезентации»[3]. Соответственно, вопросы о том, как те или иные репрезентации подвергаются регуляции в дискурсах, в различных медиа, иными словами – политики визуальных репрезентаций – чрезвычайно актуальны.

В контексте теории репрезентации становится очевидным, что не материальный мир порождает культурные значения, а социальные акторы, взаимодействуя и используя концептуальные или понятийные системы, а также язык и другие системы репрезентации своей культуры, наделяют мир значениями и смыслом, конструируя эти смыслы и производя мир, значимый для других. Анализируя визуальные (и в более широком смысле – культурные) репрезентации, конвенции их создания, мы, в конечном итоге, выходим на более глубинные уровни анализа идеологии, тех, если пользоваться терминологией Бурдье, социальных условий возможности их возникновения в том или ином социально-культурном, историческом контексте.

Материалом для данной статьи выступает лишь небольшая часть визуальных репрезентаций детства, а именно – фотографии девочек, белорусских исполнительниц поп-музыки, бывших представительниц Республики Беларусь на детском конкурсе песни «Евровидение». Обсуждаемые в статье фотографии – часть презентационных материалов, размещенных на персональных интернет-сайтах исполнительниц[4].

Как правило, после участия в конкурсе «Евровидение» дети-участники более или менее успешно временно встраиваются в структуру белорусского «шоу-бизнеса»[5], продолжая выступать на многочисленных государственных концертах. Белорусскими аналитиками неоднократно отмечалось значение конкурса «Евровидение» для локального официального политического дискурса[6]. Авторы публикаций указывали на то, что призрачные достижения республиканских представителей на международных конкурсах и соревнованиях, будучи помещенными в фантазийный контекст белорусского политического дискурса, становятся главным достижением, своеобразным «пропуском в Европу»[7]. А также на то, что в белорусском контексте этот конкурс становится очередным государственным музыкальным шоу в духе концертов «За Беларусь». «*Всенародное патриотическое мероприятие*», пишет Нина Игнатович[8], отмечая актуальность конкурса на всех его этапах – от отборочного тура до трансляции и голосовании в прямом эфире – для белорусского государства. Не меньшее, а, возможно, и большее политическое значение имеет для Беларуси детский конкурс «Евровидение», на котором в 2005 году белорусская участница, 10-летняя Ксения Ситник, заняла призовое первое место. Знаковой фигурой для белорусского «проекта Евровидения», да и вообще для развития детского «шоу-бизнеса» в Республике Беларусь с тех пор стала мама Ксении – Светлана Стаценко. С 2005 до 2009 года

Стаценко еще дважды готовила исполнителей для участия в детском конкурсе (Андрей Кунец, 2006 год и трио «Даша, Алина, Карина», 2008 год), получив после победы дочери пост художественного руководителя *Национального центра музыкальных искусств* им. Владимира Мулявина и звание заслуженного деятеля культуры Беларуси. Во многом именно благодаря Стаценко дети-исполнители наводнили белорусскую эстраду, стали постоянными участниками всевозможных праздничных концертов, а тема детского Евровидения – стала одной из популярнейших тем белорусских медиа[9].

Специфической чертой визуальной образности «детей-звезд» является то, что визуальная политика в данном случае определяется именно факторами публичности и возраста. То есть конструирование визуального образа «публичного ребенка» должно соблюдать некий баланс наполнения маркерами публичности и маркерами возраста (в то время как и тот и другой фактор являются идеологически значимыми и символически нагруженными конструктами). В свое время Барт писал в эссе, посвященном Мину Друэ: «Удивление публики вызвано не реальным уничтожением сущностей (что было бы делом весьма здравым), а лишь их торопливым смешением. Это прекрасно выражается в сугубо буржуазном понятии чудо-ребенок (Моцарт, Рембо, Роберто Бенци) — он является предметом восхищения, поскольку идеально воплощает в себе функцию всякой капиталистической деятельности: выиграть время, свести длительность человеческой жизни к арифметическому исчислению драгоценных моментов»[10]. С одной стороны, ребенок или подросток, волей обстоятельств ставший публичной фигурой, оказывается в ситуации необходимости функционирования как знака публичности (со всеми сопутствующими атрибутами успешности и «взрослой» жизни) внутри системы массовой визуальной культуры, с другой – должен сохранять в своем образе определенный набор атрибутов или маркеров «детскости».

Одна из ведущих стратегий достижения данной цели, предлагаемая современной массовой культурой – эротизация детского визуального образа. В западной исследовательской традиции[11] этот процесс трактуется прежде всего как проецирование на детский образ сексуальных фантазий взрослых и связывается одновременно с производством как знаний о детстве (или фантазий о детстве в прямом смысле), так и с расширением возрастных границ «сексуального тела», включением ребенка в «перечень» доступных сексуальных объектов. Западными исследователями данная тенденция описывается в терминах угрозы – эротизация визуальных образов связывается ими в том числе и с ростом количества преступлений, совершаемых против детей на сексуальной почве.

Тем не менее, мир детских образов в массовой визуальной культуре функционирует в рамках диалектики экспансии и контроля. Коммерческая составляющая современного капитализма действует на увеличение потребления, поэтому объемы продаж рекламы для детей и рекламы, использующей детские образы, растут. Эротизация детских образов благодаря этому процессу непре-

рывно усиливается. В ответ на столь быстрое увеличение количества эротических детских образов разные силы на многочисленных социальных уровнях предпринимают попытки контролировать и сдерживать детскую сексуальность, особенно в изобразительной сфере[12]. Так, международное законодательство в области ограничения распространения порнографии строго определяет пределы допустимого в визуальной репрезентации ребенка. Например, правила детского конкурса «Евровидение» оговаривают то, что в детской одежде не должно быть взрослых элементов, и дети должны быть полностью одеты (т.е. короткие одежды и пр. не допускаются)[13]. Так, под действие жестких правил конкурса в 2005 году попал костюм Ксении Ситник. К созданному для нее дизайнером одежды Иваном Айплатовым костюму EBU (Европейский вещательный союз) предъявил претензию по поводу «открытого живота», после чего костюм был доработан и живот прикрыт[14].

Однако визуальные образы детей, циркулирующие вне контекста конкурса, регулируются в отношении маркеров сексуальности в меньшей степени (хотя и должны подпадать под действие достаточно жесткого белорусского законодательства в области распространения эротики и порнографии). Так, дети и подростки часто репрезентируются различными медиа в образах взрослых, с развитой и подчеркнутой сексуальностью. Такие фотографии используют определенные позы и ракурсы, за которыми в визуальной культуре традиционно закреплены вполне определенные смыслы[15], а также и другие традиционные приемы «порнографической» стилистики, к которым можно отнести[16]: фрагментацию тела, сведение всего тела к его частям – губам, груди, использование сверхкрупных планов и специфических ракурсов, использование специфических визуальных метафор, репрезентация сексуального объекта как пассивного, безвольного существа, с отсылками к животному, природному миру, помещение героя в специфические, часто экзотические, контексты, использование фетишизированной одежды и атрибутики и тому подобное. Кроме того, здесь следует отметить, что подобный тип визуальной репрезентации ребенка задействует и весь спектр стилистических приемов и иконографических типов и кодов репрезентации женской сексуальности, сложившийся в западной визуальной культуре и заимствованный медиа, особенно рекламной индустрией постсоветских стран.

Огромное количество визуальных примеров вышесказанному можно найти в фотогалерее официального сайта Ксении Ситник (http://kseniya.by/). Структура галереи проста – все фотографии представлены в ней по годам, начиная с 2005 г. – года победы Ксении на конкурсе «Евровидение». Внутри этих больших рубрик материалы структурированы по категориям (выступления, презентации клипов или альбомов, государственные мероприятия, частные фотографии и так далее). Особый интерес для обсуждаемой темы представляет категория «Открытки» (она размещена в разделе за 2008 год, Ксении 13 лет), со-

держащая серию открыток-визиток с фотографиями Ксении и ее контактной информацией. Ряд подобных открыток однотипен – на них размещен коллаж из 6 фотографий и 7-ая, более крупная фотография-портрет. Рассмотрим одну из подобных открыток подробнее[17]. Фотоколлаж на ней объединяет 6 типических образов, каждый из которых выстраивается в результате взаимодействия мизансцены, костюма, атрибутов, поз и мимики героини. Все пространство первой из фотографий (сверху, по часовой стрелке) занимают яркие драпировки, имитирующие убранство роскошной спальни. Постельное белье и пышное платье героини сливаются, оставляя обнаженными шею, верхнюю часть груди и руки. На второй – Ксения в образе девушки-простушки лежит в скошенном поле, с яблоком в руках. Третий портрет выдержан в стилистике студийной модельной фотосессии. Четвертая фотография – героиня в кимоно, на фоне японского бумажного зонтика воспроизводит медийно клишированную позу японской девушки (гейши?) – полуприкрыв лицо веером, стыдливо смотрит вниз. На пятой – Ксения в рабочем комбинезоне и большой рубашке сидит на капоте машины перед раскрытым ящиком с гаечными ключами. И, наконец, на шестой – полуобнаженная девушка с цветами в волосах выглядывает из-за пышного куста, ветка которого прикрывает ей грудь, оставляя и здесь плечи и верхнюю часть груди обнаженными.

Этот фотоколлаж объединяет несколько весьма распространенных типов репрезентации женской сексуальности в современной визуальной культуре, хорошо всем известных, в частности, по рекламным изображениям, без устали воспроизводящим данные иконографические типы – женщина в интерьере спальной комнаты, деревенская простушка в сельском антураже, модель, гейша или обитательница гарема, «свой парень», Ева и так далее. Иными словами, данный коллаж – это монтаж, объединивший несколько сексуальных ролей, традиционных для мужского патриархатного воображаемого. Этот же прием был использован и в достаточно популярном клипе Ксении Ситник «Простая песенка» (2007 год), в котором исполнительница дефилирует перед мужским взглядом, репрезентированным взглядом камеры, в образах стюардессы, секретарши, девочки-хулиганки и принцессы.

Будучи помещенной в поле порнографического визуального, женщина становится конструируемым и контролируемым объектом – она по возможности точно отвечает «запросам» клиента; недаром на порнографических сайтах обычно представлена практически полная «классификация» – от white/black до pregnant, а в ассортименте магазинов интимных товаров можно найти и стилизованные костюмы для ролевых игр, сценариям которых соответствуют перечисленные выше образы[18].

Одна из открыток данной серии воспроизводит еще один распространенный тип визуализации женской сексуальности – крупный план лица в полуобороте, с взглядом из-за чуть приподнятого обнаженного плеча[19]. Нужно отметить, что

вся серия этих открыток, кроме контактной информации и имени исполнительницы, сопровождается надписью, которая, очевидно, имитирует личную подпись и представляет собой слово «KISS» в росчерке пера.

Сложно избавиться от мысли, что стилистически эти материалы больше походят на буклет массажного салона, нежели материал портфолио 13-летней исполнительницы популярных песен. В многочисленных интервью Светланы Стаценко практически невозможно найти вопрос о том, почему Ксения эксплуатирует такие атрибуты «взрослой женщины», как подчеркнуто «взрослый» мейкап, сексуально маркированная одежда и т.п. Но если они встречаются, как правило, Светлана отвечает так: «Мне кажется, она [Ксения] очень нормальная, – отвечает на них Стаценко. – Я не могу отнять у нее часть мозга. Ведь она в пять уже рассуждала так, как не рассуждают пятнадцатилетние. Слава и победа тут не при чем. Вы что – хотите видеть тупых подростков на телеэкране? Мне попросить Ксению скосить глаза, пустить слюну, выражаться проще, или что?»[20].

Фотоальбом официального сайта Ольги Сацюк – представительницы Республики Беларусь на детском конкурсе «Евровидение-2003» – немного скромнее по объему, однако образы и стилистика фотографий здесь аналогичны[21]. Отличается, правда, и качество визуального материала – среди фотографий много любительских, но и те, что очевидно сделаны в студии, скромнее по уровню исполнения и затратам на костюмы и реквизит. Однако это обнажает приемы и «швы» визуальной репрезентации. Среди фотографий Ольги много изображений девочки в концертных костюмах с псевдоэтническими мотивами[22] – клише, которое активно используется взрослыми представителями белорусской эстрады. Маркерами «белорусскости» в этом случае выступают фактура ткани (лен), цвета (белый, красный, серый, синий), орнамент, имитирующий вышивку народного костюма. Однако в изображениях этого типа означающие этнической (национальной) принадлежности объединяются в одну знаковую поверхность с традиционными означающими сексуальную привлекательность – игривыми позами, обнаженными плечами и животом, взглядом, легким наклоном головы и прочими атрибутами эротического тела.

Немногочисленные фотографии трио «Даша, Алина, Карина» – официальных представительниц Республики Беларусь на детском конкурсе «Евровидение-2008» – на первый взгляд достаточно нейтральны. Однако трио даже на визуальном уровне воспроизводит классическую эстрадную схему женского песенного коллектива, объединяющего блондинку, брюнетку и рыжую. Интересна фотография трио, на которой девочки в белых стилизованных народных платьях, в пышных венках, с распущенными волосами позируют камере на фоне сельского пейзажа, воспроизводя позы взрослых кокетничающих женщин[23].

Для подобных эротизированных изображений детей и подростков, как говорилось выше, характерна предельная типизация, подобные образы как истинно порнографические образы предельно поверхностны – «для порнографического

воображения любой персонаж заменим любым другим, а сами персонажи предметами … герои порнографии показываются только извне»[24]. Не случайно на главной странице одного из анонимных сайтов «дети Евровидения» размещена одна из фотографий Ксении Ситник, на которой ее сложно узнать – это *какая-то* девушка лежит на *какой-то* кровати, но *в узнаваемой позе*[25]. Такие легитимно эротизированные детские образы пользуются чрезвычайной популярностью как среди взрослых, так и среди подростков[26]. Очевидно, что мы являемся свидетелями сложного процесса, происходящего в современном обществе: всеобщей и жесткой борьбы с порнографией как таковой, и одновременной коммодификацией эротического/порнографического и превращением порнографического воображения в бренд. Конечно, описанные выше типы визуальной репрезентации детей – лишь одна из составляющих «публичного спектакля детства»[27]. Однако процесс их бесконечного воспроизведения и тиражирования, функционирования и потребления их массовой культурой конструирует ситуацию, в которой коды эротического перестают опознаваться как таковые. Визуальные, и шире – культурные репрезентации детства сообщают нам больше информации о мире взрослых (в котором они были созданы), нежели о самих детях. В этом смысле образ ребенка как поле производства культурных значений наиболее полно представляет усилия, предпринимаемые взрослыми для его формирования, отражая, в том числе, политики производства знаний о детстве.

В заключение необходимо отметить следующие ключевые моменты. В белорусских медиа описанные выше типы визуальной репрезентации девочки абивалентны. В тех случаях, когда их функционирование регулируется положениями международных нормативных актов (как в случае с выступлениями белорусских участников на детском конкурсе Евровидение) визуальный образ «вычищается» в соответствии с требованиями Европейского вещательного Союза. Из него убираются малейшие знаки, способные отсылать к детской «сексуальности» (обнаженный живот, балетные пачки подтанцовки и т.п.). В тех случаях, когда описанный выше тип репрезентации функционирует в белорусских медиа, он трактуется как более свободный, как правило, представляет собой эротизированный образ, и включает в себя технические (крупный план, фрагментация, объективация и другие) и идеологические (инфантилизация женского образа, эффект истерического желания, конструирование образа ребенка как зависимого, объектного, пассивного) составляющие.

Приложение

Ксения Ситник на детском конкурсе песни Евровидение-2005

Ксения Ситник. Открытка. 2008 год.
[available online 22.01.2011] http://kseniya.by/photos/image-204.html

Ксения Ситник. Открытка. 2008 год.
[available online 22.01.2011] http://kseniya.by/photos/image-205.html

Ольга Сацюк
[available online 22.01.2011] http://olga-s.by.ru/album/images/fullsize/3.jpg

Ольга Сацюк
[available online 22.01.2011] http://olga-s.by.ru/album/images/fullsize/9.jpg

Ольга Сацюк
[available online 22.01.2011] http://olga-s.by.ru/album/images/fullsize/100.jpg

Ольга Сацюк
[available online 22.01.2011] http://olga-s.by.ru/album/pages/image/imagepage106.html

Трио Даша, Алина, Карина
[available online 22.01.2011] http://www.eurovision.org.ru/news/2008-11-18

Главная страница сайта «Дети Евровидения»
http://euroby.net.ru

Примечания

1 Lebeau V., Childhood and cinema. London: Reaktion book, 2008. P. 11.

2 См. Hall S. The Work of Representation // Representation. Cultural Representations and Signifying Practisies. SAGE, 1997.

3 Dyer R. The Matter of Images: Essays on Representations, London: Routledge. 1993. P. 1.

4 Ксения Ситник, Ольга Сацюк, трио «Даша, Алина, Карина».

5 Я заключаю здесь слово шоу-бизнес в кавычки, чтобы подчеркнуть, что шоу-бизнеса в его традиционном понимании как части сложного комплекса индустрии развлечений, и шире – культурной индустрии, обладающей специфическими характеристиками и экономически регулируемой рыночными отношениями, в Беларуси нет. Это тема заслуживает отдельного исследования и я оставлю ее за рамками данной статьи.

6 Здесь можно, например, вспомнить публикации А. Усмановой «Евровидение как шоу-case» и Нины Игнатович «Приказано гордиться» на сайте «Наше мнение», nmnby.eu,

7 См. Усманова А. Евровидение как шоу-case. Наше мнение. [available online 10.03.2010] http://nmnby.eu/pub/0705/16m.html

8 Игнатович Н. Приказано гордится. Наше мнение. [available online 10.03.2010] http://nmnby.eu/pub/0705/14m.html

9 В данную статью не вошли материалы о Детском конкурсе Евровидение–2010 в Минске.

10 Барт Р. Литература и Мину Друэ // Барт Р. Мифологии. М. 1996. С. 197

11 См., например, известную монографию «Erotic innocence. The Culture of Child Molesting» (J.R. Kincaid), работы V. Walkerdine и др.

12 Kleinhans Ch. Virtual Child Porn: The Law and the Semiotics of the Image // Journal of Visual Culture Vol 3(1): 17–34. P.18–19.

13 Правила конкурса. [available online 09.09.2009] http://www.junioreurovision.tv/page/home

14 См. приложение 1.

15 См. приложения.

16 Подробнее о так называемой «порнографической образности» см. статью: Денищик А. Порнографическое воображаемое в поле социального // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. научн. ст. / Под ред. Е.В. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 380–397.

[17] См. приложение 2.

[18] Интересно, что один концертных костюмов К.Ситник (и О. Сацюк), часто встречающийся на ее фотографиях – это стилизованный костюм исполнительницы belly dance: топ, обнажающий живот, и шаровары, обильно украшенные монетками – прямая отсылка к «гаремному» воображаемому.

[19] См. приложение 3.

[20] Интервью со С. Стаценко. [available online 8.08.2009] http://naviny.by/rubrics/bomond/2008/09/27/ic_articles_121_159176

[21] См. приложение 6, 7.

[22] См. приложение 4, 5.

[23] См. приложение 8.

[24] Зонтаг С. Порнографическое воображение // Мысль как страсть. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 80.

[25] См. приложение 9.

[26] Достаточно посмотреть фотографии подростков в социальных сетях, которые воспроизводят описанные выше иконографические схемы.

[27] Smith M. Fantasies of Childhood: Visual Culture and the Law // Journal of Visual Culture Vol. 3(1): 5–16.

Наталия Игнатоля

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В УКРАИНЕ (НА ПРИМЕРЕ САМОЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН ЗАКАРПАТЬЯ)

Abstract

In this article, were analyzed the main trends in female employment in the informal sector of Transcarpathian region in an environment where most men are foreign migrants. The problem of self-employment is especially actual for mountainous territories of Transcarpathian region, where the quantity of the employed population in all spheres of economic activity has a tendency to reduction. Informal enterprise practices and labour migration are the basic sources for existence of the inhabitants of Transcarpathian region nowadays, when majority of the population depends on self-providing and self-surviving.

В начале 90-х годов прошлого века расширился охват трудовой миграции населения Украины. Если первыми в нее включились жители столицы, больших городов, где люди более информированы, мобильны и существуют связи с зарубежными странами, то постепенно все активнее становились жители разных по величине поселений.

Целью данной статьи является анализ специфики основных тенденций занятости женщин в неформальном секторе экономики Закарпатья в условиях, когда большинство мужчин являются внешними трудовыми мигрантами.

Основные **задачи** нашей работы:

– анализ гендерных стереотипов в современном украинском обществе, которые мешают женщинам стать трудовыми мигрантами;

– исследование роли самозанятости и неформальных предпринимательских экономических акций в занятости женщин Закарпатья, мужья которых работают за границей;

– обобщение результатов социологического исследования по оценке потребностей относительно сфер занятости женщин горных районов Закарпатской области.

Главной гипотезой нашего исследования выступает предположение, что развитию предпринимательства и трудовой миграции среди женщин горных территорий Карпатского региона Украины часто препятствуют культурные, исторические традиции реципроктности и некоторые распространенные ментальные модели (коллективное сознание, патриархальные отношения в семье).

Гендерные стереотипы в современном украинском обществе

В своей жизни мужчины и женщины, следуя определенным стереотипам поведения, проигрывают те социальные роли, которые предписывают им общество, культура, религия и т. д. Наиболее распространенными в Закарпатье являются традиционные гендерные роли, в соответствии с которыми мужчина считается «добытчиком, кормильцем семьи», а с точки зрения работодателей – полноценным работником.

Одной из самых серьезных проблем женской занятости является устойчивость в украинском обществе гендерных стереотипов, согласно которым социальная роль женщины ограничивается обслуживанием мужской части населения и домашним трудом в семье. Создание полноценной картины гендерных отношений требует выяснения (определения) роли женщин и мужчин в таких социальных институтах, как семья, домашнее хозяйство, рынок рабочей силы, система образования и воспитания. Исследованию подлежат религиозные и правовые доктрины.

Для женщин во многих случаях отведена роль «хранительницы очага, жены, матери», но с точки зрения работодателей женщина – работник «второго сорта», поскольку чрезмерно нагружена семейными обязанностями [2]. Данные предположения прослеживаются в тенденциях задействования женщин в процессах трудовой миграции в Закарпатской области.

Традиционно трудовая миграция воспринимается в основном как мужское занятие: мужчина выезжает на заработки, выполняя задание основного «кормильца» в семье, а женщина либо остается дома, либо следует за ним в качестве члена семьи.

В миграционных исследованиях можно выделить четыре основные социально-демографические группы женщин:

1) женщины – самостоятельные трудовые мигранты;

2) женщины, которые становятся трудовыми мигрантами, присоединяясь к мужьям – трудовым мигрантам;

3) женщины, которые выезжают просто как жены трудовых мигрантов и оказываются в полной зависимости от них, поскольку не имеют самостоятельного дохода;

4) женщины, которые остаются без мужей на родине в связи с их выездом на заработки.

Кроме того, женщины – трудовые мигранты страдают от отрицательного имиджа в обществе, связанного с тем, что часть из них вовлечена в проституцию и сферу развлечений. Негативную роль играет также стереотип, что мигранты ничего не вносят в бюджет и претендуют на социальные пособия, в том числе по беременности и родам.

Наконец, для стран исхода мигрантов важны вопросы, связанные с «синдромом разъединенной семьи», когда женщины остаются на родине без мужей, уехавших на заработки. Такие семьи, как правило, более благополучны в плане материального обеспечения, однако имеют проблемы, связанные со сложными взаимоотношениями в семье, что отражается на психологическом состоянии и социализации детей. Это же относится и к женщинам, вынужденным уезжать на заработки в другую страну и оставлять своих детей на попечение мужей или родственников.

Отток молодежи приводит к негативным демографическим последствиям как из-за разрушения семейных отношений, так и по причине неблагоприятной для рождения и воспитания детей специфики «мигрантского» образа жизни. Например, в Черновицкой области, где значительное число населения вовлечено в трудовую миграцию, количество браков на тысячу населения в 2007 году в сравнении с 1990 г. сократилось в 1,3 раза. Одновременно за этот период абсолютное количество разводов увеличилось почти в 1,5 раза [3].

Самозанятость и домашний труд женщин Закарпатья – жен трудовых мигрантов

Исторически сложилось, что женщины в горных районах Закарпатской области Украины имеют значительно меньше возможностей, чем мужчины, для проявления своих способностей. Причина этого – в отношении социума к женщине. Женщина может реализовать себя как личность только в материнстве и семейной жизни, а что касается профессионального роста и общественно-политической деятельности, то, по сложившимся традициям, они считаются для женщины вторичными и необязательными. Очевидно, что такое отношение к женщине – прямое нарушение ее гражданских, личных и трудовых прав.

Выделим следующие причины неравномерной занятости мужчин и женщин:

1. Представление о том, что женщина прежде всего домохозяйка, имеет в патриархальной культуре очень глубокие корни. Большинство женщин усваивают эту норму с детства как часть своей «женственности», т.е. гендерной роли.

2. Соблюдение норм традиционных гендерных ролей приводит ко многим формам отличий между мужчинами и женщинами. Гендерные роли усваиваются с помощью социализации, в результате которой индивид принимает как норму свое поведение (мужчины или женщины).

3. Социолог Т. Парсонс [9] утверждает, что распределение труда между полами в семье оправдано тем, что женщины биологически больше приспособлены к заботе о других. Поэтому их сфера – материнство и им отведена «экспрессивная» роль. Это полностью соответствует сложившемуся в Закарпатье стереотипу.

4. «Домохозяйство» стало ассоциироваться в основном с женщинами лишь в период индустриализации, когда место работы и место проживания не совпадали. Сложилось своего рода новое распределение труда, где мужчины могли посвятить себя преимущественно оплачиваемой работе благодаря тому, что женщины избавили их от большей части домашних обязанностей.

Домашний труд, как правило, не оплачивается и не считается «настоящей работой». И только в 70-е гг. XX века он стал рассматриваться социологами именно как работа, настолько же необходимая для функционирования семьи, как и общественное производство [14].

Характеризуя и анализируя развитие горных территорий Карпатского региона Украины, не следует оставлять без внимания предпринимательскую деятельность в рамках семейного домохозяйства. Оно является центральной ареной развития неформальной экономики, а также своеобразным испытательным полигоном для нее. Более всего потому, что жизнедеятельность семьи (включая и экономическую сторону) не является чем-то регламентированным и помещенным в жесткие рамки и ограничения. Вообще, поступки людей вряд ли только рациональны. Схемы «человека экономического» [10] почти не срабатывают при анализе реальной повседневной хозяйственной жизни большинства населения горных территорий Закарпатской области. К горным районам Закарпатской области относятся Раховский, Хустский, Межгорский, Воловецкий. Одной из главных характеристик области является горная местность: четыре пятых территории занимают горы и только одна пятая – равнина.

Количество населения в области на 1 ноября 2006 г. составляло 1257,7 тыс. человек, 37% которых проживает в городах. Приблизительно 250 тыс. человек проживают в населенных пунктах, имеющих статус горных.

Количество работоспособных лиц в области составляет около 780 тыс. чел. Относительно низкий уровень развития экономики обусловил существование избытка трудовых ресурсов. Этим и вызвана значительная трудовая миграция населения. По расчетам, около 200 тыс. граждан (70% – мужское население) области работали за пределами Закарпатья. Закарпатская область традиционно остается трудоизбыточным регионом. Уровень зарегистрированной безработицы по области составляет 6%; в низинных регионах (Ужгородском, Мукачев-

ском, Виноградовском и Береговском) этот показатель находится в пределах 2–6%, в то время как в горных районах (Великоберезнянском, Воловецком, Межгорском, Раховском, Хустском) он колеблется в пределах 11–18%. Это официальные цифры, а неофициальные – эти показатели нужно как минимум утроить.

Большая часть малых предприятий в расчете на 10 тыс. человек размещается в городе Ужгороде – 165 субъектов малого предпринимательства, в городе Мукачево – 133, в Береговском – 137, а в горных районах (Раховском, Воловецком, Межгорском) – 18 субъектов малого предпринимательства [7].

Как подтверждают исследования и разработанная Концепция устойчивого развития Закарпатья, ориентируясь на рыночные критерии, учитывая исторические трудовые традиции, этнокультурные и психологические характеристики трудового потенциала, существующий производственно-ресурсный потенциал, приоритетному развитию в наибольшей степени отвечает формирование лесной и рекреационной хозяйственных систем, которые органически взаимосвязаны с предпринимательством на основе деятельности в домохозяйствах (при наличии личных подсобных хозяйств) и трудовой миграции большей части мужского населения.

Характеризуя и анализируя развитие предпринимательства на Закарпатье, не стоит упускать из вида предпринимательскую деятельность в рамках семейного домохозяйства. Оно развивается на базе домохозяйств, является центральной ареной развития экономики неформальной, а также своеобразным испытательным полигоном для нее. В области насчитывается 360,9 тысяч домохозяйств, из них 59,2% находятся в сельской местности. В целом для области характерны домохозяйства, которые состоят из четырех и больше лиц – 47,9%. Удельный вес отмеченных домохозяйств в 1,9 раза выше, чем в среднем по стране. Средний размер домохозяйства в Закарпатской области – 3,41 человек (наибольший на территории Украины) [8].

Неформальные предпринимательские акции тесно вплетаются в социальный контекст данного Карпатского региона и особенно заметны сегодня, когда большинство населения в условиях экономического кризиса полагаются лишь на самовыживание и самообеспечение.

Таким образом, имеем ситуацию, какую можно обозначить, по Т. Шанину, как доминирование неформальной (эксполярной) экономики [12]. Этот вид экономической деятельности получает определение «субстантивная экономика», которая регулируется обычаями и традициями и направлена на выживание общества как единого целого.

Практический опыт оценки потребностей сфер занятости женщин горных районов Закарпатской области

В работе использованы результаты социологического исследования по оценке потребностей относительно сфер занятости женщин горных (Раховский,

Хустский) районов Закарпатской области, которое проводилось в рамках проекта FORZA (47 глубинных интервью с жителями данного региона) в 2007 году.

Методология проведения исследования

Проект «Изучение общественного мнения о возможности внедрения разных форм собственности на леса в Закарпатье» проходил в 2006–2007 г.г. в рамках программы развития Закарпатского фонда поддержки предпринимательской деятельности «Тес Фонд»: «Возможности развития бизнеса в Закарпатской области», и акцентировал свое внимание на улучшении рыночных возможностей на пилотных территориях Хустского и Раховского районов Закарпатской области.

Участниками шести фокус-групп в июне 2007 г. стали жители города Рахова, сел Великий Бычков, Кобелецкая Поляна, Квасы, Костыливка Раховского района Закарпатской области.

Группы сформированы по следующим признакам (случайная выборка): предприниматели по деревообработке, служащие лесгоспа, работники АО «Карпаты», сельская интеллигенция и безработные домохозяйки.

Среди опрошенных – 46,8% (22) женщин и 53,2% (25) мужчин. Возраст: до 35 лет – 38,3% (18) респондентов, от 36 до 50 лет – 40,4% (19) респондентов, старше 51 года – 21,3% (10) респондентов. 74,5% (35) респондентов заняты в сельском хозяйстве, а 25,5% (12) – безработные, незанятые пенсионеры, студенты. С высшим и среднетехническим образованием – 40,4% (19) респондентов, респондентов рабочих профессий – 59,6% (28).

Личные данные не фиксировались и весь собранный материал использовался только в обобщенном виде. Протоколы фокус-групп были проанализированы с помощью пакета компьютерных программ «Контент-анализ», а прогнозирование строилось с помощью матриц коррелятивной зависимости.

Сложности и ограничения проекта

Когда мы ставили перед собой цель проанализировать потребности, то, конечно, понимали, что практическая потребность – явление не очевидное. Практическая потребность формируется в результате столкновения субъективных желаний с внешними преградами. Часть респондентов может отождествлять практические потребности со своими желаниями, прихотями. Отождествление собственного желания с практической потребностью – индикатор спонтанной свободы, характерной для обществ с низким уровнем технологической культуры или низкой продуктивностью производства. В общинах с низкой продуктивностью производства основной способ преодоления риска – это табу на некоторые виды тематики. Считается, что чем меньше они обсуждают свои намерения, тем меньше вероятность преград. О чистосердечных намерениях и желаниях членов

сообществ можно судить не потому, что они декларируют, а по ожиданиям, которые просматриваются за их декларациями. Потребности в таких общинах можно увидеть не через очевидные декларации, а через латентные ожидания. Территориальное сообщество Раховского района имеет признаки общины с низкой продуктивностью производства.

Оценивая потребности, мы исходим из формулы, что практическая потребность – это результат взаимодействия латентного ожидания и явлений, сдерживающих достижение ожидаемого результата. Различить латентное ожидание можно с помощью противоречий в декларировании гражданами своих желаний и намерений. Такие противоречия выявляются в декларациях по поводу одинаковых намерений (заготовка дров, собирание НДЛП, диалог с властями) разных социальных групп, людей с разными социальными статусами, социальными позициями и социальными ролями.

Позиция женщин относительно возможностей использования лесных ресурсов Раховского региона

Стратегическая проблема женских возможностей использования лесных ресурсов Раховского района.

Позицию женской половины респондентов относительно использования лесных ресурсов можно охарактеризовать как практически безоговорочную капитуляцию перед мужчинами. «Женщина в лес работать не поедет», – звучало много раз как социальная установка и резидентная программа поведения женщин. Главная причина этого – невозможность использования женщин на участках тяжелого физического труда, и это оставляет им слабую надежду на работу в типично мужском производстве. Чаще всего женщине достается роль домохозяйки и воспитательницы детей в условиях, когда муж на заработках.

Характерные ожидания женщин относительно возможностей использования лесных ресурсов Раховского района.

Наиболее общее ожидание, присущее большинству опрошенных женщин в Раховском районе, – это возможность их включения в систему продуктивного общественного производства.

Характерные ожидания женщин связаны:

– с возможностью получения прибыли от собирания недревесинных лесных продуктов (НДЛП) – «дары леса»;

– с возможностью самостоятельного изготовления товарной продукции из НДЛП.

– с возможностью изготовления художественных изделий из древесины (плетение из лозы и др.);

– с возможностью создания курсов и кружков для молодежи («лесные школы») по отдельным направлениям освоения лесных ресурсов района;

– с возможностью получения прибыли от экологического («зеленого») туризма.

Характерно также ожидание женщин, связанное с возможностью трудоустройства на действующее предприятие по изготовлению готовой продукции из древесины и художественных изделий из нее.

Ожидания, связанные с самозанятостью, кажутся реальными для тех женщин, которые мыслят абстрактно, потому что они никогда не занимались сбытом своей продукции на рынке. Те женщины, что уже знакомы с характером риска на рынке лесных ресурсов, предпочитают трудоустройство на действующие деревообрабатывающие предприятия.

Практическая потребность женщин в процессе возможностей использования лесных ресурсов Раховского района.

Практической потребностью женщин, ожидающих прибыли от собирательства и заготовки НДЛП, является наличие посредников, что уменьшает их риск по взаимодействию с отдаленным потребителем. В качестве посредника между женщиной, которая собирает НДЛП, и отдаленным потребителем может быть не только тот, кто перерабатывает «дары леса», но и простой заготовитель. При отсутствии тех, кто перерабатывает НДЛП на месте (например, консервный завод, который простаивает), количество заготовителей должно возрастать.

Никто из респондентов даже не задумывался о том, что все причины нестабильности в предпринимательстве из НДЛП – факторы риска не для тех, кто собирает «дары леса», а для посредников-оптовиков. Это происходит потому, что роль собирателя-предпринимателя НДЛП непрестижна даже для безработной домохозяйки. Роль собирателя-бизнесмена приемлема лишь для детей и старых женщин. Молодая домохозяйка может представить себя в этом бизнесе без вреда для своего престижа только в роли посредника-оптовика.

Таким образом, риск потери социального статуса формирует у молодых женщин стойкую потребность собирать и заготавливать НДЛП не для коммерции, а для семейного, не коммерческого, потребления, т.е. снова над экономическими целями преобладают социальные. Аббревиатура «НДЛП» или термин недревесинные лесные продукты производят на женщин-респондентов исключительно содержательное влияние. Применение во время фокус-группы распространенного в регионе термина «дары леса» оказывают на женщин более глубокое, сакральное влияние. Ключевое слово «дар», попадая в социокультурный фрейм, включает одну из резидентных программ, например: «подаренное грех продавать» или «подаренное не дарят». То, что происходит на подсознательном уровне, особенно эффективно санкционирует поведение в рамках строго определенной социальной роли женщины: нельзя торговать и зарабатывать подарками. Поэтому подтверждается предположение, что развитию предпринимательства часто препятствуют культурные традиции реципроктности и

некоторые распространенные ментальные модели у населения данных территориальных образований.

Формирование потребностей у женщин на уровне ожиданий дохода от самостоятельного изготовления или заготовки продукции из НДЛП существенно отличается от продажи сырья. Это уже не «дары природы», потому что в заготовку и консервирование вкладывается женский труд. Однако нельзя однозначно утверждать, что сакральные табу «дара» хотя бы частично не переносятся на все НДЛП. С этим у женщин связаны риски: отсутствие стабильного сбыта продукции; отсутствие навыков рекламы и маркетинга готовой продукции; недостаточная информация об экологической ситуации в районе (опасность загрязнения ландшафта веществами, вредными для здоровья людей); сложности получения лицензии на производство и выполнение санитарных и других условий производства (высокий уровень бюрократизации).

Важную роль в развитии хозяйственных единиц, как было отмечено, играют патриархальные традиции православных семей. Установки типа «да убоится жена мужа своего», «почитай родителей» и т. п. имеют более определяющее влияние на субординацию поколений и полов, нежели должностные инструкции в организациях.

Серьезный риск связан также с возможностями развития экологического («зеленого») туризма. Описывая свои опасения по поводу «зеленого» туризма, женщины аппелируют: к полному или частичному отсутствию в жилище коммунальных удобств; к отсутствию транспортных средств и неразвитости социальной инфраструктуры в горной местности; к отсутствию навыков рекламы и маркетинга туристических услуг.

Из контекста обсуждения данного вопроса с женщинами-респондентками можно говорить об отсутствии у большей части населения традиций ведения туристического бизнеса. Упоминалось, что желательно построить туристический комплекс, а не принимать туристов в собственном доме. Тут проявляется давнее славянское табу: если кто-то приезжает в дом, значит, он – гость, а с гостей не принято брать деньги.

Как видно, мы опять имеем дело с потребностью преодоления социально-культурного табу у населения горных районов Карпатского региона. Внутренние стереотипы более всего определяют характер потребностей женщин относительно собирательства НДЛП. Недревесинная лесная продукция может стать предметом для массовой коммерции среди домохозяек только при условии поддержания правил игры, которые разрешают обходить культурные табу. Например, купить НДЛП у домохозяйки можно в случае, если потребитель сам обращается с такой просьбой. Такая продажа считается почетной и по форме не является продажей, а скорее всего социальным ритуалом с названием «выручить хорошего человека».

Ожидания, которые связаны с трудоустройством на действующие деревообрабатывающие предприятия, лишены многих опасений, возникающих в процессе самозанятости женщин. Единственным серьезным опасением у женщин является примерно такое: «Смогу ли я совмещать продуктивную работу на предприятии и репродуктивную работу в собственном домохозяйстве и воспитание детей?» Именно по этой причине они не очень привязаны к своему официальному рабочему месту. Нам не удалось найти карьерной мотивации: у женщин не было потребности учиться новым специальностям. К сожалению, для большинства уже работающих женщин труд на предприятии вторичен по отношению к своей основной работе – домохозяйки. Социальная роль патриархальной семьи горных районов опять находится выше экономической целесообразности.

Резюме: Стойкая статусно-ролевая схема не позволяет женщинам принимать участие в общественном производстве наравне с мужчинами. Женщины готовы строго исполнять латентную роль, жертвуя возможными прибылями и профессиональными успехами. Таким образом, социальные факторы доминируют у женщин над экономическими факторами и потребностью успешной самореализации.

В соединении с гендерными стереотипами общества это приводит к повышенной трудовой нагрузке женщин. Патриархальные традиции в малых городах и селах легитимируют такие отношения. Рыночные трансформации на Закарпатье в производстве привели к деструктивным изменениям в основных его отраслях, к стремительному росту безработицы и сильному ухудшению социальной защиты населения. Выход из сложившейся ситуации следует искать в нетрадиционных подходах к проблеме занятости населения, в создании новых организационных форм для развития предпринимательства, реализации и рекламирования товаров из местного сырья. Главным при этом является не поиск финансов для обездоленных и безработных, а создание возможностей для открытия новых рабочих мест для трудоспособных и предприимчивых, повышения их статуса в плане удовлетворения собственных потребностей вместо поездок за границу.

Специфика занятости женщин Закарпатья на фоне экономического кризиса на Украине

Анализируя сложившиеся в Закарпатье условия занятости женщин, можно говорить о следующем:

Большинство сфер женской занятости определяется устойчивостью в украинском обществе гендерных стереотипов, согласно которым социальная роль женщины ограничивается обслуживанием мужской части населения и домашним трудом в семье. В настоящее время представления о содержании домашней экономики значительно расширились, однако исследователи пока

весьма далеки от выработки единого мнения о классификации видов деятельности в домашнем хозяйстве.

В трансформационных процессах в обществе возрастает роль личных подсобных хозяйств и занятости в домашнем хозяйстве женщин горных районов Закарпатья, мужья которых являются трудовыми мигрантами.

Общими тенденциями занятости в горных районах Закарпатья являются невозможность использования женщин на участках тяжелого физического труда и нежелание выезжать за границу, что оставляет им лишь роль «сервисного придатка» в «типично мужском производстве» (противопоставление типично мужского производства и преимущественно сервисного типа занятости женщин). Большинство мужчин уезжают на заработки за границу, а женщинам остается ниша самозанятости.

Характерны ожидания женщин, связанные также с самозанятостью в домохозяйстве. Подтверждается предположение, что развитию предпринимательства часто мешают культурные традиции реципроктности и распространенные ментальные модели у населения горных территорий Карпатского региона.

Важную роль в развитии хозяйственных единиц играют патриархальные традиции православных семей. К сожалению, для большинства уже работающих женщин работа на предприятии – лишь вторичная занятость по отношению к своей основной работе – домохозяйки. Социальная роль патриархальной семьи горных районов находится выше экономической целесообразности.

Стойкая статусно-ролевая схема не позволяет участвовать в общественном производстве наравне с мужчинами. Женщины готовы строго исполнять латентную роль, жертвуя возможными прибылями и профессиональными успехами; социальные факторы доминируют у женщин над экономическими факторами и потребностью успешной самореализации.

Отсутствие научного прогресса в обеспечении вопросов гендерного равноправия в структурах власти свидетельствует о стереотипности государственных, а не только общественных подходов, которые следует учитывать при формировании программ развития и функционирования региона.

Литература

1. Виноградский В.Г. Вне системы: Крестьянское семейное хозяйство // Социологический журнал. 1998. N 3/4. lib.homelinux.org
2. Гендерные исследования / под ред. А. Темкиной. СПб, ЕУСПб, 2001. ihtika.net.
3. Євдокименко В.К. Соціальна інфраструктура Карпатського регіону: пошуки перспектив розвитку. Чернівці, 2008.
4. Іващенко О.І. Підприємництво і самозайнятість в Україні в динаміці та перспективі // Право України. 2007. № 3. С. 180.

5. Кравців В.С., Самальотов П.В. Проблеми регіональної модифікації концепції сталого розвитку та особливості її реалізаціїї в гірських районах // Стратегія сталого розвитку Закарпаття:еколого-економічні та соціальні моделі: Матеріали регіональної науково-практичної конференції. Ужгород: Патент, 2006. С. 70.
6. Малышева М.М., Методические подходы к исследованию трудовой миграции из стран СНГ в Россию: гендерный аспект. www.soros.org/women.
7. Мікловда В.П, Пітюлич М.М. Мотиваційні механізми розвитку самозайнятості // Науковий Вісник Ужгородського національного університету. Випуск №14. 2007. С. 150.
8. Мікловда В.П., Пітюлич М.М., Соханич Ф.Ф. Організаційно-інституціональні засади регіональної політики сприяння розвитку одноосібного підприємництва // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Випуск №17. 2008. С. 150.
9. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Американская социологическая мысль. В.И. Добреньков (ред.), Москва, 1996. ihtika.net.
10. Радаев В.В. Домашнее хозяйство и неформальная экономика // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 64–72.
11. Титов В. Домашняя экономика и концептуализация женского труда. Общественные науки и современность. 2002. № 5.
12. Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика в современной России. Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. 681 с. С. 14.
13. Arizpe L. Women in the Informal Labor Sector: The Case of Mexico City // Wellesley Editorial Commit-tee (ed.) Women and National Development. Chicago: University of Chicago Press, 1977. ihtika.net.
14. Seccombe, Wally. The Housewife and her Labour Under Capitalism // New Left Review 83 (Jan.–Feb.), 1973, pp. 3–24. lib.homelinux.org.
15. L.Goldschmidt-Clermont. Unpaid Work in the Household: A Review ofEconomic Evaluation Methods. International Labour Office. Geneva, 1982., pp. 10. lib.homelinux.org.

Владислав Новицкий

ИНАЯ ИСТОРИЧНОСТЬ: БЕЛАРУСЬ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ДЕКОНСТРУКЦИЕЙ

Abstract

The vicious circle of quasi-alternatives of thinking of Belarus is considered in the article. The goal is to demonstrate that the most important hindrance on the way to comprehension of Belarusian cultural reality is the dogmatic modernistic way of thinking, which conceals itself in the guise of anti-modernism – either traditionalism or postmodernism. Article explores the real alternative to these stances, which lies in a specific mode of temporality, open to novelty and unpredictability of promise.

Keywords: Belarus, modern, traditionalism, postmodernism, differential racism, radical temporality, Derrida, promise.

Введение

Стремясь понять Беларусь и нас самих, в ней живущих, всегда есть опасность попасть под очарование филигранного воспроизводства общепризнанных академических шаблонов, умение жонглировать которыми зачастую смешивается с действительным, а поэтому и действенным, приращением понимания. Оправданное отвращение к такому воспроизводству, не имеющего цели, помимо себя самого, является одной из причин появления альтернативных способов мышления (о) Беларуси. Вряд ли можно представить полный и исчерпывающий список подобных стратегий, их авторов и участников, поэтому в данной работе акцент будет сделан на двух ярчайших проектах, которые условно могут быть обозначены как «традиционализм» (в первую очередь, идеи, отстаиваемые центром этнокосмологии «KRYŬJA»[1], авторами Сергеем Санько и Алексеем Дермантом), и «постмодернизм» (авторы Валентин Акудович, Игорь Бобков).

Но при этом целью данной работы будет не просто описание или сравнение двух этих проектов, но и анализ практикуемых в них установок. При кажущемся различии этих стратегий их основания, как будет показано, едины – а это, в свою очередь, ставит нас перед необходимостью пересмотра противопоставления традиционализма и постмодернизма, с одной стороны, и модернизма с другой.

Существует привычный способ описания их взаимосвязи: универсализирующие тенденции модернизма встретили отпор в лице традиционализма и постмодернизма, отказывающихся подчиняться репрессивным и нетерпимым категориям модерна и отстаивающим право Беларуси на уникальность. Ее вовсе не обязательно воспринимать как бледную копию полнокровного модерна Западной Европы.

Может показаться, что если и есть возможность объединить традиционализм и постмодернизм, то она должна реализоваться только на почве общего непризнания репрессивного характера модернизма. Тем самым постмодернизм не призывает верить в какие-то сущности, но показывает: избавившись от модерна, мы можем увидеть то, что есть у нас, сохранить традицию, не отдавая ее на заклание безудержной модернизации. Вспомним отрывок из хрестоматийной работы Акудовича:

«Чаму заможнасць грамадства мерыцца колькасцю кампутараў на душу насельнікаў, а не колькасцю вячыстых дрэваў, рэсурсамі інтэлектуальнай інфармацыі, а не рэсурсамі пітной вады? Хаця кожнаму зразумела, што для падставовага існавання чалавека вада і дрэвы – рэчы куды больш істотныя за інфармацыю і кампутары...

Чаму спеласць інтэлекта апазнаецца праз веданне Рыльке і Вітгенштайна, а не праз веданне спрадвечных песень і показак свайго народу? Хаця не цяжка здагадацца, што спеўны досвед вясковай бабулькі не менш каштоўны для прасветы сутвы быцця, чым кафедральны досвед прафесара...

Чаму веліч нацыі вызначаецца памерамі народаў, апалоненых яе войскамі і яе культурай, а не здольнасцю праз стагоддзі трымаць чужынны палон, упарта чакаючы пары свайго выбаўлення?»[2]

Этот отрывок убедительно показывает, что даже если критика модернистского прогрессизма и рационализма ведется с позиции отнюдь не традиционалистской (постмодернизм не верит ни в какой Volkgeist или голос крови), она может быть вполне дружелюбна к вековечным деревьям, питьевой воде и опыту деревенской бабушки. Это, впрочем, совсем не удивительно: постмодернизм, отстаиваемый Акудовичем, стремится не просто к демонтажу «больших нарративов» – тогда бы он не пожалел и бабушек – но к освобождению простых вещей от ярма универсальных категорий. Если воспользоваться жаргоном одного из западноевропейских канонов, то можно сказать, что так понятый постмодернизм стремится освободить существование от навязанной ему сущности[3].

Предлагаемый же в данной работе анализ установок традиционализма и универсализма покажет, что эту ситуацию следует мыслить радикально иначе. Дело не в том, что постмодернизм снисходительно предлагает традиционализму свое покровительство и защиту от модернизма. Единство позиций этих течений представляет собой не альтернативу модернизму, но его логическое завершение, последовательное продолжение его функционирования. Но это утверждение – отнюдь не окончательный вердикт: в таком своем звучании оно слишком общо и прироста знания не приносит. Скорее, это отправная точка, с которой мы и начнем наше рассмотрение.

Глава 1. Традиционализм

Итак, в каком смысле мы говорим о традиционалистской стратегии как о стратегии, воплощающей установки модернизации? Речь идет, конечно же, не о содержании идей: сложно найти что-либо общее в дискурсе Просвещения и призыве вернуться к своим корням и своему архэ. Но в том-то и пикантность ситуации, что за различием в содержании мышления может скрываться схожесть или даже идентичность практикуемых установок мышления, способов осмысления и концептуализации стоящих перед исследователями проблем. А это уже не просто «техническая» констатация, но существенный пункт конструктивной критики – установки мышления имеют свои законы функционирования, независимые от содержания, от того, что мыслится. В силу этого, парадоксальным образом, традиционалистский способ рассуждения, будучи основан на модернистских предрассудках, может приводить к результатам, отличающимся от тех, которые он обещал, исходя из своего содержания. Практикование установок Модерна меняет и саму субъективность, которая мнит себя до сих пор погруженной в традиционный контекст. **Субъект, живущий в традиции** (если допустить, что там может быть субъект), и **субъект, защищающий традицию – два разных, несводимых, а быть может, и противостоящих друг другу типа субъективности**.

Традиционалистский подход к осмыслению Беларуси мы будем разбирать на примере еще одной хрестоматийной статьи – на сей раз это будет статья уже упоминавшегося Санько «Традыцыяналісцкі пагляд на традыцыю». Эта блестящая во всех отношениях работа ценна тем, что в ней приводится обоснование специфически традиционалистского взгляда на культуру, получившего обозначение «презумпция автохтонности». Суть этого принципа заключается в том, что объективирующее рассмотрение культуры (а следовательно, и традиции – Санько вообще задается вопросом о том, насколько возможна культура без и вне традиции) неизбежно искажает ее содержание. Аутентичное свое отображение культура может получить лишь при условии включенности в нее, «заангажированностью» ею.

«Культурны Космас даступны толькі пагляду знутры – заангажаванаму пагляду. Тое, што ў культуралягічных штудыях неўнікнёна набывае выгляд квазыаб'екту, насамрэч павінна разумецца як свайго роду рэфлексіўная дэскрыпцыя гэтага Космасу.

…[традиция – *В.Н.*] ўяўляе асобны культурны тып з толькі яму ўласьцівым наборам характарыстычных азнакаў (таксонаў). Сьвядомая ўстаноўка на эксплікацыю менавіта гэтых азнакаў і пільнаваньне ў дасьледніцкай практыцы пэўных асацыяваных зь імі правілаў складаюць падваліну традыцыяналізму. А заангажаваны (у акрэсьленым вышэй сэнсе) пагляд на традыцыю будзе паглядам традыцыяналісцкім»[4].

Противостоять этому традиционалистскому взгляду на культуру будет такая система отсчета, которая построена на объективированном изучении традиции. В результате такое исследование создает иллюзию соизмеримости языков традиций и возможность составления некоего особого словаря Метакультуры, используя который, культуры могут вступать в диалог. Традиционализм, защищаемый Санько, резко восстает против самой возможности этого – ведь она, по сути, означает демонтаж традиции, превращение в объект, который можно интерпретировать, но в котором нельзя жить.

«Інтэрпрэтацыя – гэта рэалізацыя онталягічных магчымасьцяў уласнае культуры інтэрпрэтатара. Тут не ўзнаўляецца вобраз, напрыклад, рэальнай Элады, якою яна калісьці была, а толькі актуалізуецца тое ва ўласнай культуры, што ў ёй яшчэ можа заставацца тоесным культуры Элады, г.зн. – уласная антычнасьць. Усё астатняе будзе рэінтэрпрэтацыяй – мадэрнізацыяй і постмадэрнізацыяй іншай (чужой) культуры. Пад "добрапрыстойнай" шыльдай "дыялёгу культур" блізу заўсёды хаваецца **онталягічная канкурэнцыя** культур»[5].

Именно здесь и проявляется утверждаемое выше тождество установок модерна и традиционализма. Ведь субъект, принадлежащий традиционной культуре, мыслится Санько как субъект, имеющий непосредственной доступ к ее содержанию.

Но в том-то и дело, что иллюзия непосредственного доступа – пусть и на основе «генетического» родства, наследования традиции – исключительно модернистская иллюзия. Она как раз таки связана с притязанием субъекта на объективный взгляд, который никак не отличим от взгляда автохтонного.

Самым странным образом может оказаться, что традиция не умеет говорить о самой себе. Она принципиально не может себя репрезентировать, поскольку осознание собственного содержания предполагает определенную рефлексивную позицию. А эта рефлексивная позиция как раз и ведет к модернистскому раздвоению на созерцающий субъект и созерцаемый объект. Защита традиции рефлексивным образом в таком случае представляет собой исключительно модернистский проект.

Ведь выбор в пользу приверженности культуре является рефлексивным выбором, а потому, совершив его, мы можем лишь обманывать себя и других, что принадлежность избранной нами культуре является непосредственной и органической.

Кроме того, эту избирательность, о которой только что было сказано, не следует понимать лишь как своевольное отождествление себя с культурами на свой вкус – «сегодня я хочу быть белорусом, завтра – буддистом, послезавтра – растафари». Даже если отечественные традиционалисты и постмодернисты заявят о своей принадлежности только и исключительно белорусской культуре, эта принадлежность все так же будет избирательной. Просто здесь имеется в виду нечто другое, а именно: рефлексируя, мы избираем, что будет принадлежать белорускому контексту, а что будет опознано как не-белорускное.

Критерий здесь вовсе не будет очевидным, а необходимость его выбора неизбежно превратит традиционалиста в рефлексирующего субъекта Модерна. Ведь в условиях наличия нескольких конкурирующих вариантов определения «белорускости», говорить об очевидной правильности лишь одного из них можно лишь тогда, когда все остальные будут дискредитированы. Дискредитация означает, что им всем отказывается в полновесном существовании, покидая участь призрачных иллюзий.

Следовательно, любое утверждение об очевидности непосредственной доступности того или иного критерия отделения Беларуси от не-Беларуси возможно лишь при условии отсутствия альтернативных идей. А поскольку современная идеологическая ситуация такова, что о таком вакууме остается лишь мечтать (тем, кому об этом мечтать хочется), то убеждение в такой очевидности является скрытым дискурсивным ходом, за которым угадывается фигура рефлексирующего субъекта Модерна.

Настоящая альтернатива Модерну, настоящее погружение «в контекст» всегда связаны с неокончательностью ответов – если мы хотим, чтобы традиция жила, то мы должны признать, что мы не знаем ее полностью. Другими словами, признак жизнеспособности традиции заключается в том, что мы осознаем наличие некоего «слепого» пятна, ограничивающего наши способности знать прошлое, настоящее и будущее того контекста (традиции), в котором мы обитаем.

Глава 2. Постмодернизм

Но, быть может, постмодерн попросту по-своему спасает традицию и с модернистским течением «традиционализм» его ничего не объединяет? В самом деле, разве не демонстрируют его представители радикальный отказ от любых типов автохонности, которые, как было показано выше, в современных условиях возможны лишь при практиковании модернистской субъективности? Всмотримся подробнее в эти идеи.

Продолжая наш экскурс по хрестоматийным работам белоруского интеллектуального ландшафта, обратимся к работе Бобкова «Этика Пограничья». Пограничье – особая культурная территория, образованная столкновением границ различных культур. В шаблонном модернистском прочтении такая территория всегда будет прочитываться в терминах недостатка и дефицита центра, содержания, им репрезентируемого. В самом деле, если принять, что модернистские культуры организовывали себя по матрице «центр – периферия», то Пограничье, в этом случае, превращается в маргинальную территорию полного или практически полного не-присутствия центров. Для модернизма такая территория не представляла собою особого интереса и, в лучшем случае, могла выступать лишь источником опасности для размеренного и упорядоченного устройства центрированной культуры.

Но что если поменять оптику взгляда и признать, что настоящей динамикой обладает не центр, но именно периферия? Что, если именно там, на столкновении различных периферий, на территории Пограничья обнаруживают себя важнейшие для понимания нас самих процессы?

«Каб паставіць пытаньне пра сутнасьць памежжа, мы мусім запытацца аб сутнасьці мяжы як такой. Але сваю сутнасьць мяжа набывае толькі ў падзеі падзяленьня/злучэньня чагосьці, што прылягае. Мяжа ёсьць разрывам тоеснасьці, сустрэчай і пераходам свайго у чужое. Мяжа ёсьць падзеяй».[6]

Итак, настоящее событие находит свое место именно на территории Пограничья. Но событие это не должно пониматься как рождение нового центра – но всегда и только как существование в состоянии «между»:

«Культурнае памежжа (ці культура памежжа) ёсьць ня толькі геакультурным (тапалягічным), але й экзыстэнцыйным фэномэнам: працэс індывідуальнай самаідэнтыфікацыі з *усёй* культурнай прасторай ня ёсьць чыстай падзеяй далучэньня да наяўнай, роўнай сабе ідэнтычнасьці – а хутчэй працэсам балянсаваньня *паміж* у поліцэнтрычнай прасторы культурнай разнастайнасьці»[7].

Но такое постмодернистское фланирование по Пограничью постепенно начинает вызывать смутное недоумение. Начнем с того, что защита культурного разнообразия, казалось бы, должно вести к возникновению какой-то новой ситуации, какого-то события, ранее не встречавшегося – об этом говорит и сам Бобков. Однако об этом в дальнейшем в работе нет ни слова, и смутное, поначалу, недоумение все более крепнет и переходит в подозрение: постмодерниста не интересуют новые горизонты, возможные в ситуации Пограничья. Его интересует лишь а) освобождение Пограничья от универсалистских притязаний, от давления метрополии и колониальной угнетенности; б) воспроизводство имеющегося культурного разнообразия таким, какое оно есть, без производства чего-либо нового.

Но, быть может, это лишь одна из версий белоруского постмодернизма, балансирующая «между» – между традиционализмом и постмодернизмом? Чтобы

развеять сомнения или подтвердить их, обратимся к уже упомянутой работе Акудовича «Разбурить Париж».

Решительность его намерений противостоять универсализирующей парадигме модернизма не вызывает сомнений. К примеру, Акудович рисует следующую яркую картину безумия модернистского проекта Беларуси:

«Відаць мы сапраўды вачамі адно глядзім, а бачым, як пэўна сказаў бы Юрась Барысевіч, патыліцай, калі нам падаецца цалкам абгрунтаваным сашчэпліваць *ідэяй* Беларусі ў нейкую вектарна паслядоўную і трывалую еднасць Усяслава Чарадзея і Цішку Гартнага, Кірылу Тураўскага і Стэфана Баторыя, Сымона Буднага і Пятра Машэрава, Полацкае княства, Рэч Паспалітую і БССР, крэваў, ліцвінаў, русінаў, яцьвягаў, вялікалітоўцаў, тутэйшых, крэсавякаў, беларусаў, мырускіх...»[8].

Модернистская идея Беларуси здесь находит свою самую убийственную критику, находя, впоследствии, замену на более соответствующую современному состоянию нашего региона – на дискурс Беларуси.

Что такое «дискурс Беларуси»?

«*Дыскурс* Беларусі – гэта пэўны вымер вечна рухомага бытнага, які ахоплівае ўсе соцыякультурныя феномены, што могуць быць паасобку ці ў вязьме актуалізаваныя (вымкнутыя з сваёй латэнтнай утоенасці) хоць якой апрычонай сітуацыяй»[9].

Итак, постмодернистское противопоставление идеи и дискурса дает нам возможность говорить не просто о «разнообразии», но о движении различий, не скрадываемым парменидовским Единым. Может быть, именно такое описание Беларуси и является последовательно постмодернистским, порывающим со всякой автохтонностью и аутентичностью? В самом деле, дискурс не знает никакой предзаданности, никакой опосредованности некими изначальными культурными фактами. Следовательно, именно в такой версии постмодернизма мы и находим антитезу традиционализму? Поверить в это нам поможет и постоянная апелляция Акудовича к деконструкции, понимаемой им как демонтаж великого нарратива с целью игры его обломками.

Но все-таки, несмотря на кажущуюся враждебность такого взгляда и к модернизму, и к традиционализму, можно смело утверждать, что эта троица действительно является триединой.

Разберемся, почему.

Глава 3. На круги своя

Все дело в том, что заявляя об отказе от всякой автохтонности, белоруский постмодернизм все так же, как и традиционализм верит в неопосредованный дискурсом способ существования культурных фактов, верит в «культурные» очевидности. Им молчаливо подразумевается, что мы можем однозначно уста-

новить содержание, самотождественность встречаемых нами феноменов. Пусть кое-где это приходит в противоречие с буквой, но в целях и выводах установка именно такова.

К примеру, в одном из своих редакторских предисловий Бобков отмечает:

«…калі эўрапейская мадэрнасьць была спробай прыватызацыі часу, – разьмяшчаючы сябе наперадзе сьвету, яна сам сьвет паставіла ў лінейную пэрспэктыву прагрэсу, – г. зн. часу, вызначанага і кантраляванага эўрапейскай мадэрнасьцю, дык постмадэрнасьць ёсьць усяго толькі сьціплай канстатацыяй немагчымасьці лінейнай чаргі па шчасьце, у якой кожны мае свой нумар (першы сьвет, другі сьвет, трэці...). Гэта прызнаньне таго, што час (і су-часнасьць) у кожнага свой, таксама як свая мова, свой сьвет і свая доля»[10].

Можно согласиться с автором: «постмодернизм» отличается от «модернизма» тем, что отказывается от унификации и линейности. Но это не означает, что противостоит модернизму, демонтирует его, поскольку принципиально важные, образующие черты последнего не связаны – как можно было бы подумать – с унификацией и линейностью. Постмодерн – это, скорее, модерн, себя реализовавший и воплотивший свои установки. Реализация эта заключается именно в приватизации времени, как будто бы оно принадлежит мне, субъекту, как будто бы я точно могу определить его и сделать своей подручной вещью. Таким образом, постмодернизму уже не важно, унифицирована культура (-ы) или нет: скорее, его устраивает последний вариант, поскольку первый связан с большими издержками.

Зато постмодернистской субъективности важно сделать время своим – осваивать, присваивать и усваивать его. Но откуда такая уверенность, что я точно могу определить свое время, свой язык и свой мир? Получается, что моя субъективность существует до моего времени или моей идентичности – эта субъективность получает возможность выбирать, перебирать между различными образами самого себя и собственного времени. Кто дал мне право распоряжаться ими? Не видим ли мы в реальности, что время не укладывается в мое представление о нем, язык не зависит от меня, а мир открывается только тогда, когда не подчиняется моей воле и моему воображению?

Убеждение, что мы точно можем очертить «свое» время и «свой» мир, абсолютно тождественно утверждению, что мы можем установить точное содержание «нашей» культуры. А это тождество указывает на важнейшую для модерной субъективности черту – уверенность в прямом, ничем не опосредованном доступе к очевидности, к фактам традиции и культуры.

Обратим внимание на еще одну цитату, на сей раз из «Этики…».

«Этыка (у сваім аўтэнтычным, старагрэцкім значэньні) вырастае з прасторы, яна ёсьць спробай чалавека ўкарэніцца ў прастору, атрымаць ад яе спэцыфічную напоўненасьць, увайсьці пад апеку яе даймонаў, сустрэцца са сваім наканаваньнем»[11].

Если это и не дословное повторение презумпции автохтонии, то, во всяком случае, идеологически очень близкая система координат. Опять-таки, откуда такая уверенность, что данное очерченное пространство в действительности обладает какой-то спецификой, которую мы можем установить и которой можем следовать? Что, если единственный способ соотнесения себя с таким культурным пространством – быть готовым к любой неожиданности? Надеяться на непредсказуемое? Действительно ли есть та предопределенность, которую мы обнаруживаем и которой себя отдаем? Или даже определенность является не более чем изобретением рефлексирующего субъекта модерности, уверенного в своей возможности полагать пределы?

Уверенность в том, что у пространства есть какая-то тождественность («специфическая наполненость»), которая, к тому же, придает тождественность и нам, в этом пространстве находящимся («встреча со своим предопределением»), может иметь весьма опасные последствия. В принципе, именно такой способ рассуждения обнаруживают традиционалисты – но уже не белорусы-академики, а европейские традиционалисты-расисты.

Их основной лозунг заключается не в том, что есть «плохие» расы, – расы-то, может быть, и все хорошие. Только вот плохо, когда они занимают неподобающее им пространство. Т.е., другими словами, предполагается, что у каждой расы есть свое пространство, своя «резервация», где им и следует оставаться в ожидании своего предопределения – это как раз тот традиционализм, который с легкой руки Этьена Балибара стали называть дифференциалистским. Суть его проста: «“смешение культур”, упразднение “культурных дистанций” означает интеллектуальную смерть человечества и, может быть, даже подвергает опасности регулятивные механизмы биологического выживания»[12]. Между культурами должна быть дистанция, всякое их смешение, всякий их диалог (вспомним Санько) опасен и деструктивен.

Но как же так? Почему теории Пограничья, защищающие разнообразие, в какой-то момент дают структурный сбой и повторяют ошибки традиционализма, который – хочет он того или нет – начинает играть по правилам расизма? Все дело в том, что в постмодернизме, несмотря на все его уверения в демонтаже модерна, действует установка, которую можно обнаружить в модернистской субъективности.

Речь идет о том, чтобы определить, какая культура какое место занимает и закрепить за каждой из них свое конкретное предопределение можно лишь тогда, когда мир для нас является абсолютно прозрачным. Именно к этому стремилась эпоха модерна – в классическом для нее персонаже, демоне Лапласа, нашло свое отражение стремление сделать мир абсолютно исчисляемым, абсолютно прозрачным для познания субъекта новоевропейской науки. Разве постмодернизм с традиционализмом допускает хоть малейшее сомнение в том, что пространство культуры можно очертить, его специфику можно установить, а границы культур

сделать незыблемыми? Нет, во всем этом для обеих стратегий нет ни малейшего сомнения. А раз так, то они попросту продолжают линию модернистского отношения к миру, реализуя его важнейшие положения.

Рассмотрим это еще раз с другой точки зрения. Несмотря на расхожее представление о прогрессистском понимании времени в эпоху Модерна, анализ установок последнего показывает, что он, в принципе, стремился превратить время в несущественный фактор. Это видно по той же фигуре демона Лапласа, для которого Вселенная абсолютно прозрачна и будущее, равно как и прошлое, не таит никаких загадок, не приносит ничего нового, о сколь долгих промежутках времени речь бы не шла. Эта же идея находит свое отображение и в стремлении остановить историю, завершить ее – стремление, обнаруживаемое и в гегельянском либерализме, и в марксистском радикализме.

Теперь же обратимся к цитируемой выше работе Акудовича:

«Адным словам, разам са стратай Ідэалогіі мы страцілі і *час*, як магчымасць апынуцца “перад” нечым прынцыпова новым ад таго, што ўжо было. Адсюль чалавеку надалей толькі і застаецца ўсюды і заўсёды апынацца ў сітуацыі “пасля” усяго».[13]

Если модернизм стремился вывести время за скобки, то уже постмодернизм мнит себя реализовавшим такой план. Время перестает быть тем фактором, который приносит нечто непредсказуемое, исчезает сама возможность изменения и появления чего-либо нового. Это как раз тот пункт, который показывает: постмодерн является логическим продолжением модерна, модерном, реализовавшим свои установки.

Заключение. Телеология без цели

Как ни обиден был бы упрек в том, что и традиционализм, и постмодернизм, несмотря на все свои усилия, не смогли преодолеть установок модерна и служат не самым лучшим его целям, тщательный анализ, представленный выше, показывает, что такой упрек справедлив.

Проблема в том, что если мы желаем уйти от деструктивных механизмов модерна, мало всего лишь постулировать культурное разнообразие и отсутствие великих нарративов. Складывается впечатление, что чаще всего за такими постулатами скрывается нежелание участвовать ни в проекте модерна, ни в борьбе против него – но ведь в том-то и промах, что такой отказ идет ему лишь на пользу. Культурное разнообразие может быть более чем репрессивным и никак не противоречит ни расизму, ни иерархичности, ни общим установкам модерна.

Точно так же мало всего лишь постулировать постоянное движение в дискурсе – нужно вглядеться, не является это «движение» всего лишь воспроизводством модерной субъективности, освободившейся от «дисциплинарных» оков?

Движение всегда должно куда-то вести, иметь какую-то цель – иначе оно ничем не отличается от подобного воспроизводства. Но вот беда – на больших нарративах ожегшись, на все остальное дуют. Почему-то само собой полагается, что если речь идет о движении к цели, то тем самым мы складываем некий большой нарратив Прогресса и начинаем репрессивно загонять все частности под одну универсальность.

Однако это не так – сам этот страх имеет под собой исключительно модернистское основание, не веря в то, что в данном вопросе возможно практикование и альтернативных модерну установок.

Движение необходимо – без него любая культура и любая традиция превращается в живой труп, в зомби, подчиняющимся приказу любого, кто знает, как ему приказывать. «…последовательный» дифференциалистский расизм был бы консервативен, он боролся бы за неизменность всех культур. Да он и на деле таков, поскольку, под предлогом защиты культуры и европейского образа жизни от поглощения «третьим миром», он закрывает европейской культуре любую возможность реальной эволюции»[14].

Но как помыслить телеологию без цели? Как можно сохранять разнообразие и не строить при этом резервации? Возможно ли это?

Надежда, безусловно, есть. Помимо цикличного времени традиции, исчисляемого и гомогенизированного времени Модерна и мнимого безвременья Постмодернизма, остается возможность для радикально отличающихся от них понимания времени и истории. Вслушаемся:

«Я позволю себе кратко напомнить, что деятельность, называемая деконструкцией, по крайней мере, та, в которую я был сознательно вовлечен, с самого начала была направлена на преодоление онто-тео-, но также и археo-телеологического понятия истории – у Гегеля, Маркса, и даже в эпохальной мысли Хайдеггера. ***Но не для того, чтобы противопоставить им конец истории или некую аисторичность, но, напротив, чтобы показать, что эта онто-тео-архео-телеология блокирует, нейтрализует и, в конечном счете, упраздняет историчность. В таком случае речь могла бы идти о том, чтобы помыслить иную историчность – не некую новую историю, а тем более не «new historicism», но помыслить иначе саму событийность*** – как историчность, которая не отказывается от историчности, но, наоборот, позволяет постичь утверждающую, учреждающую мысль того мессианского и освобождающего обещания, которое дано как ***обещание***, а не как онто-теологическая или телео-эсхатологическая программа или проект»[15] [курсив мой. – *В.Н.*].

Деррида говорит об обещании и событии как о том, что очерчивает контуры новой историчности, отличной от тупиковых вариантов, обозначенных нами выше. Это обещание/событие указывает на то, что мы должны искать не самопонятности и самотождественности, но должны постоянно быть готовым к тому, что время и история принесут нам нечто новое и непредсказуемое. Именно го-

товность к новизне и непредсказуемости является ориентиром для таких установок, которые могли бы уйти от репрессирующего режима модернизма.

Постмодернизм, как и традиционализм, выступает за своеобразие и аутентичность, но никогда не за появление чего-то нового, чего-то непредсказуемого, противопоставляя им воспроизводство уже имеющихся различия. Оно и понятно: всякая новизна опасна, не говоря уже о непредсказуемости – ведь они могут привести к становлению нового мета-нарратива и свести на нет всю борьбу против жестких установок модернизма. Но кто сказал, что от непредсказуемости можно скрыться? Оппозиция неоколониализму заключается не в возвращении к таинственному себе (будь то дух народа или моя изначальная разорванность, мое Реальное), но в понимании собственной ограниченности, моей слабости и незащищенности перед непредсказуемостью и новизной.

Но вот странное дело: как только мы признаемся в такой слабости, как только мы открываемся непредсказуемому будущему, выполняется обещание, нам данное, происходит событие, нами ожидаемое, и мы начинаем понимать, что значат слова: «не все мы умрем, но все изменимся».

Примечания

1 http://kryuja.org.

2 Акудовіч В. Разбурыць Парыж // Фрагмэнты. № 3–4. 2000.

3 «Бо у постмадэрне істотны найперш сам высверк актуальнасці, а не яе параметры, як гэта было ў сістэмах статычных іерархіяў, дзе ад памераў падзеі залежала яе месца і час прысутнасці ў актыўным архіве быцця». Акудовіч В. Разбурыць Парыж. // Фрагмэнты, № 3–4. 2000.

4 Санько С. Традыцыяналісцкі пагляд на традыцыю: «прэзумпцыя аўтахтоннасьці» і «дэканструкцыя традыцыі» // Фрагмэнты. № 1–2. 1999.

5 Там жа.

6 Бабкоў І. Этыка Памежжа // Фрагмэнты. № 1–2. 1999.

7 Там жа.

8 Акудовіч В. Разбурыць Парыж // Фрагмэнты. № 3–4. 2000.

9 Там жа.

10 Бабкоў І. Пасьля Эўропы // Фрагмэнты. № 3–4. 2000.

11 Бабкоў І. Этыка Памежжа // Фрагмэнты. № 1–2. 1999.

12 Балибар Э., «Существует ли “неорасизм”»?» // Балибар Э., Валлерстайн И., Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 34.

13 Акудовіч В. Разбурыць Парыж. // Фрагмэнты. № 3–4. 2000.

14 Балибар Э., «Существует ли “неорасизм”»?» // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 36.

15 Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006. С. 108–109.

Вера Гуринович

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА И ПРОЦЕССОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Abstract

This article focuses on analysis of interconnection of phenomena of nationalism and democracy, in particular on analysis of its manifestations and importance at the territory of post-Soviet countries. The paper consists of two parts. The first part discloses the understanding and the author's use of the term of nationalism as a certain discourse according to the definition given by C. Calhoun. In our opinion such definition of this concept is the most appropriate one for analysis of the post-Soviet realities, which helps to avoid the evaluative approach (dichotomy between civic and ethnic nationalism) and to pay attention on conditions of a concrete situation. Special attention is also paid to the development of interconnection of concepts of nationalism and democracy through examination of establishment of these concepts in the frames of a process of establishment of national states in the Western Europe. The paper's second part is dedicated to examination of peculiarities of nationalism discourse functioning at the post-Soviet territory, to its role in consolidation of civic society, as well as in the process of establishment of democratic regimes and formation of political culture of population

В данной статье предпринята попытка выявления взаимосвязи между такими явлениями, как национализм и демократия. На наш взгляд, понимание этой взаимосвязи существенно при анализе процессов трансформации как в политической, так и в экономической сфере, происходящих на постсоветском пространстве. В частности, более пристальное внимание к роли национализма в процессах трансформаций постсоветских государств поможет ответить на

вопрос, почему схожие по положению после распада СССР государства прошли такие разные пути за эти 20 лет.

Сложно уделять внимание роли национализма, ведь это один из факторов, обусловливающих процессы демократизации постсоветского пространства, при применяемом некоторыми исследователями четком разграничении между западным гражданским и восточным этническим национализмом. В первой части статьи после определения используемого в статье понятия национализма будет рассмотрена целесообразность выделения такой дихотомии. Взаимосвязь между национализмом и демократией проследим в исторической перспективе. Вторая часть статьи посвящена анализу конкретного случая, а именно вопросам взаимосвязи национализма и процессов демократизации политического поля в постсоветских странах.

При рассуждении о взаимосвязи национализма и демократии следует четко определить понятийный аппарат. Сложность анализа данной темы связана в первую очередь с разнообразием смысловых значений, вкладываемых в используемые понятия. Для ясности дальнейшего изложения обозначим смысл, с которым эти понятия будут использованы в этой статье, что во многом раскроет и наше отношение к основной теме исследования. Определение понятийного аппарата и смысла, вкладываемого в каждое понятие, представляется важным в силу того, что оказывает влияние на подход к исследованию конкретных ситуаций. Понятийный аппарат формирует определенное восприятие действительности, влияет на анализ конкретных ситуаций, определяет прогноз их развития, а также обусловливает дальнейшие практики.

Понятие демократии в этой статье будет использовано нами в его самом широком понимании – как применение на политическом поле процедур принятия решений и их осуществления, основанных на воле народа и соблюдающих при этом его права и свободы. Понятия «нация» и «национализм» справедливо считаются неоднозначными. К определению понятия, как и сущности самого явления существования наций и национализма существует несколько подходов. Выделяют две основные парадигмы – модернистскую и постмодернистскую, разделяющие развивающиеся в их рамках теории по предполагаемому времени появления этих феноменов – модерности или домодерности. Каждая теория предлагает свои причины появления и корни этих феноменов, рассматривает их с особой точки зрения. Это усложняет достижение единства в понятийном аппарате исследования этих феноменов и обогащает наши знания о нации и национализме.

Кроме различных мнений о времени появления, естественной или же сконструированной сущности этих понятий, существует оценочный подход к понятию национализма. Такого подхода придерживаются в своих монографиях Г. Кон и Л. Гринфельд, разделяя «хороший» западный и «плохой» восточный национализм[1]. Согласно их точке зрения, основой «хорошего» гражданского за-

падного национализма, представляющего собой первую в истории форму национализма, является гражданское общество, исповедующее идеи свободы и космополитизма. Политической формой организации такого общества выступает либеральная демократия. Этнический «плохой» национализм, основанный на языке и культуре, из-за своего иррационального, конфликтного характера ведет к установлению жестких авторитарных режимов.

В последнее время при рассмотрении вспыхнувшего после распада СССР национализма в Центрально-Восточной Европе, разделение на «хороший» и «плохой» используется особенно часто. Эти два типа призваны объяснить события кровавых войн на Балканах, создать основу для начавшегося в 50-е гг. процесса, происходящего в Западной Европе – создания мультикультурного общества, объединяющего для совместной политической жизни людей, принадлежащих различным культурам, на основе их приверженности идее свободы и прав. Необходимость создания мультикультурного общества возникла после предоставления независимости колониям, в связи с потоком хлынувших из них в метрополию переселенцев. Интегрировать их в соответствии с демократическими стандартами в существующие общества Западных стран и было целью политики мультикультурности.

Само выделение двух типов национализма – хорошего западного гражданского и плохого этнического восточного подчеркивает лишний раз разнообразие проявлений национализма, многовекторность, а не линейность путей развития государств Европы. Но и тот и другой вид национализма требует общности – и во многом эта общность строится на этнических признаках, таких как единство языка и культуры. Свою значимость либеральные ценности, как в Западной, так и в Восточной Европе, приобретают в процессе развития государств. Этнические признаки, необходимые для принятия основных политических правил, а также участия в политическом процессе, остаются основополагающими и необходимыми везде и всегда. Такую точку зрения, в частности, отстаивает в своей работе «Миф о гражданском государстве» Тарас Кузио[2].

Этнические признаки, заложенные в общем восприятии себя определенной национальной единицей – национальной идентичности, присутствуют и в связанной с ней политической культуре всего общества определенного государства. Следует признать вслед за Э. Яном, что многие демократии Западной Европы одновременно можно определить и как этнократии[3], которые в принципе не могут предоставить демократического выбора, например, в вопросе языка. Также следует отметить, что определение гражданства в основе своей имеет этнические признаки. Возможность стать гражданином определенной страны и актором политической жизни требует принятия определенных правил, которые устанавливались иногда веками, и являются отражением развития определенного государства, консолидировавшегося на определенном этапе, в том числе и на этнических признаках. Интересным из взглядов Э. Яна является предположение

о том, что на Западе мы скорее встречаем тех, кто придерживается этатистского подхода, строя свои суждения исходя из истории отдельных государств, нежели из демократических идеалов[4].

Вслед за дихотомией – иррациональный этнический и рациональный гражданский – некоторые исследователи выводят общую формулу несовместимости «кровавого» национализма и демократии[5]. На наш взгляд, невозможно проводить рассмотрение понятий национализма и демократии в отрыве от реальных ситуаций и исторических обстоятельств. Рассмотрение таких понятий в отрыве от реальности и оценка их совместимости как двух феноменов, вне ситуаций, на наш взгляд ошибочна. Практики национализма и демократии обусловливаются различными факторами, различными историческими путями государств. Но общим для них являются базовые предпосылки, иногда конфликтные и иррациональные по своей природе[6]. Так, иррациональны в первую очередь сами люди. Следовательно, например, даже такие рациональные процессы, как демократические выборы, могут привести к иррациональному результату – выборам диктатора. Следует отметить иррациональность базовых для демократии понятий гражданина, территории и аппарата государства[7]. Эти понятия изначально иррациональны и конфликтны по своей природе и не могут быть сформированы по неким рациональным правилам.

Данные рассуждения подводят нас к взаимосвязи таких понятий, как нация, государство, национализм и демократия. Нация является общностью людей, объединенных некоторыми признаками (культурой, языком, историей и т.д.), имеющих равные права и обязанности. Создавая на определенной, заселенной ими, территории свой аппарат управления, который независим в своих действиях, монополист на издание законов, применяет насилие и сбор налогов, такое общественное устройство представляет собой государство. Многие существующие государства «строили» нации, национальные государства – путем объединения населения определенной территории, часто весьма кровавыми методами, что определяется как процесс нациостроительства. Другие же государства образовывались в результате борьбы определенной группы, осознающей себя нацией, за власть и территорию, что мы называем национальными движениями[8]. И по сей день остаются многие группы, борющиеся за суверенитет и территорию, как и за право называться нацией. Форма управления государства, которая реализовывает такие базовые принципы нации, как равенство ее членов и требование самоуправления, в первую очередь в управлении государством, называется демократией. Таким образом, почти всегда, когда речь идет о государстве, мы имеем в виду национальное государство, и в идеале оно должно быть демократическим. Распространение такого восприятия понятия государства во многом связано с распространением и значимостью исторического опыта Западной Европы, долгое время возводившимся в императив и воспринимающимся как единственно правильный путь развития человечества[9].

Возведение опыта Западной Европы в императив действует и при выделении дихотомии гражданского западного и этнического восточного национализмов, устанавливая западный национализм как первый, единственно правильный национализм и пример для подражания. При этом не следует забывать, что пути развития государств, а также становления национальных государств в Европе разнообразны. Европоцентричный взгляд на исследования может привести к неверному восприятию ситуации.

Неоднозначность термина нации, т.е. различие объединяющих признаков у разных наций, различие опыта построения национальных государств, т.е. политических практик, различие процессов консолидации наций, национальных движений, а также значимость и то большое влияние, которое понятие нации и национализма оказывает на судьбу отдельного человека и целых групп, – все это наталкивает нас на определение национализма как некоего общего дискурса, в рамках которого развиваются отдельные практики.

Национальный дискурс обусловливает наше восприятие действительности и себя в рамках этой действительности. В форме национальности он приписывает нам принадлежность к определенной группе, объединенной чаще всего общими традициями, историей, культурой и языком, т.е. он создает нам наше прошлое. В форме наших повседневных социальных и политических практик он определяет наше настоящее, обусловливая наше восприятие внешнего мира и наше поведение в нем. В форме наших чувств он увековечивает нас в будущем – человек смертен, а нация живет бесконечно.

Таким образом, национальный дискурс проявляется в наших чувствах и наших практиках, обусловливает наше восприятие. Нация в этом случае есть особый образ осмысления того, что значит быть народом[10]. Разнообразие практик индивидов объединяет между собой их националистическая риторика. Ей свойственны, по мнению К. Калхуна, десять особенностей, а именно: понятия как «граница» и «население», представления о неделимости нации, суверенитет или стремление к нему, участие народа в коллективных делах, опора суверенитета на волю народа, прямое членство в нации, общие культура, происхождение и историчность, связь с определенной территорией. Однако важно подчеркнуть замечание автора о том, что данные характеристики могут как присутствовать, так и отсутствовать в различных случаях в национальной риторике. Одни из них могут играть в зависимости от ситуации большую роль, другие меньшую.

Такой подход к определению нации и национализма подчеркивает важность анализа национализма не как общего феномена, а требует анализа конкретных ситуаций – конкретных национальных риторик, а также условий, в которых они применяются. При попытке обобщенного анализа следует искать общее в разнообразии как практик, так и условий.

Пример развития государств Западной Европы показывает нам, что становление государств национальных и демократических по форме правления – про-

цессы взаимосвязанные. Они исторически связаны между собой и неразделимы. Таким образом, на наш взгляд, бессмысленно рассуждать о совместимости или несовместимости понятий демократии и национализма как общих феноменов. Объединяют их не только временные рамки, но и некоторые базовые ценности и идеалы, а также плоскость, в которой они особо ярко проявляются – политическая. В результате анализа выявляется, что во многом национальный дискурс и демократия разделяют схожие ценности и создают предпосылки и почву для развития и укрепления друг друга. Рассмотрение взаимосвязи этих феноменов требует внимания и к идеям либерализма, которые во многом связаны с этими феноменами. Так, либерально-национальный альянс существовал в Европе как минимум до 1848 г., но с укреплением либеральных демократий национализм стал терять свой вес, считает Ежи Мачкув[11].

М. Грох в своем труде «Европа наций» обращает внимание на то, что национальные движения и политическая модернизация, выражавшаяся в распространении идей либерализма и становлении демократии, в Европе взаимосвязаны[12]. Как политические революции и эволюции, так и национальные движения требовали господства и суверенитета народа. Понятие нации как раз определяет понятие этого «народа», как и теперь обусловливает понятие гражданства. Для обоих процессов базовыми ценностями являются равноправие и признание гражданских прав.

Такую точку зрения поддерживает исследование американского социолога Чарльза Тили. В своей работе «Принуждение» он рассматривает взаимосвязь между становлением национальных демократических государств и ведением войн государствами Западной Европы[13]. Как ни парадоксально, королевское стремление к увеличению власти путем завоевания новых территорий, возможно косвенно, привело к полной ее потере. Ведение войн требовало денег. Процедуры изъятия денег приводили с одной стороны к укреплению и расширению прав отдельных классов, у которых брали деньги короли, – купцов, торговцев и т.д., в частности такого важного для либерализма и демократии права, как права собственности. С другой стороны, деньги взимались в форме налогов с населения, а это требовало унификации – четкого определения границ территории и объединения населения, проживающего на нем. Таким образом, логика войн стимулировала как процессы демократизации в форме укрепления и расширения прав, так и процессы национализации, что выражалось в унификации и объединение населения определенной территории.

Национальный дискурс приобрел свою значимость в условиях кризиса общества, разрушая старые традиции и предлагая совершенно иное устройство – устройство, которое требовало самоопределения, самоуправления и новых ценностей. Этим закладывалась почва для реализации принципов равноправия и самоуправления, важных также и для становления демократии. В другом случае, в обществе, где существовали определенная свобода и плюрализм, в государ-

ствах с определенной степенью политического либерализма, национальные идеи могли развиваться и распространяться без особых помех. Однако не следует искать однозначной зависимости между политическим либерализмом и успешностью национальных движений, так как на практике это не всегда осуществлялось[14]. Отметим также единство места проявления как национальных движений, так и политической модернизации – политическое поле. Национальные движения, по мнению Гроха, по сути своей являются политическими явлениями и рано или поздно выходят на политическое поле, становясь важным политическим фактором. Акторы политического поля часто используют национальную риторику для осуществления своих интересов.

Таким образом, процессы модернизации политического поля и национализм не просто происходили зачастую одновременно, но и взаимно влияли друг на друга своим характером. Понимание этой взаимосвязи снова подчеркивает важность анализа ситуаций, а не только проявлений национализма. Все перечисленные выше факторы не отрицают часто недемократический характер национальных практик, жестких и кровавых мер, которые предпринимались во имя наций. Наш анализ скорее подчеркивает их вариативность и взаимосвязь с другими факторами. Он подчеркивает и невозможность «оценивать» национализм как противника демократии, так как оба понятия существуют не в теориях, а в конкретных условиях и оба формируют политическое поле.

Для оценки взаимосвязи национальных практик и политической модернизации, процессов демократизации политического поля государств на постсоветском пространстве следует выявить условия, которые обусловливают их становление. Условия эти будут во многом схожи, что вызвано периодами единого исторического прошлого, но также станут и различаться в силу разнообразия всей истории развития отдельных государств.

Важным единым фактором для постсоветских стран стало их общее состояние после краха СССР – это было время кризиса, социального, политического, экономического и ценностного. В случае стран Балтии, где появились одни из первых в советских республиках национальные движения, распад СССР, несмотря на экономический и политический кризис, воспринимался обществом скорее как освобождение, и освобождение в первую очередь национальное. Национализм консолидировал общества этих стран еще до распада СССР, послужив спусковым крючком для этого процесса. Национальное единство, восприятие себя в качестве независимой нации, независимой политической единицей, желание самостоятельно определять свой путь развития, заложили важную основу для дальнейшего успешного функционирования демократических правил и процедур. Можно проследить зависимость между наличием, а также силой национальной риторики в определенном государстве в процессе распада СССР и успешностью дальнейшего становления демократических процедур. Те страны, где общество, или же большинство населения, осознавало суверенитет и неза-

висимость как наивысший приоритет для своего развития, становление демократических процедур шло успешнее, нежели в том обществе, которое не имело четкой позиции по этому поводу. Показательным в этом случае является сравнение постсоветского развития Украины и Беларуси. Украина, 90 процентов населения которой высказалось на референдуме 1991 г. за независимость, взяла курс на построение независимого национального демократического государства и вступление в Европейский Союз. Беларусь, где национальная риторика слабо присутствует как в обществе, так и на политическом поле, после 1994 г. приобрела все черты авторитарного государства и с 1999 г. создает союз с Россией. Национальный дискурс на первой стадии распада СССР стал той основой, на которой общество имело возможность консолидироваться как политическое сообщество для дальнейшего решения остальных вопросов – экономических и политических.

Общей особенностью политического поля постсоветских государств является то, что национальный дискурс стал на нем господствующим. Загнанный в советское время в формальные рамки определения названий территориальных единиц и графы национальность, в постсоветский период он окрасил риторику политических сил. Р. Брубейркер назвал такие государства национализирующиеся, государства, которые восполняли и доказывали по средствам политической практики свой национальный характер[15]. Представители титульной нации в этом случае определяли и отстаивали национальные интересы во всех сферах жизни общества – как в экономике и политике, так и в культуре и образовании, что было невозможным во времена СССР. Тот важный факт, что национальность в СССР была основана на этничности, привела в этот период к возникновению многих конфликтных ситуаций. Применение демократических процедур могло бы помочь скорейшему разрешению этих вопросов без применения силы.

Распространение национального дискурса на политическом поле приводило к политизации населения, втягиванию населения, определяющего себя как нация, в политические процессы[16]. Несмотря на то, что с одной стороны это можно рассматривать как оправдание, «подтверждение функционирования привнесенной демократии как власти народа»[17], с другой – это практика участия в политической жизни, практика размышления в политической плоскости, что является важным фактором для становления демократии. Рассмотрение политической практики как реализации интересов определенной нации мобилизует общество на отстаивание своих интересов, на поддержание или же выражение протеста против определенных политических практик. Форма выражения и отстаивания «национальных» интересов в этом случае будет различаться и зависеть от степени развития политической культуры общества.

Следует, на наш взгляд, обратить внимание на то, что национальный дискурс в разной степени проявлялся на политическом поле разных стран. Если в одних странах национальный дискурс окрашивал почти все политические вопросы,

т.е. определял уже само восприятие действительности и практики, то в других странах его присутствие на политическом поле было лишь формальным или же подавлялось. Подавление распространения национального дискурса на политическом поле, как мы можем наблюдать на примере Беларуси, сопровождалось аполитизацией населения и установлением авторитарного контроля над политическим полем.

Следует отметить, что борьба между политическими силами на политическом поле постсоветских государств шла как за власть, так и за возможность самого определения нации как символа. Та политическая сила, которая получала власть, могла определять само понятие символа нации в своих интересах и использовать тот потенциал, мобилизующий население и легитимирующий власть, который предоставляет национальный дискурс, в свою пользу. Этот потенциал рано или поздно заставлял политические силы обращаться к национальной риторике и вопросу формирования понятия нации как символа. И именно он также гарантировал участие общества в решении политических вопросов. Сложностью в этом вопросе является лишь нахождение баланса в определении содержания символа нации, чтобы он был принят и смог объединить большинство населения, которое обеспечило бы поддержку политической силе.

Таким образом, мы видим, что национальный дискурс играет на политическом поле постсоветских стран важную роль. Он создает необходимую основу для внедрения демократических процессов – консолидируя общество, создавая политическое сообщество, самоопределившее себя как нацию и стремящееся самостоятельно определять свое будущее. Однако в национализирующемся постсоветском государстве – с политическим сообществом и структурой институтов, формально соответствующей нормам демократии, т.е. при привнесенной демократической институциональной рамке, для функционирования всего этого комплекса в соответствии с нормами демократии необходима еще одна важная составляющая – а именно нормы и ценности, определяющие наше представление о функционировании политических институтов и определяющие наши политические практики – политическая культура.

Соглашаясь с Жозеттой Баер, которая использует определение Вербы, мы определим политическую культуру как веру, систему верований о политических институтах и политической активности. Вера, которая основана на нормах и ценностях, которые складывались на основе исторического развития и политических идей национализма, либерализма и просвещения[18].

Политическая культура населения постсоветских государств во многом обусловлена последними политическими практиками или же их отсутствием. Важным в этом случае для конструирования политической культуры постсоветских стран будет процесс изучения, восстановления их досоветской истории, определение в нем роли политических идей и практик национализма, либерализма и просвещения. Все это также станет основой конструирования на-

циональной идентичности. При этом следует учитывать, что национальная идентичность формируется на отмежевании себя от других, понимании своих особенностей. При сравнении выявляются не только отличия, но и сходства. Близость к тем или иным Другим, как и своя самость, будет влиять на определение дальнейшего направления развития этих обществ. Положение государств Пограничья при этом характеризуется как пространство между европейским Другим и российским Другим. Формирование национальной идентичности, как и описании истории, во многом обусловливаются национальной риторикой политических сил определенного государства. Таким образом, национальный дискурс и его характер будет играть важную роль в определении политической культуры постсоветских обществ.

Следует признать, что успех становления демократических практик на политическом поле постсоветских государств зависит не только от распространения и характера национального дискурса, но и от многих других составляющих. Однако присутствие национального дискурса на политическом поле постсоветских государств играет важную роль при создании предпосылок и основы, на которых позже смогут консолидироваться демократические режимы.

Исторически параллельное становление таких понятий, как современное демократическое и национальное государство, обусловливает взаимосвязь этих двух феноменов. Взаимосвязь эта выражается в некотором единстве ценностей и важных понятий. В первую очередь это связано с понятиями народа и нации, единых в своем стремлении к самоопределению, независимости и самоуправлению. Оба понятия разделяют идеалы равенства и участия в определении своего будущего. При этом национальный дискурс обеспечивает единство группы на основе истории, а также в большинстве случаев культуры и языка. Национальная идентичность закладывает и помогает сохранить единство ценностей. Все это способствует становлению определенной политической культуры, выработке и соблюдению единых политических правил, а также нахождению консенсуса.

На политическом поле постсоветских государств национальный дискурс играет особую важную роль. Его сила повлияла на восприятие обществами постсоветских стран своих государств как суверенных и независимых, что после вылилось в требование суверенитета и независимости, а затем реализовалось на практике. Восприятие себя единой нацией также помогло обществам объединиться, в определенной степени преодолеть кризис ценностей и создать платформу на основе национальной идентичности для поиска консенсуса по многим другим вопросам. Это с одной стороны помогло отмежеваться от советского прошлого, а с другой – понять и поддержать необходимость проведения политических и экономических реформ в «национальных интересах». Политизация населения, привлечение его к решению национальных проблем дала старт развитию политической практики и становлению политической культуры постсо-

ветских обществ. Несмотря на то, что процесс демократизации в постсоветских государствах определяется многими факторами, националистический дискурс и его распространение на политическом поле создает платформу и предпосылки для дальнейших демократических преобразований.

Примечания

1 Greenfeld L. Types of European Nationalism / L. Greenfeld // Nationalism: Five Roads to Modernity / L. Greenfeld. – Harvard University Press, Cambridge Mass., 1992. P. 7–9, 14–17.

2 Kuzio T. The myth of the civic state: a critical survey of Hans Kohn's framework for understanding nationalism / T. Kuzio // Ethnic and Racial Studies. 2002. Vol. 25. No. 1. P. 20–39.

3 Ян Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? / Э. Ян // Полис [Электронный ресурс]: политические исследования. 1996. № 1. Режим доступа: http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/1996/1/3.htm. Дата доступа: 05.04.2007.

4 Там же.

5 Schneck S. Nationalism and the Problem of Democracy: A Response to Professor Nodia [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.crvp.org/book/Series04/IVA-7/chapter_vi.htm. Дата доступа: 18.05.2008.

6 Nodia G. Rethinking Nationalism and Democracy in the Light of Post-communist Experience / G. Nodia // Council of Research in Values and Philosophy [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.crvp.org/book/Series04/IVA-7/chapter_i.htm. Дата доступа: 18.05.2008.

7 Offe C. Fünf Voraussetzungen der Demokratie / C. Offe // Demokratietheorien: Von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. von P. Massing, G. Breit. Wochenschau, 2005. S. 264.

8 Hroch M. Das Europa der Nationen : Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich / M. Hroch. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2005. S. 40.

9 Там же. С. 40.

10 Калхун К. Национализм / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Территория Будущего, 2006. С. 58.

11 Mackow J. Am Rande Europas? Nation, Zivilgesellschaft und aussenpolitische Integration in Belarus, Litauen, Polen, Russland und der Ukraine / J. Mackow. Freiburg im Breisgau : Herder, 2004. S. 73

12 Hroch M. Das Europa der Nationen : Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich / M. Hroch. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2005. S.85.

13 Тили Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Ч. Тили. М.: Территория будущего, 2009.

14 Hroch M. Das Europa der Nationen : Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich / M. Hroch. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2005. S. 86.

15 Брюбейкер Р. Переобрамленний націоналізм: Статус нації та національне питання у новій Європі / З англ. пер. О. Рябов. Львів: Кальварія, 2006.

16 Nodia G. Rethinking Nationalism and Democracy in the Light of Post-communist Experience / G. Nodia // Council of Research in Values and Philosophy [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.crvp.org/book/Series04/IVA-7/chapter_i.htm. Дата доступа: 18.05.2008.

17 Там же.

18 Baer J. Czech National Identity – an Exit Factor from Totalitarianism / J. Baer // Totalitarismus und Transformation : Defizite der Demokratiekonsolidierung im Mittel- und Osteuropa. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2009. S. 313.

Светлана Хобта

ВОСТОК УКРАИНЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧЬЯ

Abstract

In the articles the structure, hierarchy, and transformation of identities of the eastern borderlands of Ukraine – Donbass is examined. It is shown that during Ukraine's independence there have changes in the structure and hierarchy of identities. Identity traditionally grouped around small groups, but increases the importance of identity-related personal socio-economic status. Changing the status of the Ukrainian-Russian border has not led to the formation of specific identity as "habitant of the borderland". The developed "sense of the border" for the eastern part of the Ukrainian-Russian border is not typical. The eastern border of Ukraine is not perceived as a border with «strangers». As a result the identity "habitant of the borderland" is weakly reflected and belongs to a narrow strip not far from the border.

Методологические основы изучения идентичности

В последние десятилетия в социогуманитарном знании растет интерес к проблеме идентичности. Тезис З. Баумана: «идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются многие важные черты современной жизни» [1, с. 176] повторяется почти в каждой работе по данной теме [см. например, 2, с.163; 3, с. 166; 4, с. 129]. Такая ситуация обусловлена тем, что переход к постиндустриальному, информационному обществу изменяет социальный опыт индивидов, вызывает новые формы отношения между структурой и личностью, формирует новые механизмы и уровни взаимодействия. Это заставляет индивидов и группы

постоянно искать свое место на меняющейся карте социального ландшафта [например, 5]. Проблемой становится не только процесс достижения определенного положения (места) в структуре, но и сами места, ситуация их выбора, согласования идентичностей, связанных с разными позициями в усложнившейся социальной структуре.

В социологии изучаются идентичности самого разного рода и масштаба: от идентичностей фотографов в мире модной фотографии [6, с. 401] до идентичностей наций [7, с. 221]. Предметом нашего изучения выступает структура, иерархия и трансформация идентичностей в восточном Пограничье Украины – Донбассе. Отдельной задачей является выяснение того, присутствует ли такой идентитет, как «житель приграничья» и каково его место в структуре идентичностей жителей восточного приграничья.

В социологии сложилась определенная традиция исследования идентичностей. Различают понятия: «идентичность», «идентитет» и «идентификация» [8]. Идентичность – «понятие, обозначающее осознание индивидом себя, того, кем он является» [9, с. 155]. Идентификация – определенного рода отношение индивида и группы, «процесс, в ходе которого индивид признает те или иные конститутивные (т.е. важные для самого существования группы) признаки и свойства собственными индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с данной группой» [4, с. 131]. Идентичность является результатом серии таких процессов и «выступает не столько простой суммой идентификаций, а представляет собой скорее новую комбинацию старых и новых идентификационных фрагментов» [4, с. 131]. Идентитет – место, которое можно занять в социальном пространстве, статусная позиция, с которой происходит идентификация.

Принято считать, что специальное изучение идентичности начинается с работы Э. Эриксона «Идентичность: юность и кризис». Сам же термин появляется в рамках традиционного психоанализа, где определяется как самый ранний механизм эмоциональной связи с другим лицом [10, с. 52]. Отталкиваясь от психоанализа, Э. Эриксон доказывает, что идентичность не только субъективное ощущение тождества индивида, но и осознание внутреннего тождества с определенной социальной общностью: «… мы имеем дело с процессом, «локализированным» *в ядре индивидуальной, но и общественной культуры*, процессом, который в действительности устанавливает идентичность этих двух идентичностей» [11, с. 31]. Согласно Э. Эриксону, идентичность существует как стабильное образование, проявляющееся в субъективном ощущении целостности индивида в неразрывности с чувством принадлежности к определенной общности.

На стабильности идентичности делает акцент и функционалистская парадигма. В ней идентификация понимается как процесс интериоризации социального опыта и проявляется как чувство принадлежности к некой общности, базирующееся на общности ценностей. В теории Т. Парсонса ценности обе-

спечивают интегрированность социальной системы. Они интериоризуются в процессе социализации через принятие и усвоение ценностных стандартов во время обучения социально-ролевым ожиданиям. Процесс принятия, интернализации ценностной модели называется Т. Парсонсом идентификацией [12, с.317]. Рассмотрение идентификации в статусно-ролевых рамках привело к последующему отождествлению идентичности со статусно-ролевыми ожиданиями и исполнениями, отклонение от которых ведет к статусно-ролевому конфликту [13, с. 38–39]. В данном случае фокус внимания концентрируется на усвоении и предъявлении статусно-ролевого поведения.

В интерпретативной парадигме больше уделяется внимания субъективной, внутренней стороне формирования идентичности. Например, согласно взглядам Дж. Г. Мида, идентичность не формируется вследствие сознательного отождествления индивида с какой-либо общностью. Идентичность в первую очередь является внутренней характеристикой человеческой самости, без которой не может сложиться «I» [14, с. 161].

В теории конструирования социальной реальности подчеркивается, что индивиду постоянно необходимо подтверждение собственной идентичности. Идентичность зависит от специфических «вероятностных структур, то есть от специфического социального базиса и требуемых для ее поддержания социальных процессов» [15, с. 251]. Особые исторические социальные структуры порождают особые типы идентичности, которые и опознаются индивидами.

Таким образом, в социологии идентификация отражает процесс позиционирования индивида в социальном пространстве. Посредством нее человек и сохраняет внутреннее пространство собственной индивидуальности, и включается в общественное пространство. Идентичность служит инструментом согласования внутреннего и внешнего пространств существования индивида.

Эмпирическое изучение идентичностей: результаты количественного исследования

Идентичности в социологии, как правило, изучаются формализованными методами: через предъявление набора идентитетов. Возникает проблема идентификации именно идентичностей. В опросах респондентам предлагается набор, из которого необходимо выбрать подходящие идентичности или дать свой вариант. Вариант «другое» выбирается крайне редко. Например, в мониторинге Института социологии НАН Украины доля выбравших «другое» в вопросе «Кем Вы себя считаете в первую очередь?» составила на 2006 г. 0,7% [16, с. 485]. В нашем исследовании – также не больше 1% (см. табл.1). Это может свидетельствовать либо об отсутствии четкого осмысления проблемы респондентами, либо об эффективном усвоении «легитимирующих»[1] идентичностей, ведь идентичности выступают маркерами принятия нормативного порядка,

показывая, насколько нормативный порядок интериоризирован индивидами. Это, безусловно, требует дальнейшего изучения, но возникает подозрение, что вписывание идентичностей, расстановка их «по местам» осуществляется не без участия социологии. Поэтому одной из задач нашего исследования было сопоставить наборы идентичностей, полученные с помощью качественных и количественных видов опроса.

Эмпирической основой анализа выступают данные массового опроса и «открытых» интервью в рамках научного проекта «Восток Украины: трансформация идентичностей в условиях приграничья», осуществленного при поддержке кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко и программы CASE. Опрос проводился 23–25 октября 2009 г. Выборка репрезентирует половозрастную и поселенческую структуру Луганской области. Объем выборочной совокупности k = 1147. Особенностью формирования выборки стало то, что при определении точек опроса в выборку максимально включались приграничные населенные пункты области (k = 249) – пункты, которые находятся вблизи восточной русско-украинской границы. «Открытые» интервью проводились с 21 сентября по 31 октября 2009 г. В выборку попали жители 6 (из 10) приграничных районов Луганской области из 12 населенных пунктов.

Рассмотрим структуру идентичностей жителей области согласно данным массового опроса. В табл.1 мы представили и результаты предыдущих исследований, проведенных кафедрой философии и социологии ЛНУ имени Тараса Шевченко.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Без каких из перечисленных характеристик Ваше представление о себе будет невозможным?», %

№ п/п	**Вариант ответа**	**Луганская область k=1200 2001 г.[2]**	**Луганская область k=1100 2008 г.**	**Луганская область k=1147 2009 г.**	**Приграничье k=249 2009 г.**
1.	Самостоятельная, суверенная, неповторимая личность	25	30*	36*	33
2.	Член семьи	56	71*	68	68
3.	Член дружеского круга	23	31*	33	24
4.	Член определенного трудового (учебного) коллектива	17	23*	25	21

* Разница в процентах между предыдущими годами значима на 5% уровне (т.е. с вероятностью 95%) [таблица значимости процентов взята из 18, с. 258].

№ п/п	Вариант ответа	Луганская область k=1200 2001 г.[2]	Луганская область k=1100 2008 г.	Луганская область k=1147 2009 г.	Приграничье k=249 2009 г.
5.	Человек, связанный с определенным кругом деловыми связями	8	8	12*	6
6.	Человек определенной профессии	19	24	30*	28
7.	Человек определенного образования	15	15	22*	19
8.	Человек определенных политических убеждений	9	9	12	9
9.	Житель определенного населенного пункта	18	15	16	22
10.	Житель Донбасса	35	39*	43*	46
11.	Житель Пограничья	–	–	7	15
12.	Гражданин Украины	30	48*	45	50
13.	Советский человек	22	13*	15	14
14.	Житель СНГ	7	9	10	12
15.	Человек определенной религии	8	6	5	8
16.	Европеец	7	7	6	9
17.	Житель планеты Земля	23	13*	16	18
18.	Мужчина		31	29	30
19.	Женщина		40	38	39
20.	Человек определенного возраста		17	16	17
21.	Человек определенной нации/этнической принадлежности	11	9	7	6
22.	Человек с определенным родным языком		9	14*	12
23.	Человек с определенными художественными вкусами (музыкальными, литературными и т.д.)	13	7*	10	12
24.	Что еще? (другое)	2	1	1	2
	Всего	**348**	**472**	**515**	**518**

Примечание: сумма в столбце превышает 100%, так как респонденты могли выбирать несколько позиций.

Самой важной в регионе является идентичность «член семьи». Это неудивительно, ведь семья для украинцев – общность, которую больше всего ценят и которой больше всего доверяют [16, с.459]. На Донбассе, по сравнению с другими регионами, фиксируется очень высокий уровень доверия к семье (67,0%) (для сравнения, в Западной Украине – 57,6%) [19, с. 94]. Корреляционный анализ не выявил наличия сильных связей между идентичностями. Если говорить о значимых (но слабых) корреляциях, то именно идентичность «член семьи» можно

условно назвать аттрактором. Она «притягивает» наибольшее число переменных («житель Донбасса», «гражданин Украины», «самостоятельная личность», «член трудового коллектива», «член дружеского коллектива», «женщина»). Наблюдается важность идентификации и с другими малыми группами – круг друзей, трудовой/учебный коллектив. Но, ориентируясь на малые группы, индивиды не растворяются в них, а демонстрируют высокую значимость собственной индивидуальности и суверенности. Респонденты негативно относятся к проявлениям индивидуализма в поведении, но одновременно негативно оценивают и препятствие личной самореализации [20, с. 113]. За последний год фиксируется значимый рост идентичности «самостоятельная, суверенная, неповторимая личность». Ее важность обратно пропорциональна возрасту респондентов.

Следующие ранговые позиции занимают гражданская и региональная идентичности. Из табл. 1 видно, что по сравнению с 2001 г. на Донбассе произошел значимый рост идентичности «гражданин Украины», что почти сравняло число разделяющих гражданскую и региональную идентичности. Выраженная региональная идентичность – особенность Донбасса [21; 22]. Об этом свидетельствуют данные, полученные разными исследованиями. Например, сравнительное исследование «Львов-Донецк: социологический анализ групповых идентичностей и иерархий общественных лояльностей» показало, что принципиальным отличием между городскими жителями Галичины и Донбасса является интегрированность/«размытость» региональной идентичности галичан в реалиях украинского общества и четкая привязанность идентичности донбассцев к региону [23, с. 294]. Исследование «Украина: образы регионов и межрегиональные отношения» также показало, что гражданская идентичность более значима для галичан. В иерархии же идентичностей жителей Донбасса идентитет «гражданин Украины» занимает почти одинаковую позицию с идентитетом «житель региона» [24, с. 21]. Выраженная региональная идентичность, характерная для Донбасса, не противоречит украинской гражданской идентичности. О принятии украинской идентичности как основной «легитимной» гражданской идентичности говорит постоянное угасание идентичности «советский человек».

В пятерке первых ранговых позиций находится гендерная идентичность. Она более значима для женщин. Обращает внимание, что гендерная идентичность для женщин актуализирована во всех возрастных группах, более того, ее значимость с возрастом возрастает, тогда как среди мужчин она больше характерна для молодых и ее значимость с возрастом уменьшается.

Закономерным выглядит то, что в условиях экономического кризиса произошел значимый рост идентитетов, связанных с обеспечением материального благополучия («человек, связанный с определенным кругом деловыми связями», «человек определенной профессии», «человек определенного образования»).

Особый интерес для нас представляла идентичность «житель пограничья». В структуре идентичностей она занимает слабую позицию и находится в по-

следней десятке рангов. Процент принимающих данную идентичность в приграничных населенных пунктах в два раза выше, чем по области в целом. Например, среди жителей Луганска эту идентичность разделяют только 4%, тогда как поселке Червонопартизанск Свердловского района – 37%. Но говорить о силе этой идентичности даже в приграничных пунктах нельзя ввиду высоких флуктуаций в разрезе населенных пунктов. Идентичность «житель приграничья» характерна преимущественно для сельских жителей.

На вопрос «Кто такой житель пограничной зоны в Луганской области?» более 50% ответили, что «житель пограничной зоны ничем не отличается от других» (табл. 2). Эту точку зрения разделяют как жители приграничных населенных пунктов области, так и области в целом.

Таблица 2

Кто такой житель пограничной зоны в Луганской области?
% к опрошенным

№ п/п	Вариант ответа	Луганская область k=1147	Приграничные населенные пункты k=249
1.	контрабандист	3	2
2.	защитник наших рубежей	11	9
3.	носитель двух культур	24	30
4.	носитель своей культуры, противопоставляемой культуре другого	8	8
5.	житель пограничной зоны ничем не отличается от других	52	47
6.	другое	1	1
7.	нет ответа	1	2
	Всего	**100**	**100**

Значимые отличия между идентичностями жителей области и приграничных населенных пунктов фиксируются только по некоторым идентитетам. Во-первых, для области в целом значительнее идентификация с группами, связанными дружескими и деловыми связями. Во-вторых, жители приграничья показывают более сильную привязанность к локальным идентичностям («житель определенного населенного пункта»). Правда, это объясняется тем, что приграничье представлено преимущественно сельскими населенными пунктами. Среди сельского населения идентификация с собственным населенным пунктом сильнее, чем среди городского. Например, если с собственным местом жительства идентифицируют себя в среднем 10% городских жителей (Луганск – 17%), то в селах эта цифра в три раза больше (село Пархоменко Краснодонского района – 35%).

Наряду с массовым опросом и «открытыми» интервью в некоторых точках были проведены фокусированные групповые интервью (ФГИ). Данные, полученные разными методами, взаимно подтверждают друг друга: самые содержательные ФГИ, позволившие зафиксировать особенности практик приграничья и наличие рефлексии о специфике приграничья, совпадают с высокой оценкой данного идентитета в массовом опросе, тогда как отсутствие чувства приграничности, например, в Луганске, фиксируется как ФГИ, так и массовым опросом.

Эмпирическое изучение идентичностей: результаты качественного исследования

Планируя использование разных видов опроса, мы исходили из предположения, что существует «публичный» и «повседневный» наборы идентичностей. «Публичный» набор позволяет зафиксировать количественный опрос, а «повседневный» – качественный (ФГИ, «открытые» интервью). Нашей задачей было проверить, насколько структура идентичностей и их иерархия в них совпадают. В «открытых» интервью с целью определения существующего набора идентичностей использовался тест М. Куна «Кто Я?» в модификации Т.В.Румянцевой [25]. Вопрос звучал следующим образом: «Если говорить о Вас, как бы Вы себя определили? Если бы Вы спросили себя: «Кто Я?», как бы Вы ответили на этот вопрос?» Анализ проводился через сравнение рангов (место идентичности при перечислении позиций, указание на первоочередную важность: «во-первых, я…») и частоты упоминаний идентитетов в массовом интервью и в «открытых» интервью.

По частоте упоминаний самые значимые – идентичности, связанные с семьей, кровнородственными отношениями, профессией/занятостью или самим фактом наличия занятости («*я работаю*», «*имею работу*»).

*«**Горжусь** тем, что, хоть у меня малооплачиваемая работа, **все-таки есть работа**» (м., 54, в., инженер по технике безопасности в ПСУБ, с. Пархоменко)*[3].

*«Я все-таки человек, служащая, работаю в библиотеке, работаю давно. Мне нравится работать и, **самое главное, хорошо то, что есть работа**. Все-таки у нас в селе этим **не все могут похвастаться**, а у меня работа есть» (ж., 45, в., библиотекарь, с. Пархоменко).*

Третий ранг по частоте упоминаний – у гражданской идентичности *(«гражданин Украины», «я часть нашего государства, нашей Украины»)*. Определения «украинка»/«украинец» относились как к гражданской, так и к этнической идентичностям. Особенностью этнической идентификации является отождествление себя одновременно с двумя этническими группами: украинцами и русскими. Одна респондентка назвала такую идентичность «народная национальность».

«Я одинаково себя причисляю (к украинцам и к русским – Х.С.) и все мы. <…> так что я не знаю, кто я больше, русская или украинка. Получается сын мой

пишется украинец, так как родился на Украине и муж украинец, но я русская. Семья у нас получается смешанная. Смешанная. ***Народной национальности****. Мы люди разных народов, живем дружно, не делимся: кто есть кто» (ж.,45, в., библиотекарь, с. Пархоменко).*

«Я себя ощущаю наполовину россиянкой, наполовину украинкой» (ж., 56, ср. спец., пенсионерка, Червонопартизанск).

Такая особенность этнической идентификации прямо связывается с влиянием приграничья и его спецификой. Это позволяет уточнить содержание, которое вкладывается в понятие «человек определенной нации/этнической принадлежности» в ходе массового опроса и в какой-то мере понять причины отрицательной динамики этнической идентификации. Нами зафиксировано, что на Донбассе происходит снижение значимости этнической идентификации, и значимый рост идентификации на основе родного языка (табл. 1). В этом проявляется специфика региона, хотя прямые указания на регион носят единичный характер. На Донбассе подавляющее большинство говорит на русском языке (более 60%), хотя этнически определяют себя как украинцы (табл. 3). В табл. 3 представлены данные нашего исследования и данные мониторинга Института социологии НАН Украины (ответ на вопрос «Ваша национальность» в разрезе Донбасса) [19, с. 163]. Из таблицы видно, что введение позиции «чувствую себя причастным как к украинцам, так и к русским» «оттягивает» 15% респондентов с русской этнической идентификацией. Это может говорить о том, что часть населения региона посредством декларации русской идентичности, в условиях легитимности украинской, демонстрирует отказ расстаться со значимой частью идентичности. Можно предположить, что это группа, которая поддерживает двойную этническую идентичность, но формализация опросника не позволяет зафиксировать это. Именно 15% респондентов, идентифицирующих себя как русские, используют в быту украинский язык.

Значимый рост за последний год идентификации на основе родного языка может быть объяснен политическими событиями в стране: президентскими выборами в феврале 2010 г., в которых принимает участие кандидат от региона («свой» кандидат) и обострением политических отношений с Россией (в «открытых» интервью респонденты проявляли опасения и недовольство существующей политикой украинской власти в отношении России). Жители Донбасса выступают за придание русскому языку статуса официального, хотя бы на уровне отдельных регионов. Поэтому в глазах других регионов Донбасс предстает как непатриотичный и пророссийский [21]. Языковая проблема ведет к тому, что осознается подобие с другим специфическим регионом Украины – Крымом [20, с. 115]. От «своего» кандидата ожидают соответствующей языковой политики улучшения отношений с Россией. Как видно, русскоязычие – мощный интегратор и источник лояльности к России. Это говорит о том, что граница – значительно сложнее, нежели линия на карте.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как бы вы определили свою этническую идентичность?» %

№ п/п	этническая идентичность	Донбасс k=1800 2002–2005 гг.	Луганская область k=1147 2009 г.
1.	украинец/украинка	53	56
2.	русский/русская	42	25
3.	другая	5	2
4.	чувствую себя причастным как к украинцам, так и к русским		15
	Всего	**100**	**100**

Как и в массовом опросе, значима гендерная идентичность и, преимущественно, у женщин. В структуре идентичностей выделяются возрастные, интимно-личностные (*«любимая»*) и идентичности, связанные с кругом друзей, рекреацией (*«любим отдыхать», «любим путешествовать», «следим за здоровьем»*), религиозной верой.

Сравнение данных массового опроса и «открытых» интервью позволило сделать два важных наблюдения. Во-первых, оно показало расхождение в статусе региональной идентичности. Если данные массового опроса фиксируют равнозначность гражданской и региональной идентичности, то «открытые» интервью говорят скорее о равнозначности гражданской и локальной идентичностей, особенно в сельских населенных пунктах (*«коренной житель села», «пархоменковцы наши», «я сельский парень»*). Принадлежность к Донбассу/Востоку была названа только в нескольких интервью. Возможно, это объясняется тем, что в «публичной» ситуации региональная идентичность погружается в политический контекст. Она позволяет указать на этноязыковую специфику и особенности «исторической памяти» [26]. Такой вывод мы делаем на том основании, что когда стимул интервью имеет политический характер, региональная идентичность четко артикулируется (*«житель Востока Украины», «житель Донбасса»*) [20].

Во-вторых, использование качественных методов показало важность морально-этического дискурса при самоописании. По частоте упоминаний идентификации на основе морально-этических качеств конкурируют с кровнородственными идентичностями. При формализованном опросе это могло бы получить отражение в позиции «другое», однако эта позиция была большинством проигнорирована. Первую ранговую позицию занимает позиция *«человек», «личность»*. Часто встречаемой формулировкой является *«обычный человек», «обычный человек, простой среднестатистический украинец»*.

«В первую очередь – человек. Человек, который уважает других и уважает себя. Как в ***Святом Писании*** *написано: «Относись к людям так, как ты хочешь, что бы они относились к тебе». В первую очередь человек, который уважает достоинство других людей и уважает свою честь и достоинство. У которого у самого есть* ***честь и достоинство*** *и несмотря на никакие там социальные, культурные отличия или материальное состояние другого человека. Для меня разницы нет. В первую очередь, необходимо быть человеком» (м., 30, ср.спец., военнослужащий на границе, с. Можняковка).*

«Человек. Я – людина, звичайна людина, яка має якісь певні моральні цінності, вихована на цих моральних цінностях. Для мене надзвичайно важливі такі риси як: добро, милосердя, чесність у стосунках. <…> Я намагаюся в своєму житті не робити нічого поганого людям, ***як заповідь*** *лікарів: «Не нашкодь», так от в своїй роботі я також намагаюся, та і в повсякденному житті, не нашкодити <…> Ну, я людина по натурі добра, мені жаль старих, хворих, кошенят на дорозі…» (ж., 43, в., учитель, Белолуцк).*

При анализе временного аспекта идентичности обращает на себя внимание факт, что в самоописаниях очень слабо находят выражение *перспективные идентичности*, то есть идентификационные характеристики, которые связаны с перспективами, пожеланиями, намерениями, мечтами. Если они и представлены, то относятся исключительно к материальной сфере жизни.

«Я человек, который хочет работать и иметь достойную работу, конечно, же достойно оплачиваемую» (*ж., 30, ср.спец., отпуск по уходу за ребенком, Троицкое*).

«Хочется жить как все, хочется что-то иметь, а для того, чтоб что-то иметь, надо работать, потому что у нас богатых нет родственников, в бизнесмены никто не вышел» (ж., 45, в., библиотекарь, с. Пархоменко).»

Поиск ответа на вопрос «Кто Я?» в 90% случаев заставлял погрузиться в широкий социальный контекст, дать оценку собственного социального самочувствия и эта оценка и определяла характер самоописания «Я».

«Да идиот я, ну, кто я! (смех). Приходится терпеть эти условия жизни. Нас опускают, опускают, опускают. Кризисы эти всякие…» (м., 39, ср.спец., строитель, Краснодон).

В самоописаниях людей старшего поколения обязательно указывается на принадлежность к исчезнувшей, но значимой общности «советский народ». Психологи использование при самоописании форм, описывающих действия или переживания в прошедшем времени**,** интерпретируют это как свидетельство наличия в настоящем неудовлетворенности, стремление вернуться в прошлое в силу его большей привлекательности или травматичности [25]. Социологическое объяснение этот факт находит в утрате чувства целостности человека и государства, социальной справедливости и социальной защищенности. Проведенные нами «открытые» интервью показали, что нарратив о себе среди

старших возрастных групп организуется через противопоставление настоящего независимой Украины и советского прошлого. Некоторые до сих пор называют себя «советский человек». Тоска «бывших граждан Советского Союза» – это не только тоска об исчезнувшей стабильности, гарантированной занятости, социальных гарантиях, но и тоска о чувстве собственной значимости, чувстве собственного достоинства, которое давала уверенность в том, что ты не один, что государство представляет народ.

«Получается, теряешь, как вам сказать, теряешь сам себя, теряешься как человек. Вы говорили мне: «Кто я?». Теряешься как человек. Почему?! Ходил на работу. Чувствуешь себя как-то нужным. Пускай над тобой какое-то чувство долга. Ты чувствуешь, что кому-то, что-то – ты нужен. Я и работаю, конечно. Сама на себя. Но мы стали беззащитными, незащищенные абсолютно» (ж., 51, ср. спец., предприниматель, Беловодск).

*«Родился я при Советском Союзе, я считал себя гражданином Советского Союза, так, как сейчас я считаю себя гражданином Украины. <…> Мы гордились своей страной, гордились силой своей страны и чувство, так сказать, «Я» было гораздо выше, чем сейчас. Чувство «Я» как «гражданин» или как «человек». Конечно, сейчас чувствует тот хорошо себя, может сказать «Я» твердое, кто имеет почву под собой экономическую, у кого хороший уровень жизни, кто может пользоваться всеми благами, а те люди, которые живут на грани, так сказать бедности, они свое «Я» **говорят шепотом, можно так сказать**. А вот в отличие от того, как мы жили при Союзе, мы жили более-менее ровно и как-то веселей жили. А сейчас люди все **озабоченные, угнетенные** чем-то. Ну, даже я не сказал бы чем-то, все знают чем – **материальным положением**. <…> Сейчас в наше время «Я» зависит от материального положения, к сожалению. Мы живем в демократическом обществе. Но демократия – это все-таки очень понятие такое скользкое. Когда мы жили при Союзе, значит, мы свое «Я» четко чувствовали, мы уверены в себе были, а сейчас большинство людей, в том числе и я, мы не уверены в завтрашнем дне. Как мы можем сказать твердо о себе «Я»!? «Я»! «Я»! – можно кричать, но это ничем не подкреплено, на тебя никто внимания не будет обращать» (м., 54, в., инженер по технике безопасности в ПСУБ, с. Пархоменко).*

В некоторых случаях наблюдается нескрываемое вытеснение настоящего, нежелание о нем говорить.

«Я о своей жизни как-то не люблю говорить. «Кто я?» Ну, я даже не знаю, как тебе это объяснить: «Кто Я?» Личность, человек, как и тысячи других пострадавших от этого разделения, от этой жизни, от этой нищеты, радости от этого мало, живешь одним днем. Прожил, допустим, сегодня, ну, и слава тебе, Господи. И так каждый день. Есть сегодня покушать – все прекрасно. В следующий день приходишь – уже думаешь, ага, что сегодня нужно приготовить. Раньше такого не было. Раньше это все решалось без всяких проблем. А сейчас

все упирается в финансовые трудности, потому что живут хорошо только те, кто ворует и «кирует». Как сказать: «Кто Я?» Я ***не хочу трогать свою личную жизнь, даже не хочется говорить, я вспоминаю только годы молодости, когда все было хорошо****. Можно было сесть спокойно, поехать куда-то, отдохнуть без проблем – на то же Черное море, в тот же Адлер, те же Сочи. И все было прекрасно. Сейчас мы никуда не ездим» (ж., 64, в., администратор в ДК, Краснодон).*

Отметим, что рекреационные идентичности («*человек, который отдыхает*») связываются с советским периодом. Невозможность отдыха – важный показатель экономического неблагополучия. С сожалением, все респонденты старшего возраста вспоминают, что при Советском Союзе они имели возможности отдыхать, а сейчас нет.

Что касается интересующей нас идентичности «житель приграничья», как особая идентичность она не отрефлексирована. Большинство не замечает и не задумывается над своим «особым» положением, считает, что близость границы никак не отражается на их жизни и самовоощущении.

«Я би ніколи не асоціювала себе як житель прикордонного регіону, району, а задумалась, що можна відповісти на це питання. Доволі складно дати відповідь на це питання тому, що ***ніколи над цим не замислювався****» (ж., 43, в., учитель, Белолуцк).*

«Да я говорю потому, что я не связан с границей никаким образом, ***я работаю совершенно в другой сфере****. Ну, я больше чем 2 года в Россию не ездил. Мне в принципе, что есть эта граница, что нет. Если скажем, от того, что я живу на границе, у меня хлеб вместо трех гривен стоил бы полторы…, а так – какой толк» (м., 39, ср.спец., строитель, Краснодон).*

«Именно к ***нашему населенному пункту это не относится****, потому что он не вблизи самой границы находится, а в контролируемом пограничном районе. В тех населенных пунктах, которые находятся возле государственной границы: Танюшевка, Сосновка, Светлое, Козлово, Залесное, Новобелая, – там люди практически настороже. Так сказать, они на переднем крае. Во-первых, это связано с криминогенной обстановкой, потому что контрабандная деятельность она есть на сегодняшний день и, довольно много, и занимаются ею не простые простофили, как говорится, а занимаются очень серьезные люди» (м., 30, ср.спец., военнослужащий на границе, с. Можняковка).*

Фокусированные групповые интервью, проведенные в Луганске и приграничных населенных пунктах области, а также «открытые» интервью показали, что чувство приграничности – характеристика узкой полосы, непосредственно прилегающей к границе. Более того, она проявляет себя точечно: в пунктах, где есть пункты пропуска через границу или через которые проходят крупные коммуникационные пути, контрабандные трафики (например, как в селах Краснодонского района, Свердловского района). Там даже зафиксирован фольклор,

посвященный границе. Приграничность в Луганске не ощущается. Не ощущается она, по словам участников фокусированных групповых интервью, и в большинстве приграничных пунктов области. Хотя из этого не следует, что жизнь в приграничье не имеет особенностей. Глубинные интервью и ФГИ показали, что жители приграничных населенных пунктов не признают влияние приграничья на их жизнь, но анализ жизненных практик демонстрирует это влияние.

Выводы

В условиях независимости Украины происходят изменения в структуре и иерархии идентичностей. Идентичности традиционно группируются вокруг малых групп, но все больше возрастает значимость индивидуальности и самостоятельности, расширяется круг разделяющих идентичности, связанные с личным социально-экономическим статусом.

При изучении идентичностей следует принимать во внимание наличие публичного и приватного дискурсов. В формализованной ситуации в первую очередь актуализируются идентичности политического характера. Основным идентитетом, включающим индивида в общественное пространство, выступает гражданский и региональный. Региональная идентичность значима именно в контексте страны и имеет политический характер.

В неформализованной ситуации важность демонстрируют идентичности морально-этического характера, связанные с чувством человеческого достоинства, межличностными отношениями, статусом в малых контактных группах. Важным условием сохранения человеческого достоинства для респондентов является обеспечение властью социальной справедливости.

Для восточной русско-украинской границы не характерно развитое «чувство границы». Восточная граница Украины не воспринимается как граница с «чужими», поэтому приграничный статус не ощущается. Это чувство, как и идентичность «житель приграничья», принадлежит узкой полосе, непосредственно прилегающей к границе. Говорить о силе идентичности «житель приграничья» даже в приграничных пунктах сложно ввиду высоких флуктуаций в разрезе населенных пунктов и слабой отрефлексированности собственного образа. Надежность вывода обеспечена междуметодной триангуляцией.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. М.: Логос, 2002.
2. Ходус Е.В. Социальные идентичности в современных презентационных стратегиях; особенности выбора и освоения / Елена Владимировна Ходус // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна,* 2007. С. 163–165.

3. Борщ К.К. Ролевые идентичности в трансформирующихся обществах / Борщ Константин Константинович // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. С. 166–173.
4. Филиппова О.А. Политики идентичности: антропологические методы и социокультурные интерпретации / Ольга Аркадьевна Филиппова, Юлия Георгиевна Сорока // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. С. 129–135.
5. Симончук Е.В. Средний класс: люди и статусы / Е.В. Симончук. К.: Ин-т социологии НАНА Украины, 2003.
6. Асперс П. Рынок моды: фотография моды в Швеции / Патрик Асперс /Анализ рынков в современной экономической социологии: пер.с англ. / Гос.ун-т Высшая школа экономики; отв. ред. В.В. Радаев, М.С, Добряков М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 396–418.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон [Текст]: пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
8. Социальные идентификации и идентичности / С.А. Макеев, С.Н. Оксамитная, Е.В. Швачко. К.: Ин-т социологии НАНУ, 1996.
9. Аберкромби Н. Социологический словарь: пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. М.: ЗАО Изд-во Экономика, 2004. С. 155–156.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» М.: АСТ, 2007.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006.
12. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковаой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002.
13. Кон И.С. Социология личности. М.: Полтиздат, 1967.
14. Мід Дж.Г. Дух, замість і суспільство з точки зору соціального біхевіориста: пер. з англ. та передмова Т. Корпала. К.: Український Центр духовної культури, 2000.
15. Бергер П., Лукиан Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: МЕДИУМ, 1995.
16. Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. К.: Ін-т соціології НАНУ, 2006.
17. Кононов И.Ф. Ценностная интерпретация действительности на региональном уровне (пример Донбасса) / И.Ф. Кононов // Грани. 2003. № 1. С. 92–99.
18. Паніотто В.І. Статистичний аналіз соціологічних даних/ Паніотто В.І., Максименко В.С., Харченко Н.М. К.: Вид.дім КМ Академія, 2004.
19. Вишняк О.І. Соціокультурна динаміка політичних регіонів України. Соціологічний моніторинг: 1994–2006 / О.І. Вишняк. К.: Ін-т соціології НАНУ, 2006.
20. Хобта С.В. Ціннісні орієнтації населення Галичини та Донбасу / С.В. Хобта // Стосунки Сходу та Заходу України: суб'єкти, інтереси, цінності: зб. наук. праць / Наук. ред. І.Ф. Кононов. Луганськ: Знання, 2007. С. 111–116.
21. Кононов И.Ф. Донбасс и Галичина в зеркалах регинальних сознаний (по материалам фокусированних группових интервью) / И.Ф. Кононов // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб.наук.праць. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. С. 435–455.

22. Хобта С.В. Образи регионов: Восток и Запад Украини / С.В. Хобта // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. С. 456–463.
23. Сусак В.І. Регіональні особливості політичної культури українського суспільства: порівняльний аналіз міжпоколінських подібностей та відмінностей у політичних орієнтаціях населення Львова та Донецька / В.І. Сусак // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Харків: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2005. С. 292–298.
24. Кононов І.Ф. Донбас та Галичина: причини напруженості в стосунках та пошук історичного компромісу / І.Ф. Кононов // Стосунки Сходу та Заходу України: минуле, сьогодення та майбутнє: Матеріали Всеукраїнської конференції, Луганськь, 2006 / Наук. ред. І.Ф. Кононов. Луганськь: Знання, 2006. С. 5–27.
25. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре / Т.В. Румянцева // http://vsetesti.ru/424.
26. Середа В. Стосунки Сходу та Заходу України: історичні ідентичності і націєструктуруючі процеси / В. Середа // Стосунки Сходу та Заходу України: минуле, сьогодення та майбутнє: Матеріали Всеукраїнської конференції, Луганськь, 25–26 травня 2006 р. / Наук. ред. І.Ф. Кононов. Луганськь: Знання, 2006. С. 183–196.

Примечания

1 Легитимирующие идентичности – идентичности, вводимые властью для расширения и рационализации господства [4, с. 131].

2 Данные взяты из [17, с. 97].

3 После цитат в скобках указан пол, возраст, образование (в. – высшее, ср.спец. – среднее специальное, ср. – среднее), профессия/должность, место жительства респондента.

Вера Гуринович

РЕЦЕНЗИЯ
на коллективную монографию *«Республика Молдова в контексте воображаемых и действительных границ: паттерны пограничной идентичности»* (Вильнюс, 2010 г.)

Abstract

This work written by researches from Moldova is dedicated to a hot topic, i. e. to an attempt to analyze and deconstruct the existing discourses of identity of modern Moldova. The purpose of the work is not so much a description of the existing discourses as ideological political projects or practices of collective memory, but it is mainly an attempt to determine the fine line between the authority's "language" and citizens' "consciousness, which are imposed by the constructed discourses and social consciousness. The research and analysis of discourse practices, both in the form of realization of political projects and in the form of social manifestations of collective identity, detects uncertainty, edge and continuity of space of Borderland, to which Moldova belongs. By determining visible and invisible borders of the given space, as well as trying to describe attempts to fill them by various meanings, the work makes a recognized contribution not only into a process of understanding the situation in Borderland, but also contributes into determining of tools available for its analysis.

Данная работа исследователей из Молдовы посвящена актуальной теме – попытке анализа и деконструкции существующих дискурсов идентичности современной Молдовы. Ее целью является не столько описание существующих дискурсов как идеологических политических проектов или же практик коллективной памяти, сколько попытка определить тонкую грань между «языком» власти и «сознанием» граждан, навязываемыми, конструируемыми дискурсами и

общественным сознанием, а также выявление возможных взаимосвязей процессов политического проектирования и трансформации коллективной идентичности. Описание и анализ форм, трансформаций и взаимодействия данных дискурсов помогает увидеть глубинные причины многих процессов, он проблематизирует действительность. Рассмотрение данных процессов также привлекает внимание к вопросам поиска новых путей решения существующих в Молдове конфликтов.

Вопросы поиска коллективной идентичности как идентичности национальной особенно остро встали перед новыми независимыми государствами после распада СССР. Географическое расположение Молдовы, как и Беларуси и Украины, а также их историческое прошлое времен советской «империи», связанное с властными имперскими дискурсами и практиками, во многом определило развитие этих стран и в постсоветский период. Схожесть их положения на границе столкновения метанарративов Запада и Востока, определение их как места встречи Запада и Востока, а также ситуация необходимости постоянного выбора между двумя различными путями развития, позволяют определить их как части одного пространства со схожими характеристиками – Пограничье. Ситуация Пограничья в этом случае – это не только географическое и не только смысловое, сколько также и временное понятие. Их общества все еще находятся скорее «между» – между советским прошлым и независимым будущим в пограничном настоящем. Исследование и анализ дискурсивных практик, как в форме реализации политических проектов, так и в форме социальных проявлений коллективной идентичности выявляют данную неопределенность, пограничность и прерывность, помогая описать проблематичность данной ситуации. Определяя видимые и невидимые границы данного пространства, а также пытаясь описать попытки их заполнения разнообразными смыслами, работа вносит неоспоримый вклад не только в процесс понимания ситуации Пограничья, но и в определение подходящего для ее анализа инструментария.

В методологическом плане в работе умело использованы современные теоретические подходы к данной тематике зарубежных авторов, результаты социологических опросов, а также анализ исторических текстов, современных аналитических работ, политических и идеологических проектов.

Структура работы помогает читателю постепенно войти в тематику проблемы. Расположенные в логической последовательности статьи раскрывают историю конструирования данного пространства и основные особенности формирования идентичности на современном этапе с точки зрения разных акторов данного процесса.

Вирджилиу Бырлэдяну, историк-антрополог, старший научный сотрудник Иститута Истории, Государства и Права Академии Наук Республики Молдова, в первой статье под названием «От Бессарабии к Республике Молдова, паттерны пограничной идентичности в дискурсе осмысления пространства» прослежи-

вает историю ментального конструирования региона современной Молдовы со времени аннексии его Российской империей в начале XIX века до современного этапа. В этот период процесс формирования идентичности на данном пространстве находится под постоянным влиянием осуществляемых на нем политических проектов. Изменения властных отношений, приводившие к изменению идеологической функции данного пространства, закрепили пограничность как основную его характеристику. Положение «между» – между христианским миром и Турцией, между славянами и неславянами, между Российской империей и европейской цивилизацией, а также в тени Румынии как значимого иного нашло свое отражение в расколе региона как попытке ответа на ситуацию Пограничья, не сняв, а еще более выявив при этом ее проблематичность.

Во второй статье сборника «Паттерны пограничной идентичности в практиках коллективной памяти постсоветской Молдовы» автор Лудмила Кожокари анализирует взаимосвязи и взаимодействия двух дискурсов памяти – дискурса коллективной общественной памяти и политического официального дискурса памяти – в отношении к процессу комеморации, местам памяти. После приведения теоретических основ, раскрывающих данную тему, автор анализирует эмпирический материал – данные исследований практик комеморации в виде устных опросов и наблюдения за празднованиями Дней Победы (во Второй мировой войне). Практики памяти официальной власти представляются зависимыми в первую очередь от общего политического дискурса и его узких, политических целей. Тогда как практики коллективной памяти предстают не столь однообразными, опирающимися на различные дискурсы и использующими свои механизмы сохранения традиций или же абстрагирования от официального дискурса памяти. Таким образом, процесс формирования коллективной памяти в большой степени подвержен влиянию политического дискурса, который ставит целью не столько попытки поиска приемлемого для общества образа прошлого и формирования на его основе менее конфликтной коллективной идентичности, сколько попытки трансформации прошлого в своих политических целях. Такая динамика во многом способствует состоянию идентитарного кризиса. Решение данной проблемы видится автору в формировании исторического образа в процессе дискуссии, открытого диалога всех акторов общества, в том числе профессиональных историков, условия для чего могут быть созданы в рамках демократии.

Третья статья сборника «Национальный праздник в Пограничье (наброски к портрету «воображаемых сообществ)», написанная Лудмилой Кожокари совместно с преподавателем факультета истории и международных отношений Независимого Международного Университета Молдовы Аллой Швец, рассматривает реализуемые на территории постсоветской Молдовы проекты нациестроительства. Направленные в первую очередь на легитимацию власти основных политических акторов через создание определенных значимых для

всего сообщества символов, они весьма четко проявляются в выборе и праздновании знаменательных дат, в частности – Дня Независимости. Авторы попытались на основе исследования нарративов власти, а также анализа тематических опросов населения выявить восприятие «конструируемых властью символов» «обычными людьми», и тем самым описать трансформации коллективной идентичности. Процесс трансформации коллективной идентичности в Молдове характеризуется не только как столкновение идеологических нарративов власти и социальных практик, находящее часто выход в локализации идентичности – своеобразной «тутэйшасці». Это процесс также поиска себя в условиях Пограничья – между национальным и постимперским, между Россией и Румынией – нахождения своего Я в противопоставлении себя Другому. И, возможно, результатом такого поиска стало разделение государства на две половины.

Алла Швец в своей статье «Русские меньшинства в Республике Молдова: между гражданской, этнической и реликтовой идентичностью» анализирует состояние русскоязычного меньшинства в Молдове, раскрывая при этом причины возникновения в границах государства Молдовы Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Описывая этническую ситуацию в Молдове в начале 90-х гг. как в «национализирующемся» государстве в терминах Р. Брюбейкера, она отмечает важную роль Другого в процессе формирования этнической идентичности русского меньшинства, главной отличительной особенностью для которого стал русский язык. Автор анализирует также и другие факторы, влияющие на процесс трансформации этнической идентичности данной группы, вводя понятия позитивной и негативной этнической идентичности. Процесс формирования той или иной характеристики группы, а также ее поведение, во многом связан с ее окружением, частью которого являются, в том числе, система общественных ценностей и политическая система – процессы их трансформаций связаны между собой.

Завершающая статья сборника под названием «Идентичность политических элит в определении внешней политики Республики Молдова (1991–2007)», написанная Вирджилиу Бырлэдяну и доктором исторических наук, преподавателем факультета истории и международных отношений Независимого Международного Университета Молдовы Людмилой Коадэ, посвящена исследованию внешней политики государства Молдовы, проводимой правящей элитой в указанный период. Ситуация Пограничья, на наш взгляд, в данной сфере проявляет себя наиболее отчетливо, «изгибая» траекторию внешнеполитического курса немыслимыми узорами. Отсутствие четкой концепции внешней политики, ее вариативность и ситуативность, на взгляд авторов, является отражением идентичности правящей элиты. Определение внешнеполитического курса, а также образа государства на международной арене зависит не только от «человеческого фактора» и идентичности политической элиты, сколько также от целей данной элиты – основной из которых в постсоветский период является выжи-

вание. И в связи с этим курс внешней политики меняется в годы выборов и в зависимости от торгово-экономического положения страны, приближаясь то к полюсу «ЕС», то к полюсу «Россия».

Статьи сборника «Республика Молдова в контексте воображаемых и действительных границ: паттерны пограничной идентичности» представляют собой, на наш взгляд, удачный пример анализа столь сложного вопроса, как вопрос трансформации идентичности в условиях Пограничья. Данный сборник показал, что исследования в данной области междисциплинарны. Анализ исторических предпосылок, проведение и оценка социологических опросов, анализ политических проектов и событий – это лишь часть инструментария, подходящего для изучения процессов формирования идентичности и лишь часть пространств, для которых определяющей является ситуация Пограничья.

Следует также отметить, что данная работа в определенном роде уникальна, она заполняет нишу исследований Молдовы в контексте теории Пограничья. На пространстве Пограничья исследования вопросов идентичности, как зарубежные, так и отечественные, чаще посвящены анализу ситуации в Украине, нежели в Беларуси или в Молдове. Совмещение анализа социологического и политического контекстов и функционирующих в их рамках дискурсов в исследованиях можно встретить еще реже. Ценность данного исследования заключается в том, что оно проведено исследователями, имеющими непосредственное отношение к проблематике, проживающими в данном регионе, но вместе с тем имеющими богатый практический опыт стажировок в ведущих учебных и научно-исследовательских учреждениях зарубежных стран.

Статьи сборника наряду с теоретическими основами и анализом практик содержит и оценочный компонент, в ряде случаев приводится информация рекомендательного характера. Таким образом, сборник будет интересен не только исследователям-политологам, историкам и социологам, но и практикующим политикам, а также всем интересующимся данной тематикой.

НАШИ АВТОРЫ

Андрощук Александр – кандидат исторических наук (2004), старший научный сотрудник Отдела новейшей истории и политики Института истории Украины НАН Украины. Стипендиат программы CASE, стажировался в Вашингтонском (Сиэтл, США) и Варшавском университетах.
Сфера научных интересов: история территориального устройства Украины XX века, проблемы регионализма и сепаратизма в Украине и на постсоветском пространстве.

Гуринович Вера – научный сотрудник Института немецких исследований при Центре международных исследований, преподаватель ЕГУ, магистр политологических наук. Стипендиат программы CASE, слушатель неформальной программы докторантского уровня ЕГУ.
Сфера научных интересов: национальные движения в Восточной Европе, взаимосвязь национализма и процессов демократизации на постсоветском пространстве.

Денищик Анастасия – магистр гуманитарных наук, лектор Европейского гуманитарного университета. Стипендиат программы CASE. Сфера научных интересов: визуальная культура, советский кинематограф, визуальные политики детства в советской визуальной культуре.

Игнатоля Наталия – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Ужгородского национального университета (Украина). Стипендиат программы CASE.

Максак Геннадий – президент неправительственного аналитического центра «Полесский фонд международных и региональных исследований» (Украина, Чернигов). Область исследовательских интересов: геополитика Восточной Европы, европейская интеграция Украины, развитие двусторонних отношений государств постсоветского пространства, энергетическая безопасность, трансграничное сотрудничество. Стипендиат программы CASE.

Новицкий Владислав – Европейский Гуманитарный Университет, преподаватель департамента философии.
Сфера научных интересов: социально-критическая теория, конкретизированная вокруг тем утопии, историчности/темпоральности и техники.
Стажер-докторант ЕГУ (2008–2009); участник проекта HESP-ReSET «Современная философия в университете и за его пределами» (2008–2010); стипендиат программы CASE (2009); в настоящее время – в творческом отпуске по написанию диссертации.

Осипян Александр – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Краматорского экономико-гуманитарного института. Сфера научных интересов: конструирование и использование прошлого; конструирование образов и идентичностей в исторической перспективе; история транскультурных контактов в экономике, политике и интеллектуальной сфере. Стипендиат программы CASE.

Портнов Андрей – кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Україна Модерна», автор трех книг (последняя из них: Упражнения с историей по-украински, Москва: О.Г.И., 2010) и более ста статей по проблемам историографии, политик памяти и истории геноцидов. Стипендиат программы CASE.

Хатковская Инесса – закончила факультет философии и социальных наук Белорусского государственного университета (2000), магистратуру по гендерным исследованиям Европейского гуманитарного университета (2001). В настоящее время – лектор Академического департамента медиа Европейского Гуманитарного университета (Вильнюс); работает над диссертационным исследованием «Феномен национального кино и современная белоруская киноиндустрия». Стипендиат программы CASE.

Хобта Светлана – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Стипендиат программы CASE.
Сфера научных интересов: ценностная сфера общества, ценностные изменения в современном обществе, территориальные идентичности, принципы полагания/формирования границ социальных общностей, качественные методы исследования в социологии.
Научные достижения: член научного коллектива, организатор проектов «Отношения Востока и Запада Украины: поиск исторического компромисса» (2005–2007 гг.), «Границы в обществах Второго модерна», «Луганск 2010: местные выборы и городская громада».
Автор более 20 научных публикаций.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Информация для авторов

К рассмотрению принимаются оригинальные статьи (до 5 п. л.), рецензии (до 0,5 п. л.) и переводы (при наличии авторских прав). Материалы необходимо представлять на русском языке. Статьи должны сопровождаться краткой (до 250 слов) аннотацией на английском языке с указанием (на англ.) имени автора, названия и 5–7 ключевых слов. Материалы присылать в формате .doc или .rtf. Сноски и литература оформляются в конце статьи. Примеры оформления см. ниже. В сведениях об авторе просим указать: город/страну, ученую степень и звание (если есть), институциональную принадлежность (если есть).

Материалы присылать по адресу: Perekrestki@ehu.lt.

Примечания

Примеры оформления литературы, сносок:

Brewer, G.A. Selden, S.C., and Facer, R.L. Individual Conceptions of Public Servise Motivation. *Public Administration Review*, May/June 2000, Vol. 50, N 3. S. 240–253.

Norkus Z. Du galiosveidrodžiai. *Politologija*, 1998, T. 1, N. 11. S. 103–116.

Dobryninas, A. et al. *Socialiniai pokyčiai: Lietuva, 1990–1998*. Vilnius: Garnelis, 2000.

Инишев, И.Н. *Чтение и дискурс: трансформации герменевтики*. Вильнюс: ЕГУ, 2007. С. 28.

Ершов, П.М. *Искусство толкования.* В 2 ч. Дубна: Феникс, 1997. Ч.1: Режиссура как практическая психология. Ч.2: Режиссура как художественная критика.

Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей. У 4 кн. Акад. Навук Беларусі. Ін-т літ. Мінск: Навука і тэхніка, 1993–1994. Кн. 2. Пачатак XX ст. 1900–1917 гг. Рэд. В.А. Каваленка, І.Я. Навуменка. 1994.

Communications equipment manufacturers. Manufacturing and Primary Industries Division, Statistics Canada. Preliminary ed. 1970. Ottawa: Statistics Canada, 1971. Текст на англ. и франц. ISSN 0700–0758.

Петрушонис, В. Средства оперирования контекстом в процессе культурной идентификации. В: *Американские исследования*: Ежегодник, 2004-2005. Под ред. Ю.В. Стулова. Мн.: Пропилеи, 2006. С. 394–404.

Weaver, W. The collectors: command performances. Photography by Robert Emmett Bright. *Architectural Digest*, December 1985, vol. 42, N. 12. P. 126–133.

Обзор методов применения обратной связи в оптических системах. Бистабильные оптические системы. ВЦП. № Е-12194. М., 13.04.83. 34 с.: ил. Пер. ст. Collins S. A., Wasmundt K. C. из журн.: *Optical engineering*, 1980. Vol. 19, № 4. P. 478–487. Библиогр.: с. 32–34.

ЦЕНТР ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК (CASE) ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Центр перспективных научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук (CASE) при Европейском гуманитарном университете создан в 2003 г. при финансовой поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и административном содействии Американских Советов по международному образованию ACTR/ACCELS и Американского центра по образованию и исследованиям.

Основной целью деятельности CASE является содействие обновлению системы научных исследований и образования в области социальных и гуманитарных наук, развитию профессионального сообщества, а также мобилизации интеллектуальных и профессиональных ресурсов для изучения процессов социальных трансформаций в Пограничье Центрально-Восточной Европы (Беларусь, Украина, Молдова).

Задачами центра являются:

– интенсификация научных исследований в области социальных трансформаций в регионе Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
– накопление и распространение информации о научных исследованиях и учебно-методических разработках в области социальных трансформаций в регионе Пограничья;
– координация научных исследований по важнейшим проблемам и направлениям, соответствующим профилю центра;
– организация продуктивного научного диалога между исследователями и преподавателями региона по проблемам социальных трансформаций в регионе Пограничья;
– создание сети партнерских образовательных и исследовательских учреждений в Беларуси, Украине, Молдове;

– создание и развитие информационной базы для проведения исследований по проблематике центра;
– содействие мобильности региональных и зарубежных исследователей, вовлеченных в работу центра.

Основные виды работ CASE:

– проведение конкурсов для аспирантов и докторантов на получение стипендий для проведения исследований по проблематике CASE;
– осуществление образовательных программ для стипендиатов CASE;
– проведение региональных исследовательских семинаров и международных конференций;
– издание научного ежеквартальника «Перекрестки»;
– издание сборника работ стипендиатов CASE;
– издание монографий по проблематике CASE;
– создание и апробация учебных, учебно-методических материалов, а также инновационных технологий обучения стипендиатами центра;
– создание библиотеки CASE.

Тематические приоритеты CASE:

– теории и модели Пограничья в современных гуманитарных науках;
– исторические и этнокультурные контексты формирования Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
– трансграничная, межрегиональная и транснациональная кооперация в Пограничье;
– политические и правовые трансформации в условиях Пограничья (Беларусь, Украина, Молдова);
– Беларусь, Украина, Молдова в контексте европейской интеграции: противоречия и преимущества Пограничья;
– Пограничье и проблемы европейской безопасности;
– национальная идентичность в условиях Пограничья;
– социальная роль образования и культуры в условиях трансформации (Беларусь, Украина, Молдова);
– регионы Пограничья в условиях глобализации.

ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ «ПЕРЕКРЕСТКИ»

Подписка может осуществляться как на отдельные номера, так и на полный годовой комплект (три выпуска). Доставка за счет отправителя. Порядок оформления подписки включает два этапа.

1. Оплатить стоимость подписки в отделении банка
по реквизитам:

Получатель – **Европейский гуманитарный университет**
AB SEB Bank
пр. Гедимино 12, LT–01103, Вильнюс, Литва
расчетный счет **№ LT39 7044 0600 0545 3512 (EUR)**
SWIFT CBVILT2X
Назначение платежа: *Подписка на журнал «Перекрестки»*

Стоимость подписки за номер (включая пересылку):
а) для Литвы и Беларуси – **24 лит** (**7 евро**);
б) для стран ЕС – **30 лит** (**9 евро**);
в) для постсоветских стран – **26 лит** (**8 евро**).

Журнал высылается подписчику заказной бандеролью.

2. Заполнить бланк заказа и выслать вместе с копией документа об облате по адресу: **ул. Тауро 12, LT–01114, Вильнюс, Литва**, кому: **Европейский гуманитарный университет**, либо сосканированный вариант по электронной почте на адрес: *office@ehu.lt*

Если копии документов не высланы, подписка не оформляется.

По всем вопросам, связанным с подпиской, обращаться
по тел. +370 5 263 96 50 или электронной почте *office@ehu.lt*

БЛАНК ЗАКАЗА

Редакционная подписка на журнал «Перекрестки»

Почтовый индекс __________ Адрес подписчика________________________________

____

Ф.И.О. ____

Телефон _________________________e-mail ____________________________________

THE SUBSCRIPTION
FOR THE “CROSSROADS” JOURNAL

The subscription is available both for individual issues and a complete annual set (three issues). Delivery is at the sender’s expense. The subscription procedure consists of two steps.

1. To pay the subscription at the bank. The bank details:
Receiver – European Humanitarian University
AB SEB Bank
Gedimino ave. 12, LT–01103, Vilnius, Lithuania
Current account **No LT39 7044 0600 0545 3512 (EUR)**
SWIFT CBVILT2X
Purpose of paymnet: *Subscription for the „Crossroads“ Journal*

Price for an issue (including the delivery):
а) for Lithuania and Belarus – **24 Lt** (**7 Euro**);
б) for EU countries – **30 Lt** (**9 Euro**);
в) for post-soviet countries – **26 Lt** (**8 Euro**).

The journal is sent to the subcriber as registered postal packet.

2. To fill in the order form and send it together with the copy of the payment document to the address: **Tauro str., 12, LT–01114, Vilnius, Lithuania** To: **European Humanitarian University** or the scanned copy to the e-mail: *office@ehu.lt*

If the copies of the document are not sent the subscription is not validated.

For any questions connected with subscription contact us
+370 5 263 96 50 or *office@ehu.lt*

ORDER FORM

Editorial Subscription for the "Crossroads" Journal

Zip code __________ Address ____

____

Name ____

Telephone ______________________________ e-mail ______________________________